Н. П. Кишенский

Ружейная охота с гончими

Руководство для охотников и любителей

Москва - 1906

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I О гончих вообще - Капитальные породы гончих, бывшие в России - Старинные русские гончие - Костромские - Русские пешие - Курляндские - Польские маленькие - Польские паратые - Польские тяжелые - Английские лисогоны – Некоторые другие породы	3
Глава II Помеси гончих - Какие признаки указывают установившуюся породу - Непонимание некоторыми охотниками значения слова "порода" - Трудность вывода породи у нас в России - Каких правил следует держаться при выводе породь гончих - Вязка - Содержание щенных сук – Выбор щенков - Содержание и выращивание щенков	17
Глава III Стая - Мастер - Стайные собаки - Пустозвоны - Перечуны - Как заводить стаю - Необходимость установившейся породы гончих для того, чтобы сладить стаю - Выбор породи гончих по свойству местности и охоты – Одиночка, ее воспитание и содержание	**35**
Глава IV Какие качества требуются от ружейных гончих и разница ружейной стаи от стай при других охотах - Как нахаживать ружейных гончих; смычки, свора, рог - Псарня и содержание гончих	**54**
Глава V Разделение ружейной охоты с гончими на неподвижную и ходовую - Как произошло это разделение - Охота большой компанией - Удобнейшие правила этой охоты - Какие гончие годны для этой охоты - Выгоды этого способа и почему эта охота мало употребительна и редко удается – Что такое охота "правильная" - Облава с гончими	**75**
Глава VI Зверь местовой и набеглый - На чем основана ходовая охота с гончими - Неудобство большой компании на ходовой охоте - Какие гончие нужны для этой охоты - Охота на зайцев - Где искать беляков по состоянию погоды; беляк прибылой и матерый русак - Лазы и другие сведения о зайцах, излишние для охотника - Порядок ходовой охоты, ее добычливость - Добыча, кроме зайцев	**84**
Глава VII Охота на лисиц - Как ведет себя лисица под гончими - О красногонах и сколько их надо для лисьей охоты - Нечто о новом учении о красногонах - Логова - Охота и как должен вести себя охотник - Норы - Верховая ружейная охота с гончими - Лошадь и седловка - Гончие - Зимняя охота на лисиц, на русаков - Охога с предварительным обкладыванием – Неудобства зимней охоты с гончими в нашей местности	**95**

ГЛАВА I

О гончих вообще - Капитальные породы гончих, бывшие в России - Старинные русские гончие - Костромские - Русские пешие - Курляндские - Польские маленькие - Польские паратые - Польские тяжелые - Английские лисогоны – Некоторые другие породы

Охоты, в которых употребляются гончие, очень разнообразны: то собаки выставляют зверя из недоступного для охотников места, как например, в русской псовой охоте или охоте ружейной, то должны поднять и сгонять зверя, как в охоте парфорсной. В старину с крупными и злобными гончими охотились на "крупных зверей - кабанов и медведей; тут собаки находили и останавливали зверя, а охотники прикалывали его рогатиной или просто ножом. Наконец, первообраз гончей, наша олонецкая или сибирская лайка, Загоняет белку, куницу и соболя на дерево и громким лаем дает знать промышленнику, который подходит и бьет Зверя на винтовки.

Как ничто на свете не появляется вдруг, "по щучьему велению", а подготовляется постепенно, так и породы гончих появились не вдруг, а были выведены постепенным развитием в собаках гончих качеств, постоянным подбором более способных производителей, и появление их обуславливается явившееся в человеке потребностью иметь породу собак с качествами гончей. Под влиянием различных климатов, различных условий охот, а следовательно, и выбора производителей различных качеств, наконец, от разных примесей посторонней негончей крови постепенно образовались новые породы, до того различные по форме и внутренним качествам, что в них трудно отгадать родственность крови. Собака способнее всякого четвероногого к переменам как наружных форм, так и внутренних качеств; любая порода, поставленная в иные условия жизни, чем те, в которых она существовала, скоро изменяется, сообразно тем условиям, в которые она поставлена. Этим объясняется многочисленность вообще собачьих пород, а также и различие качеств, которыми отличаются породы гончих. Так в средние века, когда огнестрельное оружие еще не употреблялось на охоте, была выведена сильная и злобная порода гончих св. Губерта, бравшая кабанов и медведей. Так в Англии скрещиванием различных пород, в т.ч. и негончих, и постоянным упражнением была выведена самая паратая гончая. У нас, в России, где, по свойству охоты, требовалась гончая средней паратости, возможно более голосистая и способная к составлению громадных стай, возможно более выносливая, были выведены старинные русские и костромские гончие, соединяющие в себе вышеперечисленные качества.

Мне могут возразить, что в старину не были известны правила вывода пород, основанные на научных данных, а потому и вывода пород в том смысле, как мы привыкли понимать, не могло быть. Вероятно, прежде были незнакомы с этими правилами, но тогда, не мудрствуя лукаво, уничтожали негодных собак и не брали от них потомства, т.е. поступали очень правильно, хотя теория Дарвина и не была известна. Теперь, хотя всякие правила и теории известны, нам бы многому не мешало поучиться у наших предков, - что-то совсем не видать новых капитальных пород. Впрочем, наши предки были и обставлены для этого несравненно удобнее нас: больше живя в насиженном родовом имении, они могли лично наблюдать за

охотой; иностранных пород им достать было неоткуда, да вряд ли кто из них об этом и мыслил, почему и было достаточно времени для того, чтобы порода местных собак вполне установилась.

Местная порода собак всегда должна иметь много преимуществ перед привозной: привычка к климату, содержанию, местности и зверю, с которым приходится иметь дело, - все это в крови местных собак. Всякие собачьи болезни не так сильно действуют на местную породу, как на привозную. Кажется, велико ли расстояние между Англией и Францией, а между тем известно, что привезенные иэ Англии легавые всегда работают во Франции хуже, чем им потомство, рожденное и выросшее под влиянием нового климата. Разница климатов Англии и России несравненно больше, и английские гончие, привезенные к нам, почти негодны, что я испытал и сам слышал от дельным охотников. Только после нескольких поколений они настолько приурочиваются, что могут служить как следует. Впрочем, обыкновенно, чтобы скорее получились хорошие собаки, английских гончих мешают с русскими, что придает помеси необыкновенную паратость, но, - что бы ни говорили, - в ущерб чутья, голосам и мастерству.

Ах, господа псовые охотники, зараженные духом англоманства, что вы сделали с русской псовой охотой? Как вы смешны с вашими сворами, стоя на лазах, на которых ничего не побежит, ибо ваши паратые гончие все придушат в острове! Что ва удовольствие слушать сигналы, возвещавшие, что зверь взят? Хоть бы гон был особенно хорош, - а у вас и этого нет: у вас пискотня, а часть стаи дует молочком или перечит! - Нет! в старину не слишком хвалили доезжачего, если стая душила в острове; тогда любили травить, любили слушать музыку гона и, правду сказать, было что послушать! Тогда имело смысл приглашение "послушать гончих", а теперь на что вы пригласите? Подняли зверя и помчали прямиком, "гончих не остановишь, слишком параты!"

Я понимаю и сочувствую охоте чисто парфорсной, когда сам охотник под гончими: тут он сам наблюдает за стаей, не допустит перечунов; ему люба отчаянная скачка. Тут вся сила в гончих. Но коль скоро охотник с борзыми, а гончие душат, - воля ваша, это все равно, что ружейному охотнику ходить с легавой, не дающей подняться дичи, а постоянно ее ловящей...

А к чему привело это тупое поклонение иностранному? К тому, что мы, русские охотники, не знаем своих пород, не умеем определить, какими качествами и приметами отличались эти породы, и ищем в них тех ладов, которые привыкли ценить в иностранных собаках. Дошли до того, что нас могут уверять, что костромские гончие выведены от английских, до того, что каждый беспородный ублюдок называется костромской гончей или маркловской легавой. Право, скоро мы будем требовать, чтобы у сибирской духовой собаки хвост был a la пойнтер.

Я говорю все это для того, чтобы те ружейные охотники, которые вздумают обзавестись гончими, прежде чем выписывать иностранных, обратили бы внимание на то - нельзя ли раздобыться собачками из местных. Тогда бы они вполне убедились собственным опытом, что нет лучше гончих, как те, которых порода существует в данной местности возможно долгое время, конечно, если она не выродилась или не испорчена примесью посторонней крови. Вероятно, в разных захолустьях еще сохранились породы настоящих русских гончих, скорее всего у

небогатых охотников, не имевших таких бешенных денег, чтобы выписывать иностранных собак и заражаться англоманством, ибо на это тоже нужны средства. Вот я и советую ружейным охотникам поискать таких собак, а не тратить сразу несколько сот рублей на приобретение английских или французских гончих и несколько лет на приурочивание иностранцев. Дав слово опытного по этой части охотника, что те, кто послушает моего совета, будут довольны и собаками и охотой.

В настоящее время породы гончих страшно перемешались; каждая отдельная местность и даже стая отличается какой-нибудь особенностью, и очень важно уметь по наружному осмотру приблизительно узнавать их качества; для этого существуют несколько общих правил, которыми и руководствуются при осмотре собак. Так, сухость склада, в особенности ног и головы, крепость мускулов, возможно больший простор ребер, а в русских породах и возможно большая короткоухость свидетельствуют о нестомчивости гончей. Задние ноги у всякой гончей должны быть несколько лучковаты, но не до безобразия, что свидетельствует о слабости и бывает от дурного выращивания щенков. Я предпочту всегда гончую с совершенно прямыми задними ногами гончей с ногами чересчур лучковатыми. Определить по наружному осмотру степень паратости гончей довольно трудно. Для того, чтобы по общему складу сделать заключение, требуется навык, в отдельности же можно судить по следующим приметам: высокие и сухие ноги, сильно развитый зад и постоянно блестящие на выкате глаза - вот что указывает довольно верно на паратую гончую. Паратость и пешесть вообще не разделяются резко: можно указать только самых паратых и самых пеших гончих, но между ними существует так много промежуточных градаций, что определять можно только сравнительно. Есть породы гончих слабого, лещеватого сложения, обыкновенно паратых, но в таковых паратости хватает очень не надолго и после одного дня охоты эти гончие никуда не годятся и требуют отдыха. Напротив, есть такие, которые с первого взгляда кажутся тяжелыми, но оказывается, что это не тяжесть, а могучая мускулатура, указывающая на громадную силу. Такие гончие бесценны для настоящего охотника: они способны гонять ежедневно, целую неделю и не сбавлять первоначальной паратости, но о таковых, кажется осталось лишь предание или они сделались уже чересчур редки.

Силу чутья по наружному осмотру определить невозможно, хотя ширина ноздрей, величина и наружная форма носа и имеют некоторое значение, но далеко не такое, какое ему придают некоторые охотники. Вообще можно только сказать, что если у гончей ноэдри широки и края их мало закруглены, а нос сильно подвижен, то она имеет больше шансов на хорошее чутье, чем гончая с противоположными признаками.

Сравнительную силу голосов гончих можно определить довольно верно измерением объема груди таким же образом, как измеряют объем груди при приеме рекрутов, т.е. под мышками; чем больше этот объем, сравнительно с ростом собаки, тем голос ее сильнее, но независимо от того - низкий он или высокий. Конечно, это верно только в том случае, если гончая чем-нибудь не испорчена, например, болезнью или ранней охотой. Можно еще вернее определить голос

гончей, постукивая в грудь за лопаткой, по звуку, издаваемому этим постукиванием, но для этого надо иметь навык и послушать много гончих.

Хвост (гон) у всех вообще пород гончих должен быть правильный, т.е. не должен быть согнутым на бок к концу или на середине и казаться кривым, но может быть и прямой, и согнутый дугой, даже кольцом. Бели гончая носит хвост постоянно искривленным, как будто сломанным, - это означает нечистокровность или порочность; если же она заведомо чистокровна, и последнее всегда справедливо, - все гончие с неправильным хвостом порочны для охоты. Длина хвоста зависит от породы, но никогда он не должен быть длиннее, чем до колена задних ног. Мне могут возразить, что есть много гончих, у которых хвост длиннее; это правда, но такие гончие всегда слабосильны, а я не виноват, что слабых гончих разводят многие охотники.

Многие ружейные охотники, выбирая гончих, главным образом обращают внимание на масть, что вовсе неосновательно: породы гончих так перемешаны, что масть почти ничего не значит. На что необходимо обращать внимание, так это на то, чтобы у гончей были подпалины, ибо хотя и есть породы без подпалин, но незнакомая собака с возможно большими подпалинами будет надежней. Масть же гончей может быть и пегая (черно-пегая, серо-пегая, багряно-пегая), и черная (часто белоногая и беломордая), и серая; наконец, вся гончая может быть желтая или красная (багряная). Одной масти советую избегать, это каштановой или кофейной; такая гончая обыкновенно с примесью легавой крови; но каштановый или кофейный цвет не следует смешивать с темно-бурым, который часто встречается у породистых гончих. Впрочем я слышал, что есть французские гончие кофейные и кофейно-пегие, но если это и справедливо, то все-таки я не возьму назад своего совета: французские гончие привозились в Россию чрезвычайно редко, и надеяться на то, что кофейная гончая происходит от французской, очень ненадежно.

Но самая лучшая оценка гончих может быть сделана только на охоте, а потому тот, кто желает приобрести гончих, должен стараться видеть их на деле и брать только после основательной пробы. Пробный камень всех вообще гончих - это островной беляк; только на нем и можно вполне оценить мастерство; для этого надо выбирать незайчистые острова. Проба гончих не должна ограничиваться беляком; их следует пробовать также и по красному зверю, отдельно по волку и лисице. Теперь развелось очень много гончих, гоняющим только по зайцам, гончих, которые трусливее овцы; обладать такими сокровищами вовсе неприятно. Кроме того, есть гончие, которые гонят по лисице и не гонят по волку, или наоборот. Хорошая ружейная гончая должна гнать по всякому дикому зверю, исключая мыши, крысы, крота и белки.

Принимаясь за описание отдельных пород гончих, я предупреждаю читателя, чтобы он не ожидал описания всех пород, существующих в России: вряд ли найдется охотник, обладающий такими широкими сведениями; я опишу только те породы, которые мне известны.

Старинная русская гончая. Собака очень большого роста, от 13 до 16 вершков. Голова широкая, лобастая, морда длинная, несколько горбоносая, довольно толстая, но сухая без брылей; глаза узкие, желтые, навыкате. Уши

короткие, углом, полустоячие и очень подвижные. Шея пропорциональной длины, толстая; у старых собак кожа на шее отвисает, образуя подгрудок. Туловище (колодка) очень широкое, круготреброе; грудь не особенно широка, но очень выпуклая, опускается до локотков, а иногда и ниже. Ноги высокие, толстые, очень мускулистые и сухие. Хвост (гон) серпом или в виде старинной турецкой сабли, носится не особенно круто. Псовина на голове и ногах маленькая, гладкая; на колодке густая и грубая, с мягким подшерстком; на шее особенно длинна, как у волка; на хвосте густая и грубая, одинаковая во всю его длину. Окрас псовины напоминает волка, с той разницей, что голова, ноги, нижняя часть туловища и хвоста всегда у волка белесоватые, у старинной русской гончей окрашены в темный грязно-желтый цвет. На лбу между ушей всегда есть черноватая полоса. Подпалины никогда не отделяются резко, а сливаются. Породистые собаки не должны иметь белым отметин, кроме эагривины, которая также бывает не у всех, и маленькой отметины на конце гона.

Рис. Голос, старинная русская гончая Г. Шидловского. Большая серебряная медаль на выставке 1875 г. (Н.А. Мартынов. "Портреты собак")

В общем старинная русская гончая имеет какой-то, не скажу волчий, но эверовый вид и с первого же взгляда видно, что это паратая и неутомимая собака. Движения ее плавны, точно рассчитаны; подняв зверя, она преследует его быстро, но без того порывистого азарта, которым отличаются некоторые другие породы: зверь, однако, неминуемо бывает сгонен, - будь то матерая лисица или волк переярок. Замучить стаю этих гончих очень трудно: после нескольким дней охоты она гоняет так же парато, как и в первый день. Причина выносливости этих собак будет понятна, когда вспомним, что они выведены нашими прадедами, о продолжительности отъезжих полей которых сохранились лишь темные предания; достаточно сказать, что нижегородские охоты заходили в Тверскую губернию, - слабая собака не выдержит и простого перехода иа такое расстояние, а тогда "охоты" шли охотой и, понятно, собаки нужны были железные. Содержание старинных русских гончих нетрудно: морозов они не боятся, на корм неприхотливы и очень прожорливы; чуму выдерживают легко.

Для составления стаи это - одни из самым лучших собак; голосистые, с недлинным настоящим эаливом, дружные в высшей степени, отчаянной злобы, они гнали всегда треугольником, с мастером впереди, а гон треугольником, это - совершенство стаи. Одна из особенностей этих гончих, это - их своеобразный гон по волкам "с подвывом", - термин, который теперь почти забыт; теперь вообще по красному гонят "с подлаем". Старинные русские гончие были полазисты и добывчивы, потому что искали очень широко и быстро, но наездка их трудна: они грубы и непослушны, то и дело надо употреблять арапник.

Старинные русские гончие теперь, кажется, совершенно перевелись; мне уже давно не приходилось их встречать. Главная причина их исчезновения заключается в слишком звероватом характере; несмотря на самую строгую выдержку, нельзя ручаться, что они не тронут домашнего скота, особенно овец, которых не могут видеть равнодушно, и на охоте надо старательно обходить стада, ибо, даже сомкнутые, эти дикари иногда срываются. В старину гончие эти очень ценились, но в настоящее время, когда за каждую овцу надо расплачиваться деньгами, а не арапником, держать их нельзя, - слишком дорого обойдется.

Я знал стаю этих собак слишком в двадцать смычков; это была отличная стая для псовой охоты, настолько паратая, что не давала зверю дремать в острове, настолько выносливая, что сганивала матерых лисиц на пятый день ежедневной охоты, но... редкое поле обходилось без плачевного происшествия с овцами и телятами.

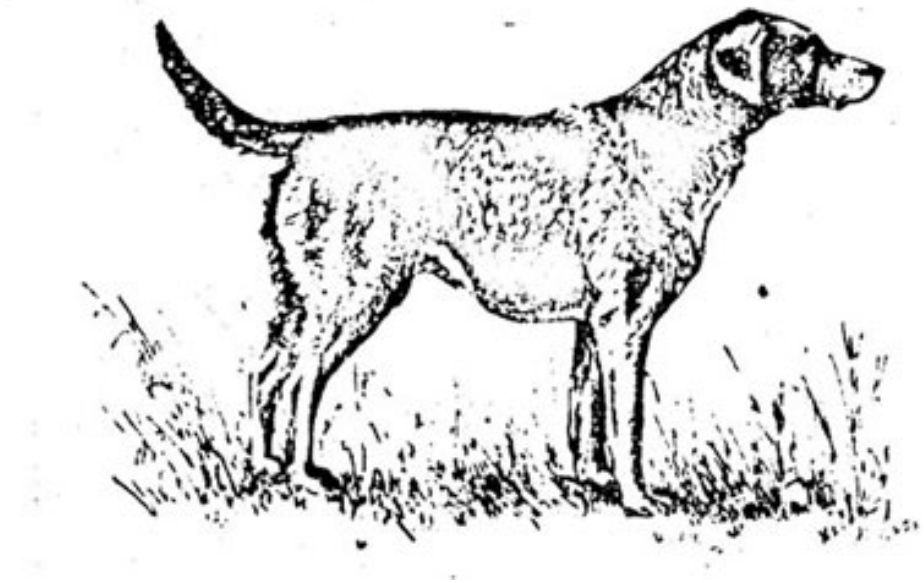
Последнюю чистокровную гончую этой породы мне пришлось видеть лет сорок назад; ее добыл откуда-то мужик-охотник, говорил, что из Твери. Держал он ее не долго; пороки, свойственные породе, были в ней неисправимы, - ока резала овец, ела кур и ее пришлось застрелить.

Но хотя эта порода и была слишком зверовата, все-таки очень жаль, что она уничтожилась окончательно; она обладала признаками вполне установившейся капитальной породы и могла бы служить для вывода и поддержания других пород, для придания им силы, роста и выносливости.

Костромские гончие. Рост этих гончих различен; самые крупные кобели, которым мне приходилось видеть, достигали 15-вершкового роста, по обыкновению рост колеблется между 12 и 14 вершками; суки обыкновенно вершком ниже кобелей. Голову костромских гончих можно сравнить с волчьей, особенно морда и нос, - совершенно как у волка; ноздри широкие, нос широкий и плоский, сильно выдающийся вперед и очень подвижный. Череп узкий, борзоватый, с развитым гребнем на затылке. Уши очень маленькие, угольником, висячие; при возбужденном состоянии заворачиваются назад и прижимаются к шее, причем складываются как у борзой. Глаза средней величины, карие или желтые, блестящие. Шея очень толстая, с подгрудком. Колодка замечательно развитая; ребра бочонком, спускаются ниже локотков, у некоторых пальца на два, что придает собаке несколько борзоватый вид, т.к. образует значительный подрыв. Грудь никогда не бывает особенно широка, но всегда выпуклая, зад широкий, хорошо сформированный. Ноги толстые, сухие и мускулистые, сравнительно с колодкой, несколько коротковаты, отчего собака кажется длинной. Лапы, особенно передние, очень широкие, следистые. Хвост всегда короткий, толстый в начале и

тонкий к концу, изогнут довольно круто; во время гона или быстрого рыска стелется горизонтально. Псовина на голове и ногах гладкая, на шее и спине - довольно длинная, очень жесткая, с мягким подшерстком; над плечами и на шее ость особенно груба; на боках гораздо мягче; на ляжках длинная, на хвосте очень густая; вообще хвост по форме похож на хвост лисенка или волчонка. Костромские гончие бывают трех мастей: черные впросерь, в подпалинах, желто-багряные и черно-пегие в подпалинах, пежины черные, впросерь. Собаки всех трех рубашек совершенно однородны, что видно из одинаковых склада и полевых качеств; можно мешать гончих разных мастей, и склад не изменится. Подпалины могут быть всех оттенков желтого цвета, начиная от бледно-желтого до ярко-желтого или темно-грязно-желтого, но никогда они не бывают ярко- или темно-красные, как у польских и курляндских гончих. Красноватый яркий оттенок бывает у гончих костромской породы только, когда они желто-багряные, и только на спине и сгибе задних ног. Если судить о породистости костромских гончих по окрасу псовины, то главным образом следует обращать внимание на то, чтобы везде под верхней черной остью был серый или желтый подшерсток, который выступает местами наружу. Очень много костромских гончих бывает "под чепраком", т.е. собака желтая с темной спиной; у таковых чепрак обыкновенно волчьей масти или серый, с редкой черной остью. У собак всех мастей часто бывает белая загривина, белые лапы или ноги и непременно белый конец хвоста.

Рис. Костромская гончая
("Охотничий календарь")



Если глядеть на костромскую гончую издали, то она очень похожа на волка; бег ее совершенно волчий: тот же, по-видимому, тяжелый аллюр, тот же как будто отставший и несколько низкий, сравнительно с передним, зад; на охоте часто случается, что крестьяне, видя костромского рослого выжлеца, в особенности если он под чепраком, кричат на него как на волка.

Необыкновенные достоинства костромских гончих заключаются в их необыкновенно сильном верхнем чутье, замечательно сильных и красивых голосах и необыкновенной вязкости. Если держать гончих различных пород и охотиться то с теми, то с другими, - невольно поражаешься превосходством чутья костромских

гончих. Сама манера розыска выказывает сильное чутье, тогда как другие гончие старательно выслеживают зверя, - костромская гончая несется полным карьером, высоко подняв голову, изредка вдруг осаживая и изменяя направление, а к логову зверя бросается верхним чутьем замечательно далеко. Гонит она не опуская головы, т.е. чует и ведет след, не нюхая его по эемле. О голосах костромских гончих можно сказать, что те охотники, которые не слыхали гона стаи породистых костромичей, не имеют понятия о том, каков может быть стайный гон. Некоторое подобие этому гону представляет гон старинных гончих, остальные породы по голосам не могут и сравниваться: их гон, перед гоном костромских гончих, все равно, что скромные звуки гитары перед мощными аккордами концертного рояля. Голоса костромских гончих, если можно так выразиться, очень фигурные: обладая настоящим длинным заливом, без перебоя, и необыкновенной силой, у одной и той же гончей, после залива, голос не однотонный, т.е. каждый взлай делится на несколько нот, которые не разделяется, а переходят одна а другую, - так, начиная дискантом, переходят постепенно в бас и наоборот; поэтому голоса необыкновенно продолжительны. Отрывистые, мерные голоса бывает только у самых низких, глухих басов, залив и гон которых совершенно однотонный. Такой глухой и мерный бас необыкновенно красив в стайном гоне, для полноты которого он также необходим, как и плаксивые, звонкие и фигурные голоса выжловок. Некоторые костромские выжлецы редкоскалы, в особенности по красному зверю, по которому голос у них троится; суки, наоборот по красному гонят очень часто.

Костромские гончие очень вязки, вязки до сумасшествия. Случалось, что зимой, в глубокий снег, который держал лисицу и не держал собаку, - увязавшиеся за лисицей, эти гончие пропадали по двое суток. Обезножившая, подбившаяся костромская гончая, еле передвигая больные ноги, все-таки гонит. На зверя эти гончие очень злобны; стая гонит или клубком, или треугольником, с мастером впереди.

Паратость и выносливость костромских гончих вполне зависит от их выращивания и содержания: если выращивание щенков производится правильно, то и собаки выходят паратые и очень выносливые, так что немного уступает в этом отношении старинным русским; но костромская порода, относительно выращивания и содержания, самая щекотливая: щенки сильно болеют, особенно много их умирает в то время, когда их перестает кормить мать; поэтому завести хорошо слаженную стаю костромских гончих вовсе нелегко. Многие щенки хотя и переживают болезнь, но она отнимает у них силу и рост и портит голоса, так что в хорошую стаю они не годятся. Взрослые собаки требуют частого упражнения, иначе перестают есть и страшно худеют (это тоже опасно: некоторые собаки от этого умирают или сильно жиреют, что вредно для чутья). К корму вообще костромские гончие не жадны и едят сравнительно мало; чтобы они были в порядке к полной силе, им необходима мясная пища.

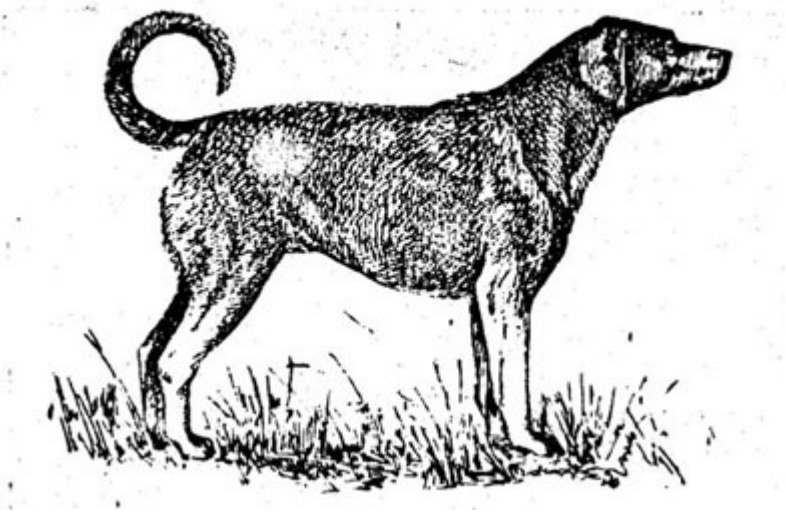
Характер костромских гончих несравненно мягче, чем у старинных русских, но все-таки наездка стаи довольно трудна, вследствие необузданной их страстности. Костромская гончая так увлекается охотой, что забывает все на свете, просто дичает и нередко, в буквальном смысле, не дается в руки. К людям эти гончие необыкновенно добры и ласковы. Часто приходится слышать, что

костромские гончие всегда режут овец, это - сущий вздор; дело в том, что их смешивают со старинными русскими, тогда как на самом деле костромичи только немного более способны на подобные безобразия, чем другие породы, и их нетрудно совершенно отучить. Костромские гончие режут овец только у тех беспутных охотников, у которых делали бы то же самое и всякие другие гончие.

Со свойственной нам неряшливостью мы допустили и эту замечательную породу почти уничтожиться, - по крайней мере, все реже и реже приходиться видеть настоящих костромских гончих. Сравнительная трудность их содержания не может служить нам оправданием: были же сравнительно недавно чистокровные, образцовые стаи этих гончих, образцовые по наездке и выдержке, а стая костромских гончих по многим качествам у нас на Руси незаменима, незаменима потому, что она чисто местная.

Русская пешая гончая. Небольшого, часто маленького роста (средний рост от 10 до 12 вершков). По своему сложению она что-то среднее между старинной русской и костромской; с головы походит на костромскую, только морда у нее покороче, а череп пошире; уши и нос совершенно такие же; глаза всегда желтые, несколько узкие. Ноги крепкие, пропорциональной длины. Колодка широкая, круторебрая; грудь довольно широкая и выпуклая. Хвост такой же, как у старинной гончей, но носится непременно замкнутым кольцом и очень круто. Псовина такая же, как у старинной русской; масть черная, немного впросерь, в желто-красноватых, но не ярких подпалинах; у большей части белая грудь, эагривина, концы лап и морды. Изредка бывают под чепраком.

Рис. Русская пешая гончая
("Охотничий календарь")



Пешей гончей я ее называю только сравнительно с двумя предыдущими, но есть гончие гораздо тупее. По складу она могла бы гнать паратее, что и бывает видно, когда она гонит по зрячему; дело в тон, что ее манера гона очень ее замедляет, ибо она иначе не взлаивает, как задрав морду кверху, при чем бег ее непременно замедляется.

Голоса у русским пеших гончих хорошие, чистые и звонкие, без того характерного дребезга, который обыкновенен у костромских, но совершенно однотонные, с своеобразным, свойственным только этой породе заливом, который

производится тем же голосом, как и гон, и тем же взлаем, который сливается и делается непрерывным. Особенно грубых басов у этих гончих не бывает, так же как и высоких дискантов. По лисице голоса у них троятся, по волку делаются грубые и сиповато-озлобленные.

Пешие гончие энергичны, смелы и злобны на зверя и, что особенно заслуживает внимания, смелы и злобны в одиночку, что особенно редко между гончими. Русская пешая гончая не задумываясь гоняет в одиночку волков и очертя голову бросается на собаку вдвое ее больше. Я сам видел, как небольшая гончая бросилась на волка, пришедшего на падаль, и ее натиск был так энергичен, что седой великан не выдержал характера и обратился в постыдное бегство.

Но, несмотря на большую выносливость, вязкость и злобность, этим гончим почти никогда не приходится сганивать лисиц: причина этому та, что они несносные копуньи. Несмотря на отличное чутье, разыскивают тихо, свидетельствуют непременно каждый куст, стекают не иначе, как голосом, с особым сдержанным заливом, и необыкновенно любят вертеться на заячьих жировках. Гонят замечательно верно и поиск имеют широкий, т.е. удаляются далеко от охотника. Что заслуживает похвалы, так это их необыкновенная вежливость и ум, что очень важно для ружейной охоты. Из этих гончих выходят отличные ружейные одиночки, вежливые, как легавые. Больших стай этих гончих мне видеть не приходилось, да не думаю, чтобы они были для этого и хороши; они слишком пеши, но, вместе с тем, очень дружны. Холода эти гончие совсем не боятся, и им нипочем самые лютые морозы. На корм неразборчивы, прожорливы: собака съедает за раз матерого беляка.

Курляндская гончая. Невысокого роста, но сложена очень массивно, несколько сыровато. Морда короткая и толстая, немного брылистая; череп высокий, с развитым гребнем, прилобистый; глаза черные, небольшие, часто впалые; уши не длинные, широкие, лопухом; шея с небольшим подгрудком. Колодка толстая, бочковатая; грудь очень широкая, не очень выпуклая. Зад сравнительно узок и мало развит. Ноги коротковатые, круглые и толстые. Хвост мало изогнутый, почти прямой. Псовина гладкая, короткая, но с подшерстком. Масти бывают: черные в красных подпалинах, темно-красные (бурые) в светло-желтых подпалинах и светло-желтые под черным чепраком. Пегих гончих этой породы не бывает и белый цвет им несвойственен, так что белые отметины указывают на нечистокровность.

Курляндская гончая очень пешая; она несколько похожа и складом и движениями на молодого щенка, - так и хочется назвать ее увальнем. Гонит она очень верно и обладает отличным верхним чутьем. В большим стаях курляндские гончие не особенно хороши, потому что каждая собака старается вести след, и стая растягивается в линию; но для охоты с одним или двумя смычками курляндские гончие превосходны, хотя и разыскивает несколько тихо. Голоса у курляндских гончих частые и отрывистые, без залива, несколько глухие; бывает хорошие басы, но высокие дисканты попадаются редко. Собаки эти выносливы, но далеко уступает в этом отношении русским породам; они отлично гонят по зайцам и лисице, на которую злобны, но по волкам гонят только в стае и не совсем охотно, - несколько побаивается. Говорят, что они хороши по козам и лосям, что, вероятно,

справедливо, ибо на их родине эти звери составляют главный предмет охоты высокородных баронов, которые и вывели породу курляндских гончих.

Польская маленькая или заячья гончая. Собака эта, насколько я мог узнать, происходит не иэ Польши; родина ее - Литва, где она, как я слышал, встречается довольно часто и теперь. Роста она очень маленького и чрезвычайно похожа на лисицу, которой немного побольше. Морда у нее острая и короткая: лоб низкий; уши короткие, полустоячие, довольно широкие; глаза желтоватые, навыкате. Туловище длинное и узкое. Ноги короткие и тонкие. Хвост пушистый, носится немного изогнутым, а во время гона стелется. Псовина густая; масть этой гончей бывает или черная, в небольших темно-красных подпалинах, или несколько буроватая; в последнем случае подпалины бывают светлые и иногда переходят в грязно-желтые. Вообще сходство ее с лисицей так велико, что я знаю несколько случаев, когда опытные охотники принимали такую гончую эа лисицу.

Гонит эта гончая из наших зверей только зайца, но говорят, что она хороша и по козам; по лисице и волку она никогда не гонит. Гончие эти средней паратости, скорее паратые, чем пешие; голоса у них очень слабые и мерные, с каким-то вытягиванием, похожим на стон. Маленькая польская гончая - исключительно одиночная собака, даже смычок не гонит дружно; каждая гончая старается гнать своего зайца, а если он один, то одна из гончих гонит, а другая перечит и, перехватив след, начинает гнать, а первая - перечить. Эти гончие очень вязки, нередко сганивают матерых зайцев, для чего, если не заперты, одни уходят в лес. Гончие эти не могут долго служить: у них скоро разбиваются передние ноги, так что коленки выгибаются вперед, как у перегнанной, разбитой ямской лошади. Вообще в этой породе гончих нет ничего хорошего.

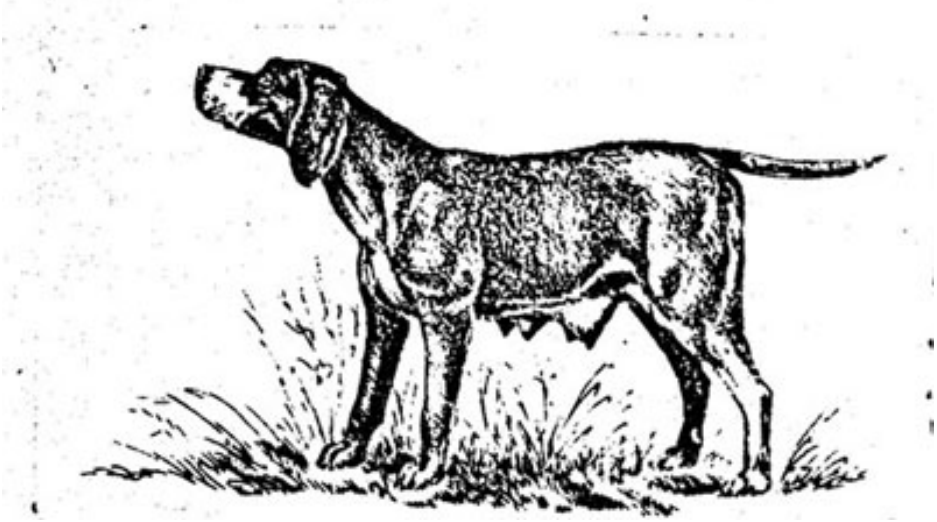
Польская паратая. Гончая среднего или высокого роста, с вытянутой борзоватой мордой, выпуклым и высоким черепом, очень большими черными, навыкате, блестящими главами, низко посаженными, средней длины, треугольником, ушами. Колодка несколько лещеватая и борзоватая; зад короткий и широкий; ноги сухие, тонкие и высокие; хвост, слегка изогнутый, носится отлого; псовина жесткая, довольно длинная; хвост с редким подвесом. Масть блестяще черная, в ярко-красных подпалинах; разница бывает только в оттенках подпалин, которые иногда переходят в очень темно-красный цвет; других мастей эти гончие не бывает.

Рис. Польская паратая гончая
("Охотничий календарь")

Гончая эта очень парата и порядочно выносliва; гонят по всякому зверю одинаково хорошо, но на волка и даже лисицу не злобна, если дело доходит до схватки, поэтому сганивают эти гончие сравнительно редко. Чутье у них хорошее, но они стекает больше низом, разыскивают быстро и широко. Голоса у них очень звонкие, несколько протяжные, обыкновенно высокие дисканты; басов никогда не бывает. Гон чрезвычайно азартен. В стаях служат хорошо и гонят очень дружно, но стая редко сваливается в кучу, а гонит врассыпную. К старости эти гончие делается менее параты и многие разбиваются ногами до полной негодности. Из них выходят очень хорошие паратые одиночки, достаточно низкие.

Польская тяжелая. Гончая большого роста. Голова очень массивная; морда толстая, очень брылястая; череп высокий, прилобистый, с сильно развитым гребнем и надглазными костями; уши посажены низко, длинные и широкие, лопухом; глаза небольшие, впалые, черные, с отвисшей нижней векой, всегда налитые кровью, точно воспаленные. Кожа на морде и голове морщинами и складками, отчего и молодые собаки имеют старообразный обрюзгший вид. Шея толстая, с большим подгрудком, висящим складками. Колодка немного лещевая, с широкой, но не выпуклой грудью. Зад мало развит. Ноги умеренной вышины, толстые и круглые. Хвост немного изогнутый, толстый. Псовина на всей собаке короткая и лоснящаяся. Масти бывают: черные в подпалинах (подпалины ярко или темно-красные), иногда очень больших.

Рис. Польская тяжелая гончая ("Охотничий календарь")



Собаки эти очень пеши и мало выносливы; выхаживают с грехом пополам два дня кряду, но гонят хорошо и довольно чутьисты. Голоса имеют хорошие: попадаются здоровые басы; у сук обыкновенно дисканты, но незвонкие. Обыкновенно голоса их отрывисты, но иногда бывают с недлинным заливом, который, однако, совсем не похож на залив костромской гончей. Хорошо гонят по волкам и зайцам, но не любят лисицу и некоторые по ней не гонят. Годны в больших стаях и злобны на зверя, которого, впрочем, им никогда не приходится сганивать.

В прежнее время многие охотники прельщались своеобразной, внушительной красотой этих гончих и слаживали из них стаи при псовых охотах, но скоро их или уничтожали, или мешали с какой-нибудь более легкой породой. Служат эти гончие

недолго и скоро старятся, делаясь очень ленивыми. Вообще все угрюмы и злы с людьми, и драчливы между собой.

В этих гончих красива только наружность, и то для непонимающих гончих, - знаток сейчас увидит, что это сырая, невыносливая гончая.

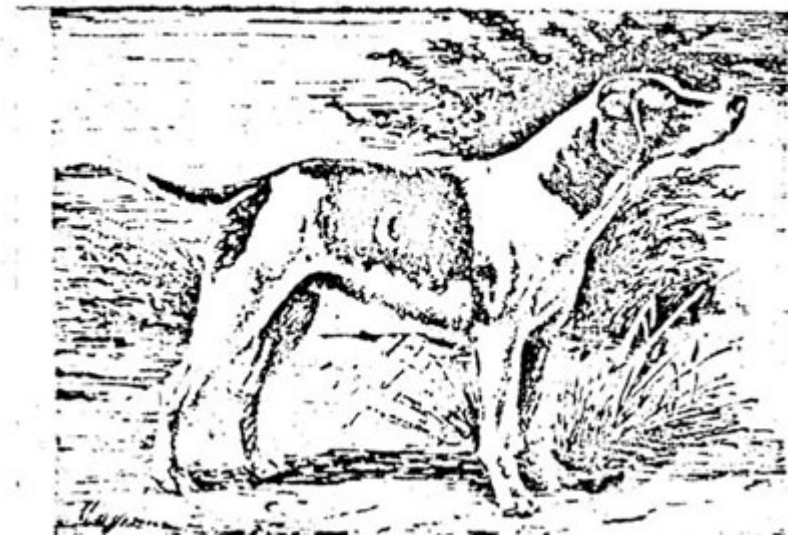
Английские лисогоны (foxhound). В Англии пород гончих несколько и некоторые из них имеют различные типы. Английские гончие имеют в крови много негончей крови, чем и объясняется их отчаянная паратость. Вот что говорит о происхождении foxhound'ов de la Blanchere: - "Семинкур допускает, что тальботы были смешаны с борзыми, очевидно с шотландскими, жесткошерстными, которые в свою очередь, очевидно, породили и Северную породу...

Северная собака в результате скрещивания имеет удлиненную форму головы, изящную морду, короткие уши, точеные бока, скудную пасть и негромкий голос...

Можно будет так же предположить, что кровь большого терьера смешана тоже с этой подрасой...

Все это доказывает, что лисогоны - совершенно искусственная порода, это не специальная масть, а собранная из всех пород".

Рис. Английская паратая гончая, фоксхаунд ("Охотничий календарь")



Foxhound'ы, собственно, и не могут считаться настоящими гончими, или их следует называть "травильными гончими", т.к. стая этих собак не "гонит", а "ловит". Собаки эти годятся не иначе, как в стаях; чутье у ник не сильное; розыск короткий, т.е. стая ищет около охотника на близком расстоянии и без помощи доезжачего не скоро поднимает. Гонят foxhound'ы низко только в том случае, если слышат за собою топот лошади или ободряющий голос доезжачего; если скалываются, то разыскивают плохо, часто останавливается и слушают, виляя хвостами, не отзовется ли которая-нибудь. Гонят хорошо только по лисице и волку, потому что след этих зверей не так путается и очень духовит, а заяц для них - "зелен виноград", и хотя они горячо бросаются его следом, но толку выходит мало. На зверя злобны.

Для быстрого сганивания зверя английские гончие бесспорно отличные, пожалуй, лучшие собаки, но все-таки они далеко не так выносливы, как о том кричат многие "русские спорсмены", и они не могут выдержать продолжительной

ежедневной охоты, потому что, немного замучившись, перестают не только гнать, но и разыскивать. Для ружейной охоты чистокровные foxhound'ы совсем негодны.

Рис. Норно, английская гончая Д.Я. Роцфора
("Журнал охоты", 1875, т. III, N 5)

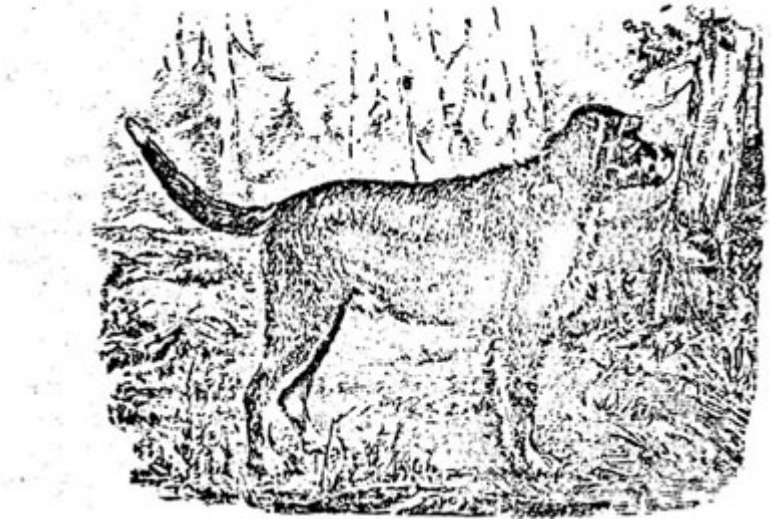
Кроме описанных гончих, в России существовало еще несколько капитальных пород, которых охотничьи качества мне мало известны; сообщаю о них то, что знаю.

Арлекины. Гончие среднего роста, вздернутые на ногах и с коротковатой колодкой. Голова небольшая, со скошенным лбом и недлинной тупой мордой. Уши широкие, недлинные. Глаза или оба белые, или один темный, а другой белый. Масть серая в черных или темно-бурых крапинах, даже нос пестрый. Подпалины совсем особого цвета, вернее всего их назвать розовато-желтыми.

Арлекины отличались азартностью, но никогда не были особенно злобными. Теперь чистых арлекинов нет, но т.к. их масть и белоглазость упорно передается в помесях, то гончие в окрасе арлекинов и белоглазые встречаются и теперь нередко.

Брудастые. Я знал в старину только четырех брудастых гончих, с которыми много охотился; это были рослые гончие, серо-пегой масти, без подпалин,

Рис. Русская брудастая гончая
("Охотничий календарь")



круглоголовые, борзоватого склада, очень выносливые, с тонкими и звонкими голосами; гоняли они отлично по зайцам, но были невязки по лисице. Говорят, что есть отличные брудастые красногоны.

Некогда существовала порода гончих белых в мелких желтых крапинах, легкого склада, и я слыхал, что лет пятьдесят тому назад существовали стаи этих собак. Лет тридцать тому назад и у меня была гончая этой масти, но вероятно уже мешанная; она хорошо гоняла по всякому зверю.

Два раза мне пришлось видеть гончих дымчатой масти без подпалин, небольшого роста, длинноухих и, должно быть, очень пеших. Оба раза мне их называли шведскими гончими; насколько это правда, - не знаю, а "за что купил, за то и продаю".

В заключение прибавлю, что все русские породы шпор или прибылых когтей не имеют. Польские тяжелые и курляндские имеют шпоры, которые у них прикреплены слабо, так что висят на коже. Маленькие польские не имеют шпор. Английские со шпорами и без них, смотря по породе, ибо их не одна; шпоры у них сидят крепко и когти на них никогда не отрастают и не загибаются крючком или даже кольцом, как у курляндских и польских тяжелых. Польские паратые имеют шпоры правильно и крепко посаженные.

Нередко приходится видеть гончих со шпорами о нескольких когтях, что даже ценится некоторыми; но это признак вырождения породы и преимущественно есть следствие засидки из поколения в поколение и последовательного скрещивания особей, состоящих в близком родстве между собой.

ГЛАВА II

Помеси гончих - Какие признаки указывают установившуюся породу - Непонимание некоторыми охотниками значения слова "порода" - Трудность вывода породи у нас в России - Каких правил следует держаться при выводе пород гончих - Вязка - Содержание щенных сук – Выбор щенков - Содержание и выращивание щенков

В предыдущей главе я описал капитальные породы гончих, которые по давнему происмождению и установившимся, неизменным признакам должны называться "коренными", т.к. от них произошли все новейшие породы. Большая часть современных гончих нечистокровны, не в смысле примеси негончей крови (хотя и таким много), но потому, что почти все они произошли от смешения некоторым коренным пород и настолько уже утратили типичные привнаки своих прародителей, что по большей части трудно даже и знатоку указать те коренные породы, от которым они произошли.

Описывать все разновидности современных гончих невозможно, потому что их слишком много и они по большей части неустановившиеся, а следовательно, меняют признаки с каждым поколением. Но чтобы дать некоторое понятие о нечистокровных гончих, я приведу свои наблюдения над мешанными гончими, происходящими от чистокровных собак разным пород.

Начну с костромской породы, которую хотя и трудно найти в чистом виде, но кровь которой есть почти во всех наших мешанных гончих.

Как я говорил при описании костромских гончих, они бывают трех мастей: черные в подпалинах, желто-багряные и черно-пегие; черные в подпалинах часто переходят в чепрачную масть, которая составляет переход к желто-багряной. Вообще черной впросерь и желтой масти костромские гончие держатся крепко, так что от черных в подпалинах производителей никогда не родятся пегие щенки, но часто выходят чепрачные, а иногда желто-багряные. То же замечается и с пегими, от которых нередко родятся щенки названных мастей, но непременно белоногие и белогрудые. На основании совершенной тождественности склада, голосов и охотничьих качеств пегих гончих я назвал также костромскими и не имел основания называть их другой породой, но т.к. они легко возвращаются к первоначальной масти, то я полагаю, что пегая масть этой разновидности искусственная, происшедшая или от вырождения, или от какой-нибудь примеси, которая уже стушевалась в складе и характере, но удержалась в окрасе псовины.

Если мешать пегих костромских гончих с черными в подпалинах или желто-багряными, то помесь выходит которой-нибудь из последних мастей, но непременно белоногая, белогрудая и часто беломордая, а пегие щенки удаются гораздо реже. Т.к. костромские гончие стали встречаться довольно редко, то те охотники, которые желали сохранить эту породу, не задумываясь, мешали пегих костромичей с другими, и из этого произошло то, что большинство костромских гончих получилось с значительными белыми отметинами, что нисколько не портит их превосходных качеств, и подобные действия, в видах сохранения вымирающей породы, вполне правильны, ибо от белоногих и беломордых собак постоянным подбором нетрудно отвести гончих без отметин.

Как было видно из описания пород, костромские гончие имеют по складу некоторое сходство с паратыми польскими, но сходство это только поверхностное и исчезает при внимательном осмотре, однако многие охотники обманывались и обманываются этим сходством и, признавая собак однопородными, мешали их в надежде поддержать породу. Но, странное дело, первая помесь этим пород, за редким исключением, бывала вообще неудачна: тонкого, слабоватого сложения, она далеко уступала выносливостью не только костромским, но даже и польским, и обыкновенно скоро разбивалась ногами. Голоса этой породы из рук вон плохи: они как-то странно ломаются и походят на сиповатое хныканье, из которого только порой прорываются резкие дискантовые ноты, похожие на обыкновенные голоса паратых польских гончих. Даже редкие порядочные собаки всегда бывали безголосыми сравнительно с костромскими производителями. Что наследуется помесью от костромских гончих - это тонкость чутья, а от польских - паратость. Мастью эта помесь выдается и в польских, и в костромских, но подпалины всегда уже бывают красного, а не желтого цвета. Я не знаю, чем объяснить обыкновенно худые качества этой помеси, потому что костромская порода вообще имеет свойство улучшать склад и голоса всех других гончих.

В помеси с русской гончей костромичи всегда дают отличные реэультаты, чему, вероятно, много способствует взаимное сходство обеих пород. По охотничьим качествам эта помесь чуть ли не лучшая для ружейной охоты; голоса, вязкость и степень паратости они полностью наследуют от костромских, но по складу и характеру более походит на пеших, приобретая большую длину корпуса и

большую развязность в движениях. Масть этой помеси никогда не изменяется и наследуется от производителей, которые одномастны. От этой помеси, постоянным подбором производителей, можно сравнительно скоро отвести гончих со всеми признаками чистой костромской или пешей породы, так что и знаток не отличит их от чистокровных. Дольше других признаков эта помесь удерживает от пеших производителей их крутогоность.

Теперь я скажу несколько слов о той помеси, или скорей установившейся породе, из которой недавно были слажены многие стаи. Это - помесь костромских с тяжелыми польскими. В конце XVIII и в начале прошлого столетия, во время частых войн и походов на Запад, многие офицеры-охотники приводили из Польши тяжелых гончих, которые тогда, как и теперь, вероятно, нравились своим внушительным, угрюмым видом. Некоторые слаживали стаи из чистокровных гончих этой породы, но большинство мешало их с костромскими или старинными русскими; какого рода собаки выходили от последней помеси, я не знаю, но от смешения с костромскими образовалась выносливая и отличная во всех отношениях порода. Признаки этой новой породы следующие: тупая, довольно длинная морда, средней ширины и вышины череп, длинные уши в трубку, глаза всегда черные, большие и навыкате, общий склад крепкий и широкий, на невысоких прочных ногах, хвост немного изогнутый, масть или черная в подпалинах (подпалины разные), или черно-пегая в подпалинах; у некоторых местами незначительный серый подшерсток. Голоса у этих гончих очень хорошие, у многих с отличным заливом, и вообще немного уступают голосам кровных костромичей. Степень паратости, как и у костромских гончих, зависит от воспитания и постоянного подбора производителей.

Из курляндских гончих, насколько мне известно, никогда не бывало стай при псовых охотах. В наши губернии они попадали случайно и употреблялись для ружейной охоты. Из помеси этих гончих с костромскими выходили очень хорошие, но до крайности пешие собаки, отличные одиночки, но с теми же неудобствами для больших стай, как и чистые курляндские. Складом они более походили на последних, но более подбористы и сохраняли отрывистые голоса, только немногие приобретали короткий залив, всегда с перебоем. Росту эта помесь была некрупного и окрас псовины сохраняла курляндский. Я знал несколько таких гончих и надо отдать им справедливость, что они служили своим хозяевам верой и правдой.

Слыхал я, что в помеси с паратыми польскими курляндские гончие давали хорошие результаты, но только через несколько поколений, что и понятно, ибо эти породы слишком различны по паратости и по складу, и, вероятно, первые поколения дают собак различного склада и качества.

В помеси с английскими курляндские гончие дают очень складных и красивых собак, но их полевые качества редко соответствуют наружному виду, и я знал только одного выжлеца, от английской выжловки и курляндского выжлеца, хороших охотничьих качеств.

Английских мешали без разбора со всеми другими породами, и теперь трудно достать гончую, в которой бы не было английской крови. Английские гончие хороши в помесях только тем, что придают паратости любой другой породе, но непременно также передают и свои родовые пороки, т.е. плохое

мастерство, слабое чутье, дрянные голоса и склонность к славливанию зверя молчком. Хорошие гончие из их помесей бывают только в том случае, если в них преобладает не английская кровь; кроме того, все первые поколения от английских гончих с другими выходят очень разнотипны и склонны к потере подпалин, т.е. к утрате самого главного признака в масти вообще гончей собаки.

Лучшая помесь английских гончих удается от их смешения с паратыми польскими: она замечательно скоро устанавливается в самостоятельную породу с неизменными признаками и по многим качествам бывает лучше коренных пород, от которых происходит. Собаки эти гораэдо вязче английских и гораэдо их чутьистее. складом же и голосами походят на польских. Масть зависит от того, какой масти употреблен английский производитель; если он черный или черный в подпалинах, то и дети бывают черные а подпалинах, если же он пегий, то и дети выходят различные. Мне больше приходилось видеть эту помесь черно-пегую, в ярких подпалинах; зависела ли пегая масть от желания владельца иметь гончих этой масти, или сами гончие склонны к ней - наверное сказать не могу, но думаю, что справедливо первое предположение.

Помесь английских гончих с тяжелыми польскими дает способных гончих только через несколько поколений, а первые бывают разных ног и как-то нескладны. То же можно сказать и о помеси с костромскими, но последняя устанавливается скорее, а иногда и первые поколения бывают удовлетворительны, в особенности если дать преобладание которой-нибудь иэ смешиваемых пород. Вообще костромской производитель имеет больше влияния на приплод, чем английский, а если в помеси равное количество обеих кровей, то она удерживает больше признаков первой породы и с каждым поколением приближается к костромскому типу. Впрочем, последнее замечается во всех помесях английских гончих, приэнаки которых удерживаются сравнительно недолго, и это подтверждается тем, что охотники, которые дорожат в своих гончих этими признаками, принуждены часто прибавлять в породу чистой английской крови, иначе гончие вырождаются в других употребленных в помеси гончих.

Говоря о породах гончих и их помесях, часто приходится употреблять выражение "установившаяся порода"; поэтому считаю нелишним определить то, что принято называть установившейся породой. Если смешивать собак двух разных пород, то щенки, родившиеся от них, бывают разных типов: одни родятся в мать, другие в отца, третьи составляют среднее между отцом и матерью; но если, при дальнейшем разведении этих собак, придерживаться строго образовавшейся помеси, то от дальнейших скрещиваний родятся собаки уже более сходные между собой, от этих в свою очередь - еще сходней и через известное число поколений все собаки новой породы будут родиться одинакового склада. Вот когда достигается эта наследственность одних и тех же неизменных признаков, о и порода может по праву называться установившейся.

У мешанных собак одинаковый склад формируется не сразу о всех частях тела, но постепенно, начиная с переда. Сначала во вновь образующейся породе складывается известная форма головы, потом туловища и ног и после сего хвост; поэтому хвост есть главная примета, по которой можно узнать, установилась ли известная порода ли еще не совсем. Некоторые утверждают, что масть породы

устанавливается после всего, но это не всегда верно. Так, если помесь произошла от одномастных коренных пород или очень сходных окрасом, то она наследует масть; если же мешаются породы разномастные, то, конечно, масть помеси не устанавливается дольше, но и в этом случае все зависит от выбора производителей для дальнейшего разведения. Оставляя из пометов щенков олько одной какой-нибудь масти, ее можно установить неизменной скорее, чем определится общий склад новой породы. Не руководясь последним правилом и оставляя в пометах разномастных щенков, употребляя их безразлично в производители, действительно очень трудно дождаться, чтобы масть установилась сама собой, и я признаюсь, что сильно сомневаюсь, может ли она и установиться одинаковой без помощи человека, т.е. без подбора одномастных производителей. При внимательном подборе в выводимой породе можно достигнуть не только того, что общий окрас будет одинаковый, но даже маленькие отметины не будут составлять индивидуальной особенности, будут свойственны всей породе.

Характер, а следовательно и полевые качества гончих выводимой породы формируются параллельно складу, никогда его не опережая; напротив, если не особенно тщательно выбирать производителей с тем характером, который желательно иметь в новой породе, то окончательное его установление оттягивается на значительно долгий срок, а раз сделанная ошибка может испортить сразу труды многих лет, ибо ничто так легко не наследуется собаками, как порочный характер.

Но характер - не склад, и собаки вполне установившейся породы имеют сходство характера только в главных, общих чертах, т.е. в степени вязкости, злобности и горячем или угрюмом, хладнокровном темпераменте, но каждая из них отличается непременно какими-нибудь индивидуальными особенностями характера. Эта разность характеров во второстепенных его чертах объясняется тем, что, несмотря ни на какие старания, нельвя растить всех собак в совершенно одинаковых условиях, а каждое, даже самое незначительное изменение в воспитании или почти незаметное происшествие непременно влияет на дальнейший ход образования характера молодой собаки. Так, воспитание в тесном помещении или на совершенной свободе имеет большое влияние на характер собаки. Кто не знает, что собаки, выращенные на цепи, отличаются сумашедшей злостью? Кто не замечал, что те, которых часто стращали и пугали в молодости, навсегда остаются робкими? Всякое удачное нападение щенка делает его храбрее, и наоборот - неудача вселяет трусость; одним словом, всего, что может иметь влияние на характер, невозможно перечислить.

К сожалению, многие русские охотники совсем не понимают значение слова "порода", но непонимание или незнание никому в порок ставить нельзя, хотя в настоящее время такого рода незнание не совсем извинительно, на том простом основании, что, благодаря охотничьей литературе, эти сведения очень легко приобрести. Наряду с незнанием часто встречается, однако, и сознательное игнорирование известного, и эта черта замечается в характере многих наших охотников; объясняется она, во-первых, неряшеством, а во-вторых, бравированием установившихся понятий, и, странное дело, - такое ухарство очень заразительно и всегда находит много последователей среди охотничьей молодежи.

Как первая категория (незнающие), так и вторая называют породой всяких ублюдков; например, мешают костромских гончих с польскими, происшедших разношерстных ублюдков - с английскими, и т.д. Они, не стесняясь, а даже с достоинством говорят - "моя порода" или "выведенная мной порода!" Им и дела нет, что в их "породе" нет двух сходных гончих, что все собаки разных ног и вообще могут быть названы только помесью.

Кроме того, некоторые, достигнув в своей помеси одномастности, вполне уверены в том, что порода установилась. Но масть - последнее дело, как я и говорил уже: ее можно установить очень скоро, и она имеет малое значение для определения установившейся породы; главная и неизменная примета породы - это одинаковый склад всех собак, ее составляющих, и сходство их полевых качеств. При одинаковом складе одномастность тоже служит доказательством установившейся породы, но эта примета второстепенная, и есть породы, в которых собаки бывают двух или нескольких мастей, что указывает лишь на то, что при выводе, подбирая производителей, не обращали внимания на их окрас, отчего и порода вывелась разномастная.

Пишу я это для того, чтобы начинающие охотники обратили внимание на то, что следует называть "породой" и что "помесью". И помеси могут быть хороши для охоты, но под условием толкового смешения; поэтому нечего конфузиться того, что гончие нечистокровны: нужно помнить, что главное достоинство стаи узнается в поле. Конечно, всякий дельный охотник должен стремиться установить породу и для этого не упускать иэ виду то, что должно называть "породой установившейся".

Вывести породу нелегко; независимо от большого личного труда и энергии, которые для этого необходимы, дело это требует значительных денежных затрат, которы никогда или очень долго не окупаются. Кроме того, у нас, в России, охотники обставлены самым неудобным образом для этого дела; большинство дельных и знающих людей, которые могли бы заняться выводом или улучшением пород, которые принялись бы эа это энергично и настойчиво, раскиданы так далеко один от другого по широкому простору нашего отечества, что о соединенных усилиях не может быть и речи. В отдельности же у них обыкновенно не хватает денежных средств, и это тормозит иногда удачно начатое дело, тормозит тогда, когда оно уже на полпути, и у многих опускаются беэнадежно руки и гибнет то, на что было потрачено много лет настойчивого труда, много денег... Главное же неудобств для нас, русских охотников, заключается в том, что очень трудно доставать чистокровных производителей, почти никто из охотников не ведет родословной своих собак и поэтому, при выборе производителя, никогда нельзя быть уверенным в его чистокровности, ибо по наружному осмотру определить это чрезвычайно трудно Часто случается, что, по-видимому, от чистокровных костромских производителей родятся щенки с очевидными признаками польских и других каких-нибудь гончих, что доказывает примесь этой породы, может быть, и отдаленную, но тем не менее доказывающую непородистость которого-нибудь из производителей, а которого - это опять остается неизвестным, потому что и из помесей иногда удаются собаки со всеми признаками чистокровности; да, наконец, много ли найдется таких знатоков, которые знают все приметы немешанных гончих? Все это заставляет охотников, при видении породы, невольно действовать

ощупью, а иногда на авось, что задерживает дело, оттягивая его частыми и неизбежными неудачами на неопределенно долгий срок.

В настоящее время выбор производителей становится несколько легче, благодаря выставкам, так что, хотя отчасти, можно знать о тех собаках, которые имеются у некоторых охотников. Но как охотничьи журналы, так и выставки, к сожалению, доказывают, что чистокровных гончих, коренных пород, не существует. Я не говорю, что нет хороших гончих, но все они обыкновенно представляют не что иное, как неустановившуюся помесь, и исключения очень редки. Но я все-таки остаюсь при своем убеждении, что в России еще существуют чистокровные гончие русских пород и рано или поздно они появятся на выставках, в особенности тогда, когда будут выдаваться денежные премии, которые для небогатых охотников несравненно заманчивее медалей и похвальных отзывов, льстящих самолюбие, но получение которых крайне убыточно.

Приступая к изложению тех правил, которыми следует руководиться при выводе породы, я должен предупредить читателя, что мне придется во многом повторять то, что уже написано другими охотниками, потому что вывод пород, все равно каких собак - легавых, гончих или борзых - подчиняется одним и тем же основным правилам, с той лишь разницей, что во вновь выводимой породе стараются развить те качества, которые желают, чтобы она приобрела, а вследствии этого второстепенные правила, которые не менее важны, изменяются сообразно тому назначению, для которого выводится новая порода.

Принимаясь за вывод новой породы гончих, сначала следует, так сказать, создать себе тип той идеальной гончей, которая должна быть выведена; знаю, что многим покажется смешно, но тем не менее без того воображаемого идеала, к осуществление которого приходиться стремиться, вывод породы невозможен: без него это будет бесцельная трата времени на разведение ублюдков, ибо не может быть правильного подбора производителей, и тип новой породы определяется помимо воли хозяина и не по его вкусу.

Отдав себе отчет в том, каких именно желаешь вывести гончих, следует определить их себе до мельчайших подробностей, относительно наружного вида и склада, а также их качеств, но при этом не следует упускать иэ виду, что качества и склад неразрывно связываются между собой и непременно зависят друг от друга. Поэтому тот, кто желает заняться выводом породы, должен быть знаком с различными типами гончих и с теми качествами, которые сопровождают эти типы. Тот, кто не подготовлен достаточно в этом отношении, не должен браться за это дело, потому что неизбежно сделает важные ошибки, т.е. соединит в воображаемых гончих такие качества и склад, которые несовместимы, а следовательно, и вывести такого рода гончих нет никакой возможности. Вообще можно посоветовать желающим заняться выводом новой породы не зарываться и помнить, что чем проще тот идеал, которого желаешь достигнуть, чем ближе он подходит к существующим уже породам, тем он легче будет выполнен, тем менее потребуется и труда и денег. Составив себе понятие о том, чего желаешь, надо неуклонно стараться достичь раз избранной цели, а не менять ее несколько раз, что, к сожалению, случатся довольно часто и следствием чего бывает порча полученных

результатов, а потом такая путаница, что ничего не разберешь, и приходится начинать снова.

Уяснив себе качества и склад, которыми должна обладать новая порода, надо подыскать такие установившиеся породы, которые обладают, хотя и не в сильной степени, и тем и другим: одна, например, - паратостью и вежливостью, другая - вязкостью, отличными голосами и чутьем. Задача решается гораздо легче, если выводить новую породу только от двух коренных пород, и значительно усложняется, если какое-нибудь качество, например, крупный рост, приходится занимать у третьей. В этом случае сначала надо установить породу от двух и потом от этой новой вновь выводить породу с третьей.

Выбор первых производителей из установившихся пород очень важен на том основании, что только чистокровные производители постоянно передают свои качества, тогда как собаки мешанные (т.е. такие, порода которых еще ломается и в ней родятся собаки разных качеств) передают этот недостаток и своему потомству, хотя бы другой производитель и был чистокровный. Все качества, может быть, и превосходные, которыми обладает какой-нибудь ублюдок, не есть все-таки качества породы, а только лично принадлежат этому ублюдку, дети которого нередко родятся совсем другого склада и часто не наследуют вовсе качеств мешанного производителя. Я не говорю, что от мешанных производителей нельзя отвести породу, - это тоже возможно, но гораздо труднее и требует несравненно больше времени, ибо много щенков будет удаваться "ни в мать, ни в отца", с таким складом и качествами, которых нельзя было и ожидать, а следовательно, дальнейший подбор производителей представляет большие затруднения, и случается, что из нескольким пометов не удается ни одной собаки, годной в производители.

Если первые производители берутся иэ установившихся пород, дальнейший подбор значительно облегчается. Чистокровные производители передают качества, свойственные их крови, с неизменным постоянством, и собаки, происходящие от них, родятся или в которого-нибудь из производителей, или, по складу и характеру, составляют между ними среднее; выродки, не похожие ни на одного из чистокровных производителей и не имеющие их качеств, хотя иногда и случается, но составляют редкое исключение или бывают следствием скрещивания пород собак с несовместимыми качествами и складом. Впрочем, есть и сходные, по-видимому, породы, всегда дававшие от взаимного смешения плохие результаты, но я это объясняю тем, что сходство между ними только наружное, но что характер и сложение обоих пород до их смешения имели различное, противное одно другому, направление. Без сомнения, и от таких разнотипных и разнохарактерных пород можно вывести новую породу с каким-нибудь специальным назначением, что и было доказано англичанами, прибавившими злобности своим борзым примесью крови бульдога, как известно, собаки, нисколько не похожей на борзую. Я знаю несколько случаев, когда по недостатку гончих, употребляли в производители с выжловками легавых или дворных и постепенным подбором возвращались к типу настоящих гончих. Но к такого рода смешениям следует прибегать только в крайности, потому что первые поколения бывают совсем негодны для охоты, а выводя породу, приятно, чтобы и первая помесь хотя с грехом пополам, но

годилась бы в поле, что достигается смешением коренных пород не слишком различных по назначению и качествам. Кроме того, для вывода породы гончих, - породы, специально назначенной для охоты, необходимо, чтобы все производители не только были бы породисты, но обладали бы и отличными полевыми качествами, и каждое новое поколение должно непременно и постоянно употребляться на охоте, чем в нем развиваются природные качества, которые, без постоянного применения и упражнения, с каждым поколением проявляются слабее и слабее и, наконец, утрачиваются совершенно. Поэтому, кроме удовольствия, которое доставляет помесь, если она может служить в поле, возможность охотиться с ней чрезвычайно помогает дальнейшей ориентировке в выборе производителей не по одному наружному виду, а и по охотничьим качествам. Выбор по полевым качествам гончих производителей несравненно правильнее, чем по одним ладам и, конечно, одно другому не мешает, а помогает.

Принимаясь за вывод породы, следует помнить, что тем легче она будет установлена, чем коренные породы сходнее, и наоборот, труд и расходы делаются тем значительнее, чем различнее качества первоначальным производителей.

Для того, чтобы успех был обеспечен, необходимо сразу вести несколько параллельных линий, не состоящих между собой в близком родстве, но происходящих от смешения однородных производителей; разница может быть допущена только относительно пола производителей, т.е. родоначальниками одной линии могут быть, например, костромской выжлец и английская выжловка, а другой - английский выжлец и костромская выжловка. Таких линий чем больше, тем лучше, потому что это позволяет, при дальнейшем подборе уже мешанных производителей, избегать близкого их родства между собой, а это главное условие для сохранения многих важных и необходимых качеств во всякой установившейся или выводимой породе. Скрещивание близких родством производителей быстро ухудшает породу: собаки начинают мельчать, склад их делается слабее, все телесные недостатки, которые были незаметны при правильном ведении породы, получают сильное развитие; характер тоже портится и из веселого и бодрого превращается в апатичный и ленивый; кроме того, по замечанию многих дельных охотников, собаки, происшедшие от частых смешений близких родством производителей, особенно сильно подвержены болезням, из которых некоторые делаются наследственными, а потому неизлечимы; к таковым принадлежат чесотка (парши или забойка), ушной рак, болезнь глаз и чума. В особенности вредно отзывается на потомстве от скрещивания однопометников, - это вернейший способ уничтожить породу. Б случав крайности можно мешать дочь с отцом или внучку с дедом, или мать с сыном или внуком, и результат получается удовлетворительнее, чем от однопометников, и, конечно, чем далее родство, тем лучше. В особенности вредно, если несколько поколений происходят от родственников, и этого надо по возможности избегать: позволительно так действовать только в крайних случаях, например, для поддержания вымирающей породы. Но этот прием для восстановления породы позволителен только закоснелым рутинерам, которые дорожат чистокровностью выше всех остальных качеств. По-моему, чистокровность только и дорога тогда, когда она обусловливается превосходными качествами породы, а от частого скрещивания близких по родству производителей

качества эти утрачиваются. Я лично всегда предпочту примешать к любой породе посторонней, возможно более сходной крови и потом постоянным внимательным подбором восстановить угасающую породу: я уверен, что таким способом лучше сохранятся хорошие качества.

Из всего вышесказанного понятно, для чего нужно вести несколько параллельных линий и потом освежать кровь выводимой породы, употребляя производителей из разных линий. Все линии должны быть ведены совершенно одинаково, т.е. подбор производителей должен в каждом из них стремиться к созданию тождественных склада и качеств для того, чтобы впоследствии, при взаимном смешении, потомки разных линий обладали одинаковыми достоинствами; в противном случае получатся опять разнотипные собаки, а следовательно, потребуется несколько поколений для установления тождественности.

До сих пор я говорил о выводе новой породы; очевидно, что такой вывод доступен только охотникам с большими денежными средствами, а таковых очень и очень мало. Гораздо доступнее совсем другой способ обзавестись хорошими гончими, а именно - улучшением имеющейся породы или возобновлением вымирающей. Дело это гораздо проще: тут не надо создавать несуществующих гончих с воображаемыми качествами, в чем ошибиться очень легко, тут гончая существует, но имеет некоторые недостатки, которые необходимо искоренить. Надо найти таких собак, которые не имеют этих недостатков, и примесью их крови улучшить имеющихся. При этом способе не нужно выводит породу с особым складом, а следует держаться типа той, которой качествами более дорожишь, и для этого, сделав к ней примесь посторонней крови, в продолжении нескольких поколений употреблять снова чистокровных про производителей, но и не употребляя их, гораздо легче возвратиться к типу одной из коренных пород, чем установить новый.

Более всего имеет влияние на потомство породистость: если оба производителя одной и той же установившейся породы, то и потомство родится столь же породисто, как и они. При смешении производителей различных пород щенки наследуют более качества того из них, порода которого имеет древнейшее происхождение, т.е. насчитывает более чистокровным поколений, а следовательно, и кровь такого производителя имеет большую наследственную силу. При скрещивании породистого производителя с ублюдком от той же породы щенки всегда родятся типичнее употребленного ублюдка, но редко бывают также типичны, как чистокровный производитель. Но скрещивание породистых производителей с ублюдками, равно как и последних между собой, уже нельзя считать зависимыми от породы, на том основании, что ублюдок породы уже не имеет, и удача помета, происходящего от таких браков, находится в зависимости от подбора производителей по их индивидуальным качествам. Однако и при таком подборе, в особенности если ублюдки неизвестного происхождения, бывают такие сюрпризы, которых совсем не ожидаешь. Дело в том, что в ублюдке неизвестного происхождения может течь очень сильная кровь какой-нибудь старинной породы, которая иногда сильно сказывается в его детях, что называется, "вспоминает породу". Такие сюрпризы случаются особенно часто при скрещивании ублюдков,

имеющих одинаковое происхождение: более сильная кровь, находящаяся в обоих производителях-ублюдках, преодолевает более слабую, и щенки родятся с признаками той сильной породы, от которой произошли ублюдки-производители.

Во всякой установившейся или неустановившейся породе случаются выродки с особым складом и качествами, иногда с особенно хорошими, иногда из рук вон плохими; в последнем случае никто, конечно, не подумает пустить такую собаку в породу, но в первом почти каждый употребит выродка в дело. Между тем, я замечал, что такие выродки очень редко дают что-нибудь особенное в свое потомстве, которое обыкновенно бывает посредственное. Впрочем, это замечается не в одних гончих. Так, всем псовым охотникам известно, что особенно резвые борзые, что называется лихие, признаваемые эа выродков по своей выдающейся из ряда вон жгучей быстроте, почти никогда не передают этого качества в потомство, которое удается самое обыденное. Гораздо лучше таких выродков совсем не употреблять в породу, ограничиваясь подбором хороших породистых производителей.

При современном преобладании мешанных гончих, преобладании настолько сильном, что почти невозможно найти чистокровных производителей, подбор по индивидуальным качествам получает особенную важность. Цель такого подбора заключается в том, чтобы качества хорошей, но не чистокровной собаки передать потомству, иначе сказать, - доставить искусственное преобладание ее крови. Одно из правил индивидуального подбора есть подбор по возрасту. Определить нормальный возраст, при котором получаются лучшие щенки, довольно трудно: это зависит от породы, к которой принадлежат производители, потому что собаки разных пород достигают полного развития не в одном возрасте; можно принять за правило, что лучших щенков как кобель, так и сука дают в то время, когда они в полной силе. Не знаю почему, но многие охотники утверждают, что при нормальном браке кобель должен быть старше суки; по моим наблюдения над чистокровными собаками, щенки бывали лучше, когда кобель несколько моложе суки; выдавать это за правило, впрочем, я не могу, - я только желаю обратить внимание других охотников на этот факт, довольно важный для подбора производителей. Разница двух лет в возраст производителей не имеет влияния на щенков, и качества таких кобеля и суки передаются в равной степени; но большая разница уже дает в потомстве перевес качеств того из производителей, который находится в возрасте большей силы; так, если кобель молод или стар, а сука в полной поре, то и щенков надо ожидать в нее, и наоборот.

Большое влияние имеет и то, в каком теле находятся производители: от заморенной суки и сытого кобеля щенки наследуют признаки последнего и, конечно, в противном случае наоборот. Здесь же я должен упомянуть, что большую передаточную силу имеет производитель не зажиревший и не залежавшийся, а тот, который находится а сытом охотничьем теле, таковой вернее передает не только наружный вид, но и охотничьи качества.

Есть разумное и неизменное верное правило для подбора производителей; оно состоит в том, что недостатки одного из производителей должно пополнять или исправлять достоинствами другого; но неразумное понимание и применение этого правила довело отличные породы до полного вырождения. Многие охотники

постоянно вяжут отличного кобеля с плохой сукой, или дряного кобеля с хорошей сукой, отчего получают посредственных щенков. Правило же это должно применяться только в крайности, а если есть возможность брать в производители отличных кобеля и суку, то, конечно, это будет несравненно рациональнее, и от такого брака есть полное основание ожидать отличных собак, которые, при правильном воспитании, должны выйти лучше родителей.

Почему-то считается, что сука передает потомству характер и склад задних частей тела, а кобель - форму головы и вообще физиономию. Несмотря на многочисленные мои наблюдения, я не могу этого подтвердить; как характер, так и склад зависят от вышесказанных правил подбора и передаются безразлично и отцом и матерью. Что находится в непременной зависимости от суки - это рост потомства, и хотя и возможно от малорослых сук и рослых кобелей отвести крупных собак, но это достигается только через несколько поколений, потому что хотя от маленькой суки и удаются собаки рослые, в кобеля, но таковые всегда бывают слабого сложения, не наследуя крепости родителя.

Гончие суки пустует около двух раз в четырнадцать месяцев, но время это не постоянно и изменяется от разных причин: заморенные или больные суки иногда не приходят в пустовку очень долго; имеет влияние и то, сколько времени сука кормит щенков: если мало, то она пустует через меньший промежуток - и наоборот. Наконец, срок пустовки различен в разных породах: бываю суки, которые приходят в пустовку раз в год, а иногда и реже.

Если охотник не желает, чтобы сука была щенной, ее можно отдержать, но если он, отдерживая ее, надеется с ней охотится, то обыкновенно ошибается: все время, которая сука проходила бы щенной, она почти негодна для охоты; она делается ленива, тупа, так что отстает от стаи и сбавляет чутье; исключения редки - между суками в поре, но молодых, еще не достигших двухлетнего возраста, отдерживать можно без всяких последствий. Ни в каком возрасте нельзя отдерживать сук сряду две пустовки, следствием чего бывает глухота, судороги и обмороки, похоже на падучую болезнь.

Вязка или случка гончих у нас в России часто ведется самым неряшливым и первобытным образом. Нередко бывает, что пустующую выжловку даже и не отсаживают, оставляя ее в сообществе всех кобелей, имеющихся в стае, а потом выбирают щенков на племя по догадкам. Такого рода порядки имеют следствием страшное состояние всех кобелей, которые дерутся в это время немилосердно и иногда загрызают друг друга насмерть, а хозяева, допускающие подобные безобразия, не заслуживают названия охотников.

Настоящие охотники хотя и отсаживают пустующую суку, но и в этом случае действуют, по моему мнению, неправильно, держа с ней кобеля все время, пока продолжается пустовка. Следствием бывает сильное истощение кобеля и слишком большое количество щенков, которое не может не влиять пагубно на здоровье суки и качество щенков. Почти всегда, когда заходит речь о такого рода вязке, охотники оправдываются тем, что они не хотят насиловать природу, что волчицы и лисицы пустуют на свободе, а вредный последствий не оказывается, ибо волки и лисицы теперь совершенно такие же, как и сто лет назад. Господа эти забывают, что собака живет далеко не в такой естественной обстановке и что она непременно утратила

много того инстинкта, который свойственен диким ее родственникам. Доказательством может служить то, что суки сплошь и рядом приносят такое количество щенков, которое они не имеют физической возможности выкормить: пометы в двенадцать щенков весьма обыкновенны, а я знаю примеры, когда щенков бывало гораздо больше. У диких животных, насколько мне известно, этого не замечается, и самка всегда приносит столько детей, сколько она в состоянии выкормить. Я замечал, что величина помета отзывается на качествах щенков: из маленького - щенки удаются несравненно крепче и более веселого темперамента, чем из большого.

Нормальным помет можно считать в шесть щенков, но я предпочитаю, когда их меньше; впрочем, это зависит от сложения суки. По моему мнению, правильная вязка гончих должна производиться следующим образом: как только обнаружатся первые признаки пустовки, т.е. покажется краска, суку сейчас же следует отделить от остальных собак и запереть в отдельное помещение, непременно совершенно пустое и не душное, в котором должна быть постлана солома для лежки и должна находиться постоянно свежая вода для питья; нечего и говорить, что надо устранить всякую возможность для запертой вырваться или к ней забраться кобелям. Суку не годится держать на цепи, в особенности во время самой вязки.

Дней через пять при себе надо впустить к суке кобеля и наблюдать, повяжется ли она или отгрызается; если отгрызается, то увести кобеля и ежедневно пускать опять, пока сука не повяжется, и тогда запереть его вместе с сукой на двое, много на трое суток. В это время и кобеля и суку надо кормить особенно хорошо, иначе они сильно исхудают; вода должна быть постоянно. После двух или трех суток суку опять оставляют одну и держат запертой до совершенного прекращения пустовки.

Кобеля прямо от суки не следует пускать на общий двор гончих, ибо остальные кобели, услышав от него чутьем, где он был, могут на него накинуться, да и сам он, находясь в возбужденном состоянии, легко может затеять драку, следствием которой будут сильные хватки, так как гончие зубами не шутят и уж если грызутся, то напропалую. Всего лучше на несколько часов пустить кобеля на совершенную свободу, чтобы он обветрился и поуспокоился; если же по каким-нибудь посторонним причинам этого сделать нельзя, то надо просто его вымыть, охотник некоторое время должен сам побыть на псарном дворе, пока кобель не обойдется с другими своими товарищами.

Кобели сильно чуют пустующих сук и отлично понимают их визг или лай; раз услыхав его, они перестают есть, воют и скучают, поэтому отсаживать сук надо дальше от помещения остальных гончих.

Сука ходит щенной шестьдесят два-три дня. Первые две недели она может гонять в стае, не рискуя нанести вред ни себе, ни щенкам, после же хорошо изредка брать ее на охоту одну и позволять гонять вволю; одна она никогда не зарвется и будет гонять вольно, насколько позволит ей ее положение. Когда щенность обнаружится очень сильно, что бывает недели за две до щенения, суку брать на охоту уже и одну не следует, но и запирать ее не надо, а пустить ее на полную свободу. Как уже писалось некоторыми охотниками, нехорошо, если сука время щенности сильно зажиреет, ибо это вредит щенкам, а иногда бывает причиной

несчастных родов и смерти матери. Но также не годится кормить суку плохо, а поэтому единственное средство не дать ей зажиреть, это содержать вышесказанным образом, т.е. не давать ей отлеживаться. И в этом, однако, надо знать границу, потому что нехорошо также, если сука худа, и надо стараться поддерживать ее тело немного сытне охотничьего. Если же почему-нибудь на свободу суку пустить нельзя, то держать ее следует в прохладном, недушном помещении, возможно просторном, и прибавлять к ее корму простокваши, которая действует как слабительное, не давая сильно зажиреть; других лекарственный более сильных средств употреблять не годится во все время щенности.

Когда придет время щенится, суку надо запереть в особое пустое помещение и подостлать ей соломенную циновку или свежую рогожу, но не подстилать соломы, ибо случается, что она давит щенков, не видя и не чувствуя их в подстилке; впрочем, это относится к молодым или верченым сукам, - старая и бережливая сама делает в соломенной подстилке ловкое гнездо и никогда не портит щенков. Я лично предпочитаю вовсе не запирать сук и предоставляю им свободно выбирать себе место, где им заблагорассудится; исключение из этого правила я делаю только для неблагонадежных молодых. Конечно, не всем охотникам можно так делать, но кому есть возможность, я бы всегда посоветовал поступать таким образом. Многим сукам отведенное место не нравится, и они при первой возможности перетаскивают щенят или беспрестанно таскают их из угла в угол. Держать суку постоянно запертой со щенками вредно и ей и им, и она должна пользоваться возможно большей свободой. Та, которой предоставлена свобода выбора места, никогда уже его не покидает и не мытарит ни щенков, ни себя.

Когда сука щенится, первое время ее не следует беспокоить, т.е. смотреть щенков, - обыкновенно она и сама от них не встает, - но надо возле нее поставить воду и корм и, ставя, позвать ее по имени; она поглядит - и этого уже достаточно; при человеке только редкая, особенно доверчивая собака встанет на минуту, но по большей части ограничиваются взглядом, а когда человек уйдет, подходит в питью. Корм в первые сутки суки едят не все, и если едят, то немного. Людей незнакомых к суке пускать не следует: во-первых, это невсегда безопасно, а во-вторых, бывает, что матка, начиная беспокоится при виде чужого, давит щенков, и говорили даже, что иногда их съедает; последнего мне видеть самому не приходилось.

Осматривать и брать в руки щенков у разных сук можно не в одно и то же время; его можно определить, впрочем, безошибочно: оно наступает тогда, когда сука начинает выходить к корму по зову. Брать в руки щенка могут только люди, к которым сука привыкла.

Чем меньше оставить щенков под маткой, тем лучше; ни в каком случае нельзя оставлять более шести, и такое количество может выкормить только особенно молочная и сильная матка, которую шесть щенков все-таки сильно подсосут. Есть очень плохие, немолочные суки, не могущие выкормить надлежащим образом даже и пары щенят. Некоторые делается молочны с возрастом, а первые пометы решительно не могут выкармливать. Этим недостатком обыкновенно отличаются суки с кобелиным складом; никогда, однако, не следует отчаиваться, если сука не могла выкормить первые три-четыре помета, часто следующие она выкармливает образцовым порядком. В настоящее время я

имею такую суку: из первых трех пометов она не могла выкормить ни одного щенка; из четвертого пара уцелела, и то благодаря другой суке-кормилице; но следующих щенков та же сука начала выкармливать отлично. Немолочную суку можно узнать по небольшому вымени вслед за щенением, - она тотчас начинает подбирать вымя, а сама жиреет, тогда как молочная непременно бывает несколько тоща во все время выкармливания. Здесь же я должен сказать, что хотя можно давать выкармливать щенков другой суке (кормилице), но что далеко не все суки кормят чужих щенков, некоторые совершенно отказываются, а другие хотя кормят, но всегда более короткое время, чем своих. Сука годится в кормилицы, если щенилась в одно время с той, от которой ей дают щенков на выкормку.

Всего лучше оставлять под маткой пару щенков; одного сука выкормит, конечно, еще лучше, но, вырастая, он не будет иметь товарища а играх, а потому редко развивается так хорошо, как тот, который рос с товарищем. Если матка крепка и молочна, то выкормит удовлетворительно и четырех, но шестеро всегда растут хуже.

Выбор лучших щенков из помета довольно труден, тем более, что на это почти нет указаний, которыми можно бы было руководиться. Правда, что некоторые охотники почему-то оставляют кобельков в матку, а сучонок - в батьку, но это ни на чем не основанное правило, потому что в "матку" или "батьку" определяется только по окрасу псовины, а никакой знаток не узнает верно, в которого из производителей выйдет складом четырех- или пятидневный щенок; да и масть гончих щенков меняется существенным образом: так, костромские гончие всегда родятся без серого подшерстка, а чепрачные - черными в очень маленьких подпалинах, с редкими желтыми волосками на боках; белый цвет новорожденных щенков весьма часто впоследствии переходит в желтый, или по нем выступает желтый или красный горошек; вообще гончие родятся с небольшими подпалинами, которые увеличиваются вместе с ростом.

Другие охотники, выбирая гончих щенков, переносят щенков в другое место и оставляют тех, которых первыми унесет матка, или смотрят, которые из них лежат сверху; но и эти правила никуда не годны, потому что сука хватает первого попавшегося, а другая так и носить не станет, а уляжется со щенками там, где они находятся, или будет только визжать около них, а тащить не решится. Сверху же лежат щенки самые слабые и плохие.

Если производители одной и той же породы, то выбор не особенно будет труден, потому что можно быть уверенным, что все щенки будут одинакового склада, но немногие обладают такими гончими, а потому большинству приходится руководствоваться или догадками, или приобретенным постоянными наблюдениями знанием примет тех щенков, из которых выходят лучшие гонцы. Если гончие мешанные и происходят от разномастных пород, то при выборе щенков сильно помогает масть, которая в таком случае обыкновенно сопровождает известный склад и характер, так что нетрудно подметить, какой масти родятся те щенки, из которых выходят лучшие гончие; такого рода выбор хорош и тем, что способствует скорейшему установлению одномастности в породе. Даже и в одномастной породе можно подметить некоторую разницу масти щенков, совершенно незаметную для непривычного глаза.

Я сам выбираю щенков следующим образом: сначала отбираю щенков по масти, потом осматриваю, нет ли между ними с телесными недостатками, и, конечно, таковых бракую; и в остальных выбираю щенков самых сильных, т.е. крупных, широких, с более короткими хвостами и толстыми лапами, а т.к. у меня русские гончие, то самых короткоухих (все породы русских гончих родятся со стоячими ушами, которые опускаются после, когда щенки начинают глядеть). Когда я следую вышеизложенным правилам и необходимость не заставляет меня выбирать щенков более снисходительно, я всегда получаю отличных гончих.

Конечно, чем старше щенки, тем выбор легче; так, из трехмесячных можно выбирать не ошибаясь; в этом возрасте видно, которые из них будут с более сухими головами, с более бочковатыми ребрами; из таковых следует отдавать предпочтение самым толстоногим, с разведенными широко локотками передних ног. Передние лапы у гончих щенков бывают разведены, как у такс, но при должном воспитании они выпрямляются, и я ценю эту примету, ибо замечал, что трехмесячные щенки с прямыми лапам впоследствии часто превращаются в косолапых, т.е. передние лапы завертываются несколько внутрь, а это и вредный и безобразный недостаток.

Хорошая молочная сука кормит щенков два с половиной месяца, а очень редкие - и целых три; большая же часть, в особенности молодые, - не более двух и даже меньше. Нечего и говорить, что чем дольше сука кормит, тем щенки бывают лучше, и их никогда не следует отнимать ранее, чем мать сама перестанет кормить.

Даже и после хорошо не разлучать их, потому что заботливая сука приносит ежедневно корм "в себе" и отрыгает его щенкам, которые всегда съедают это кушание с особенной жадностью, и я много раз замечал, что щенки, кормленные таким образом матерью, бывают гораздо добрее, веселее и рослее других.

Но хотя мать и кормит щенков около двух месяцев, их надо заранее приучать к настоящей пище и уже месячных начать подкармливать. Эта подкормка первое время должна состоять из парного молока, слегка разбавленного теплой водой, но потом, когда щенки попривыкнут, молоко уже не разбавляется.

Полуторамесячным щенкам, видимо, начинает не доставать молока матери, и их необходимо кормить более питательной пищей; в молоко в это время надо прибавлять хлеба, а лучше хорошей овсянки, заваренной на мясном бульоне. Необходимо наблюдать за тем, чтобы подкормка была всегда свежая, иначе щенки плохо ее едят и от прокислой пищи заболевают. Подкармливать надо как можно чаще, чтобы щенки всегда были сыты.

Если щенков не начать вовремя подкармливать и им перестанет хватать молока матери, они сильно худеют, и это вредно влияет на их дальнейший рост; они делаются узкогруды и слабосильны, и из них уже не могут выйти хорошие гончие. Вообще во все время роста молодой гончей, до году или несколько больше, смотря по породе, не надо допускать, чтобы она худела, если желаешь получить сильную, рослую и голосистую гончую.

Когда мать совсем перестанет кормить, корм щенкам должен быть как можно питательнее. Я знаю, что многие охотники еще долго продолжают кормить одним молоком и этим отнимают рост и силу у щенков; с этого времени щенкам

необходима более твердая пища - больше хлеба и овсянка непременно на мясном бульоне, с небольшой прибавкой пресного молока.

Мясо щенкам необходимо, но если их выкармливать мясом, то они требуют особенно тщательного присмотра, ибо могут скорее заболеть. При корме мясом время от времени необходимо очищать щенков слабительным, иначе у них пропадает аппетит и они худеют; слабительным служит простокваша или сыворотка, но первую я предпочитаю, - щенки едят ее охотнее; других слабительных, более сильных, надо избегать. Мясо, преимущественно телятина, жеребятина или зайцы, дается вареным и мелко искрошенным в овсянке, а дня через три или четыре немного сырого куском; прибавлять немного пресного молока следует и при таком корме.

Лучше всего держать щенков на полной свободе; никакое другое содержание не может дать таких крепких гончих. Но полная свобода всегда несколько опасна, потому что щенки глупы, могут куда-нибудь завалиться, попасть под ноги лошади, наконец их как раз украдут, к потому их обыкновенно держат на просторном дворе, где им достаточно места для беганья и игры. Всего лучше держать их на общем дворе со всеми гончими, и это вовсе неопасно, как думают некоторые: старые гончие скоро к ним привыкают и обходятся добродушно, огрызаясь только от невыносимого надоеданья; но и молодежь скоро узнает, кого из стариков можно теребить безнаказанно, а с которыми шутить опасно. Старые гончие редко больно кусают щенят, а огрызаясь, задают больше страху. Выгода выращивания щенков со стаей заключается в том, что они обыкновенно свыкаются с остальными гончими и привыкают к их голосам, участвуя ежедневно в их концертах. Но держать так щенков можно только, если родители их находятся тут же в стае и если они той же породы, как и остальные гончие; если же щенки совершены чужие, то старые гончие с ними меньше церемонятся и могут оттрепать весьма чувствительно, а то и загрызть до смерти.

Если двор просторен, то месяцев до трех щенкам его достаточно, а потом их ежедневно следует выпускать на свободу часа на три, утром и вечером, преимущественно по росе, которая хорошо действует на их ноги; нужно стараться, чтобы щенки больше бегали и играли, ибо это развивает их мускулы. Вообще чем больше щенок резвится, тем крепче он будет впоследствии, но не годится его слишком утомлять дальними прогулками: сильная усталость не способствует развитию, а, напротив, отнимает и рост и силу.

На пятом месяце у гончих щенков меняются зубы, т.е. выпадают молочные и вырастают настоящие; в тоже время у них бывает обыкновенно щенячья чума, - болезнь не опасная, но требующая хорошего корма; полезно давать побольше молока. Щенки, меняя зубы, получают наклонность грызть твердые предметы, вероятно, потому, что десны их чешутся; им надо поэтому давать кости, но цельные, чтобы они не могли ими подавиться.

Если щенков содержать постоянно в порядке, т.е. в чистоте и в хорошем теле, как можно более давать простору, то можно быть уверенным, что они не подвергнутся никакой болезни, и щенячья чума - болезнь почти неизбежная - пройдет незаметно. Многие охотники, держащие собак всегда в порядке, даже и не знают, что это за болезнь. Совсем другое дело - содержать щенков неисправно:

следствия скоро обнаруживаются; на щенят нападают вши, от недостатка движения ноги делаются криви и слабы, а чума изменяет свой характер, делаясь смертельной или калечит.

Лучшие щенки всегда удаются весенние, не потому, конечно, что они родятся в феврале, марте или апреле, а потому, что весной и летом можно вырастить щенков по всем правилам искусства, главное, на чистом воздухе и относительно на свободе, тогда как осенних приходится держать в комнатном воздухе, который вреден чутью, в недостаточно просторном помещении и на деревянном полу, последнее худо действует на развитие лап, делая их плоскими, с растопыренными пальцами. Потом при постоянном упражнении на охоте недостатки эти несколько исправляются, но такие гончие по чутью и крепости ног никогда не могут сравниться с выросшими на натуральной и премущественно каменистой и жесткой почве.

Конечно, иногда и необходимость заставляет растить осенних щенков, поэтому я могу посоветовать усыпать ту избу, в которой их держат, крупным песком или речным хвершем и всегда держать их в возможно более просторном, чистом и светлом помещении. Если вырастить щенков в темноте, то они не переносят солнечного света, бывают близоруки и страдают болезнью глаз, которые постоянно гноятся. Начиная с трехмесячного возраста, зимних щенков ежедневно следует выпускать на свежий воздух, конечно, если мороз не силен. Как только станет теплее, их на весь день надо выпускать на общий двор гончик, но первое время присматривать, чтобы старики к ним попривыкли; а когда ночные морозы сделаются слабее, щенков уже не надо брать в избу, а следуем держать постоянно на дворе.

Все, что мной скаэано о весенних щенках и выращивании их зимой в комнате, относится к нерусским породам гончих, которые вообще более чувствительнее к холоду. Что касается пород русским гончих, то щенки их никогда не нуждаются в теплом помещении и вся забота о них заключается в том, чтобы при двадцатиградусном морозе они обсохли после рождения. А как обсохнут, им уже не страшны никакие холода. Необходимы лишь над ними крыша и стены, чтобы их не хватало снегом и метелью, да хорошая обильная и сухая подстилка. При этих условиях гончие щенки легко переносят в месячномвоз расте 25-ти градусные морозы по Реомюру.

Между охотниками распространено убеждение, что мыть щенков вредно; это совсем несправедливо. Напрасно мыть незачем, но надо помнить, что одно из главных условий здоровья, а следовательно, и полного развити есть чистота. Если от недосмотра у щенка заведутся вши, то первым лечением должно быть мытье в простой теплой воде и при этом хорошая пища. Можно уничтожить вшей и одной хорошей пищей, но это гораздо дольше, рост, между тем, сильно тормозиться присутствием этих паразитов, не дающих щенку ни минуты покоя.

Щенками гончих надо считать до годовалого возраста, и ранее ни под каким видом не брать на настоящую охоту, потому что гончая еще не сложилась. От ранней охоты гончие разбиваются ногами и у них портятся голоса, а иногда и совсем пропадают; кроме того, молодая неперегодовавшая гончая легко приобретает дурные привычки, которые потом неисправимы. Некоторые

неперегодовавшие суки приходят в пустовку, а раз обегавшись, останавливаются в дальнейшем развитии; поэтому всеми средствами следует избегать таких казусов; по-моему лучшее - это частая дача сыворотки, начиная с девятимесячного возраста; этим средством я довольно удачно предотвращаю раннею пустовку; если же сука начнет пустовать, то ее надо отдержать и не верить россказням о появляюцейся вследствни этого водобоязни.

Кобелей также не следует допускать до вязки ранее года, а лучше и двух, потому что до этого возраста кобель еще не совсем сформирован.

ГЛАВА III

Стая - Мастер - Стайные собаки - Пустозвоны - Перечуны - Как заводить стаю - Необходимость установившейся породы гончих для того, чтобы сладить стаю - Выбор породи гончих по свойству местности и охоты – Одиночка, ее воспитание и содержание

Стаей называется неопределенное количество гончих свычных, свальчивых, гоняющих дружно.

Стая может быть большая, хоть из восьмидесяти гончих, может быть и гораздо меньше и может, наконец, состоять всего из одного смычка, т.е. пары собак. Такую пару всякий желающий может вполне правильно, не греша против охотничьих правил и понятий, называть "стаей", хотя у нас и не принято один или два смычка называть стаей, что происходит, вероятно, потому, что все охотники помнят еще огромные стаи, в двадцать, тридцать смычков, которые держались при псовых охотах. Но наездка и выдержка одного или двух смычков одинаковы о наездкой и выдержкой большой стаи, а потому и существенной разницы в названии быть по-настоящему не должно, тем более, что нельзя определить точно то количество гончих, которое можно называть стаей.

Стая должна быть свычна, т.е. гончие должны знать, "любить" друг друга и жить между собой мирно. Конечно, и в самой свычной стае бывают драки, но это не больше, как семейные ссоры, происходящие только редких и каких-нибудь исключительных случаях; свычную стаю можно запереть в самом тесном помещении и она будет проводить время мирно. Во всякой настоящей стае строго соблюдается правило, что младший должен уважать и уступать старшему, а суки - кобелям. Меня всегда очень интересуют эти отношения; и в самом деле, любопытно видеть, как небольшой выжлец, потомство которого крупнее и сильнее его, полновластно распоряжается с своими детьми и внуками; он вытаскивает безнаказанно у них из зубов куски говядины, и те уступают ему, тогда как за то же самое с другой собакой началась бы ожесточенная грызня. Гончие в стае отлично знают друг друга, знают, у которой можно отнять корм, которую можно согнать с места, на которую дозволяется положить голову. Гончую, не подчиняющуюся обыкновенным, установившимся в стае, отношениям, все начинают преследовать не дают ей житья, конечно, если она не сильнее других и не может, по праву сильного, заставить себе повиноваться остальных; в противном случае, все улаживается само собой очень скоро, а иначе преследуемая собака делается сиротливой и держится особняком. Такую необходимо сбыть, толку от нее быть

уже не может: она никогда не свыкнется со своими притеснителями и на охоте непременно будет отдирчива, т.е. погонит не в стае, в отбой. Как я сказал, и в свычной стае случаются драки, но если такой стае придется залучить чужую собаку или зверя, то ссора мигом превращается в самый тесный союз, и стая расправляется с общим врагом общими силами.

К необходимым качествам свычной стай принадлежит взаимное знание голосов гончих, составляющих эту стаю; стоит отозваться которой-нибудь из них, хоть так далеко, что еле слышно, как все остальные бросаются ней со всех ног, вся стая быстро сваливается (собирается) в кучу и гонит по поднятому зверю. Такая стая называется "свальчивой".

Для того, чтобы стая гоняла дружно, недостаточно свычности и свальчивости, хотя и без этих качеств не обойтись невозможно, а надо, чтобы все гончие были одинаковой паратости. Малейшая разница в этом отношении делает дружный гон невозможным: гончие более паратые берут переда, более пешие отстают. Иногда бывает, что и пешие гонят не отставая, в особенности, если они горячи и сильны, а разница в паратости незначительна; но такие скоро устают и не выдерживают продолжительной охоты, сбиваясь с ног. Мало того, такие более пешие гончие, если они молоды и горячи, могут надорваться до смерти или разбиться ногами до полной негодности, но чаще они приобретают разные пороки, - из них делаются пустозвоны или отдирчивые гончие. Мало толку бывает и из паратых, в особенности если их в стае мало - одна или пара, и если они молоды: из них скоро делаются перечуны. Одним словом, стая из гончих разных ног существовать не может: она быстро превращается в сброд порочных собак, большинство которых исправить уже невозможно и они годны только на осину.

Кроме вышепоименованных качеств, стая должна быть позывиста, т.е. вытекать из острова к рогу; но позывистость ружейной стаи и стаи при псовой охоте разнится существенным образом, о чем я скажу в своем месте.

Вежливость стаи также необходимое ее качество, иначе охота с ней будет не удовольствием, а пыткой. Гончие должны смирно ходить на смычках и не тянуться, не лезть вперед, не путаться, должны слушаться приказания "стоять!" и бросать корм или пойманного зверя на крик "отрыщь!" Нелишне, но и не необходимо для ружейной стаи, если она слушается приказания "в стаю" или "в кучу!" Вся эта нетрудная наука легко заучивается еще неперегодовавшими щенками около корыта с кормом, а потом укореняется при разумной охоте; в особенности надо не забывать заставлять буквально исполнять эти в первые охоты, на которые взяты молодые гончие.

Вежливая стая должна относиться к домашнему скоту с полным равнодушием. Более всего соблазняют молодых гончих овцы, ибо эта "дурья порода" всегда начинает метаться при виде собак, и достаточно одной гончей бросится с голосом, как дружная стая, не исключая стариков, забывает благовоспитанность и бросается на стадо. Раз сорвавшиеся на овец или свиней гончие никогда после не бывают благонадежны, хотя бы наказание им за этот проступок было и очень чувствительно. Хорошая стая должна быть так привычна к скоту, чтобы с ней можно было пройти сквозь стадо без смычков, но к этому способны не все породы, и как бы ни была надежна стая, но на охоте всегда

следует избегать встречи со стадом, чтобы не вводить в искушение; к тому же ребятишки-пастухи всегда начинают орать и науськивать собак, и искушение для гончих от этого делается уже чересчур сильно.

Гончие никогда не должны бросаться на людей, тем более кусаться; от этого порока необходимо отучать самым настойчивым образом: гончие не сторожевые собаки, а если стая велика или собаки крупны и сильны, недолго и до несчастного случая, которые и бывали. Все породистые гончие, кроме английских, по природе необыкновенно добродушны с людьми, но плохим воспитанием и жестоким обращением или притравливанием можно из всяких гончих сделать опасных собак, ибо они не знают середины, и если бросаются, особенно кучей, то непременно и нападают. Без причины злы на людей бывают еще гончие, в которых есть примесь негончей крови. Сказанное относится к гончим, когда они на охоте или на свободе; к запертым же на своем дворе незнакомому человеку одному входить никогда не следует: на свободе умная гончая от незнакомого человека уходит, а на дворе и в хлеве гончие, так сказать, приперты к стенке.

Старую невежливую гончую исправить нельзя и она не должна быть терпима в стае, ибо ее пороки легко перенимаются другими гончими. Вообще всякая порочная гончая портит всю стаю, как бы хороша и велика она ни была.

До сих пор я говорил о тех качествах, которые необходимы во всякой хорошей стае; но, кроме названных, есть еще другие, зависящие от желания владельца и хотя не абсолютно необходимые, но никогда не лишние. От природы гончие - очень умные и способные к дрессировке собаки; в наших псовых охотах их обыкновенно содержат круто и, конечно, это портит их нрав, но если с ними обращаться так же, как хорошие ружейные охотники обращаются с легавыми, то все, что при выдержке этих последних называется комнатной дрессировкой, усваивается гончими также легко, и на это с ними не приходится тратить ни больше времени, ни больше хлопот. Положим, что подаванье лап и тому подобные фокусы гончим совсем не нужны, но все это развивает в любой собаке понятливость и послушание, т.к. при этом человек больше ею занимается на охоте же и слушание собак значительно облегчает управление стаей. В больших стаях псовых охот заниматься отдельно каждой гончей нет возможности; хотя теперь и при псовых охотах стаи значительно сократились, но там дело ведется по завету старины, и выдержка, с помощью арапника, производится гуртовая, да и какого толку можно добиться от большинства псарей, которые и своих детей воспитывают не лучше...

Ружейные охотники слишком слушают и перенимают все, что касается гончих, у псовых охотников, а это только вредит охоте. Имея каких-нибудь три или пять смычков гончих и достаточно свободного времени, можно этих собак сделать такими же вежливыми и послушными, как самые лучшие легавые, а арапника не надо и заводить.

Я говорю все это не голословно и позволю себе привести несколько примеров в доказательство справедливости сказанного. Первым могут служить те девять гончих, о которых говорит П.М. Мачеварианов в своих "Записках псового охотника Симбирской губ.". У меня была пара выжлецов русской пешей породы, которые никогда не знали ни смычков, ни арапника. Когда я сходил по пороше

зайцев, они ходили сзади, как легавые; с ними я ездил на охоту в санках в одну лошадь, и мне было достаточно закричать им "в санки", чтобы они улеглись в сани и не тронулись с места, пока запрягают лошадь и пока мы не приедем на место. Бывали у меня гончие, слушавшие приказания "лежать", что бывало нелишним, когда случалось натыкаться на тетеревиный выводок.

Все это доказывает, что гончих можно выучить многому. Я сам противник того, чтобы их учить не пригодным на охоте фокусам, но, и кроме фокусов, можно научить кое-чему, что пригодится. Господа псовые охотники и их ружейные последователи почему-то находят, что говоря о гончих, нельзя употреблять слова "дрессировка", а только "наездка". Для псовых охотников, пожалуй, это и справедливо, но как же назвать процесс обучения гончий дома? По-моему, очень правильно - "дрессировкой". Некоторые охотники держатся убеждения, что ласковое обращение с гончими, без помочи арапника, делает их менее злобными к зверю, но это такой устарелый взгляд, который можно простить только старым доезжачим, да и то не мастерам своего дела. Напротив, жестокое воспитание не только не развивает злобности, но делает гончих трусливыми и менее жадными к зверю, приказания такие гончие слушают только видя поднятый арапник. Наказания арапником должны допускаться только в крайних случаях, за особенно важные проступки, а не употребляться ежеминутно, часто без всякого повода, лишь потому, что арапник в руке, что, к сожалению, бывает допускаемо во многих охотах.

Чтобы стая была красивее, стараются ее слаживать из одномастных гончих; впрочем, это дело личного вкуса. Некоторые подбирают пегих гончих, другие - черных в подпалинах или багряных. Нельзя не сказать, что стая из собак последних двух мастей несравненно типичнее, потому что черная в подпалинах и багряная масти служат типичным признаком чистопородных гончих, имеющихся в России, и такая стая, на мой по крайней мере взгляд, выглядит гораздо внушительнее. Пегая гончая, по-моему, тем красивее, чем значительнее на ней черные или багряные пежины.

Подбор по голосам играет не последнюю роль при оценке стаи. В последнее время на голоса обращают мало внимания, - "лишь бы тявкали"; это - следствие размножения английских гончих, которые все безголосы и редкоскалы; некоторые охотники, не слыхавшие настоящих гончих, даже похваливают этих визгунов, воображая, что собак голосистее и быть не может. Конечно, смычков пятнадцать и английских гончих шумят порядочно, но что значит этот шум перед гоном, даже в половину меньшей против этого стаи чистых костромичей! Рассказывать тут нечего - надо послушать.

В хорошо подобранной стае голоса должны быть различны: необходимо несколько голосов высоких, звонких и ярких, какие обыкновенно бывают у выжловок; затем несколько средних, - этих нужно стараться, чтоб была большая часть, - и, наконец, если стая небольшая, хоть один низкий, мерный бас, который бы был настолько силен, чтобы слышался отчетливо. Еще лучше иметь два баса: один из них должен гнать мерно, а другой - немного редкоскало, с заливом, так что мог бы реветь через неравные промежутки времени, но чтобы этот рев покрывал отдельные голоса других гончих. Такие заливные редкоскалые басы довольно

обыкновенны между костромскими гончими и теми помесями, в которых есть их кровь. Конечно, гон может быть красив и при другом составе голосов, - это тоже зависит от вкуса, но если голоса всей стаи почти одинаковы, то гон вообще монотонен.

Стая имеет вожака или мастера. Каковы должны быть достоинства мастера, желающий может прочесть в "Записках псового охотника Симбирской губернии" П.М. Мачеварианова; лучше определить, чем должен быть мастер, - нельзя. Не согласен я только с уважаемым автором в том, что мастер или вожак всегда находится впереди стаи; особенно при гоне развернутым фронтом, как гонят английские и другие паратые гончие, вожак всегда находится в середине фронта. Самые же паратые английские гончие, у которых линейный гон превращается в гон дугой, так как фланги заворачиваются в стороны следа, имеют мастера несколько позади. Это и понятно, если принять во внимание, что вожак ведет след, а забота стайных заключается только в славливании, которым они занимаются часто даже молчком.

Совсем другое дело у гончих более пеших; тут мастер всегда находится впереди, а стайные гончие гон гонят треугольником, и если все одних ног и свычны, то каждая имеет свое определенное место рядом или позади такой-то; они так к этому привыкают, что если которая-нибудь осаживает, то и другая поступает так же, редко проносят мимо; порядок этот расстраивается только тогда, когда стая подхватит по зрячему.

Вожаком всегда бывает гончая с самым верным чутьем, а не самая паратая, как воображают некоторое, ибо коротая стая должна быть одних ног. Верность чутья позволяет вожаку водить остальных собак, которые верят ему слепо, и если гонит вожак, остальные гонят за ним, не рассуждая, часто подняв голову, и начинают разыскивать, когда он замолчит. Если мастер несколько задерживается и гонит не во все ноги, что бывает от ослабевшего чутья в неблагоприятное время, например, в засуху или когда стайные гончие горячатся с лежки, то стая гонит уже не треугольником, а свертывается в клубок. Так гонят все стаи средней паратости, одинаково годные для ружейной и псовой охоты, но, конечно, для псовой охоты настоящей, а не той, хозяева которой говорят, что иначе нельзя взять волков, как сгонявши с гончими. Этим господам только бы "взять", и удовольствие их заключается в созерцании передавленных там, где-то в лесу, волчат да в слушании льстивых речей мужиков: "Вот-де охотники-то! живым манером волков переловили!" Прав П.М. Мачеварианов, а за ним и все настоящие русские и псовые охотники, называя владельцев подобных стай выборзков "шкурятниками".

Из сказанного о мастере-вожаке не следует выводить, что стайные собаки могут быть плохие и бесчутые, что их дело только гнать за вожаком; совсем напротив: чем больше хороших чутьистых гончих в стае, тем добычливее, а отличная стая должна состоять на подбор из отличных гончих, из которых каждая, взятая отдельно, будет тем же мастером. Только такая стая будет быстра в натечке и погонит без промолчки, так как малейший промах вожака тотчас поправляется стайной собакой, и сколовшийся вожак подхватывает потерянный след.

В хороших стаях, кроме передового вожака, бывает еще мастер, ведущий задний след; обыкновенно это бывает гончая постарше и похладнокровнее

остальных. Она всегда гонит в хвосте стаи и старательно ведет след; если бы вожак, а за ним и вся стая на крутом повороте пронеслись, то эта хладнокровная гончая направляет остальных и опять ведет сзади. Вожаками надо особенно дорожить; нередко, после пропажи вожака, отличные сбиваются с толку, начиная гонять врассыпную или маровато, и долго не справляются по старому.

Бесчутые и глупые гончие (глупость всегда соединяется с бесчутостью) не могут хорошо служить в стае: на розыск они тупы и только прислушиваются, не отзовется ли другая гончая, а за вожаком носятся с голосом, когда он и не гонит. Мало того, только эавидя другую гончую, а иногда и без всякой причины, они гонят и зря носятся на острове. Такие гончие зовутся "пустозвонами". Пустозвонами, впрочем, можно сделать и хороших гончих, если неумело начать с ними поля, особенности легко приобретают этот порок те, которых начинают употреблять на охоту слишком рано (ранее годового возраста); они привыкают подваливать к погнавшим с голосом, носиться и гонять друг друга и, напав на след охотника, гнать его как зверя. Исправить пустозвона нет возможности, и он надоедает на охоте, нередко и портит ее, когда при напуске необходима тишина. Для самой стаи пустозвон не особенно вреден, если в ней нет молодых гончих, которых он сбивает с толку, а старые скоро узнают своего безумного товарища, но не обращает на его гон ни малейшего внимания и никогда к нему не подваливают, но, конечно, в хорошей стае пустозвоны не должны быть терпимы.

Безусловно вредны для стаи другого рода порочные гончие, а именно - "перечуны" или "перечники". Стоит завестись только одному перечуну - и вся стая будет сбита с толку в несколько полей, и долго придется ней возиться, чтобы вновь настроить по-старому. Перечуны бывают двух родов: одни делаются из тех гончих, которые, скученные продолжительными охотами, не могу поспевать за стаей, но, по природе и привычке дружные, они стараются сократить свой путь на поворотах и потому тянутся стороной. Если вовремя это заметить и дать отдохнуть бедняге, то она справится и будет гонять как следует, но, продолжая с ней охотиться, заставляя каждый раз повторять вынужденное перечень5, можно совершенно испортить гончую, т.к. перечить входит в ее привычку, и тогда пиши пропало! - гончая негодна; она начнет перехватывать зверя и путать след впереди стаи, с которой гнать и к которой подваливать не заставишь ее никакими силами.

Другой сорт перечунов всегда выдается из собак самых паратых, превосходящих в этом отношении стаю. Сначала такая гончая может гонять добросовестно, но постоянно уходя вперед, она привыкает бросать след и дожидаться или возвращаться к стае; потом ей это надоедает и она уже гоняет одна и, слыша гон остальной стаи, не подваливает, а по привычке перехватывает след впереди и уводит зверя, который для стаи делается "удалелым". Впоследствии такой перечун начинает славливать, заскакивая вперед гона и затаиваясь в ожидании зверя, а завидя его, бросается навстречу и угоняет сторону; это, если повторяется часто, сбивает с толку лучшую стаю: начинается гон с перемолчками, стая разбивается и бросает след, не разыскивая стерянный.

Перечунов следует уничтожать, недолго думая, а для того, чтобы они не заводились, надо, чтобы вся стая была одной паратости, и никогда не следует брать на охоту собак сбитых или не совсем здоровых. Не годится, имея стаю, принимать

в подарок неизвестных гончих или приобретать их каким-нибудь другим способом, а также никогда на охоте не сваливать своей стаи с чужими гончими. Все это к добру никогда не ведет.

Перечуны нередко бывают первостепенные одиночные гонцы, и преимущественно они образуются из тех перечунов первого сорта. Перечуны второго сорта бывают невязки, а некоторые так привыкают славливать из-под стаи, что и в одиночку гонят молчком. Повесы эти никуда не годны.

Завести стаю, если умеючи взяться за это дело, нетрудно, но для этого необходимо иметь немалый запас терпения, потому что заводить стаю надо исподволь, не торопясь. Часто приходится слышать такого рода наставления: "Зачем растить щенков и дожидаться их? Гораздо проще накупить готовых гончих, сколько захочется, и охотнику их сосворить, - вот и стая готова."

Из избранных готовых гончих хорошей стаи никогда быть не может: гончие будут разных ног, ибо и однородные, но воспитанные в разных условиях, они непременно разнятся в этом отношении; дружного гона быть не может, а перечунами должно сделаться большинство. Если же, паче чаяния, и удастся набрать гончих одинаковой паратости, они не будут свычны и погонят вразнобой; наконец, если и узнают голоса и сделаются свальчивы, то будут не гонять, а пороть во все лопатки, горячась, перегоняя и перебивая друг друга. Положим, что и это нравится некоторым охотникам, которые думают, что без того не может быть ярого, азартного гона, но гончие, нажимающие изо всех сил, не могут гнать настоящими голосами, да кроме того поминутно сносятся и замолкают. Настоящая стая гонит хотя и во все ноги, но в известном порядке, поэтому и гон ее верен и голоса у нее настоящие.

Если кто желает завести настоящую стаю, то прежде сего должен стараться добыть породистую, верную к гоньбе и безпорочную во всех отношениях выжловку, которая бы хорошо служила не только в стае, но была надежной и в одиночку. Брать для этой цели можно такую, которую сбывают из стаи за отдирчивость, что бывает довольно часто. Надо, однако, помнить при этом, что этот порок может сделаться наследственным, а так же, что суке, в особенности в первое время, придется направлять молодых, что очень важно, т.к. неопытная молодежь редко понимает с первого раза, в чем дело, и без надежной матки с ней приходится возиться гораздо дольше. Заведя суку, надо ее повязать с хорошим кобелем, непременно той же породы, всего лучше с таким, который водит стаю, а если такого нет, то можно употребить в дело и кобеля-одиночку, но самого верного в гонке.

Из помета надо оставлять лучших щенков и опять-таки не увлекаться тем, чтобы вырастить сразу много гончих, помня, что чем больше будет оставлено под маткой щенков, тем хуже они будут выкормлены. Лучше всего оставлять из первого помета щенков трех или четырех, непременно сук и кобелей. От той же суки можно взять несколько пометов сряду. Щенков растить маткой, чтобы они от нее не отвыкли, и можно быть уверенным, что эти гончие будут свычны, свальчивы и дружны в гону, что называется, гонять "ухо в ухо". Раз получив несколько дружных гончих, владелец может считать себя обеспеченным в удаче дальнейшего разведения стаи, что не представляет уже никакой трудности; все щенки от

стайных сук будут хорошими стайными гончими, а если будут выдаваться порочные, повесы, их сейчас же следует сбывать и никогда не брать от них пометов, чтобы пороки не сделались наследственными.

При дальнейшем ведении стаи надо стараться вести от стайных сук отдельные ветви поколений, по возможности и без настоятельной необходимости не переродняя их между собой. Это хорошо для того, что в случае, если бы не нашлось чужого породистого и однопородного со стаей кобеля, можно было бы для получения ремонтных гончих употреблять своих и кобеля и суку, состоящих между собой не в особенно близком родстве. Но, когда только есть возможность, всегда следует вязать своих сук с чужими однопородными и породистыми кобелями.

В ремонт стаи должны поступать исключительно гончие, родившиеся от сук, имеющихся в стае, и выращенные вместе с ними. Только таким образом стая постоянно сохраняет свои достоинства; если же ее ремонтировать чужими щенками или хотя и от своего кобеля, но от чужих сук, то стая редко может быть вполне свычной и дружной, потому что, как я говорил, малейшая разница в паратости портит стаю, а щенки от чужой суки, кроме того, редко свыкаются со стайными гончими и держатся всегда несколько особняком, что и на охоте непременно сказывается, - как раз такие молодые погонят в отбой. Исключением из этого правила может быть только тот случай, когда в стае, вследствие какой-нибудь причины, например, чумы, перевелись бы все суки; тогда можно взять щенка сучку от чужих гончих и вырастить ее со стайными кобелями. Кобели вообще гонят дружнее, когда в стае есть сука, а потом, свыкшись с молодой, они и на охоте будут к ней подваливать. Но и этого надо избегать; поэтому в хороших стаях, которыми дорожат, держат по нескольку сук разных возрастов, так что, а случае болезни или другого несчастного происшествия, можно было бы надеяться, что хоть одна из стайных сук уцелеет.

Самый благоразумный для этой цели состав стаи тот, когда сук и кобелей в ней поровну. Зато в других отношениях подобный состав стаи не всегда удобен, в особенности, если стая маленькая, - суки редко бывают так злобны и сильны на красного зверя, как кобели, да, кроме того, могут начать пустовать или оказаться щенными в самый разгар охоты, что бывает очень досадно, а если пустующая сука водила стаю, то и лучшая стая погонит без нее плоховато. Конечно, у охотника, который сам приглядывает за гончими, эти беды не неизбежны, но предотвратить несвоевременную пустовку, но это возможно только заранее, а показалась краска, - ничего не поделаешь, отсаживай суку и хлопай глазами, да слушай, как у других охотников гоняют гончие. У тех господ, которые удостаивают своим вниманием гончих только на охоте, бывает и хуже. Если вовремя отсадить суку подальше, остальные гончие гоняют как ни в чем ни бывало; упомянутые же мною охотники замечают, что сука в пустовке, когда она начала уже вязаться и когда кобели перегрызлись; вот тут отсаживай суку хоть за двадцать верст, ничего не поможет: вся стая потеряет чутье, точно с ума сойдет, куда денутся мастерство и добычливость!.. Все кобели будут ходить, как пьяные и успокоятся только после окончания пустовки, когда обнюхают приведенную назад суку, но за это время так исхудают и перегрызутся, что потребуется некоторое время на поправку.

Охотников, у которых подобные пассажи обыкновенны, жалеть нисколько не следует: не будь неряхой! Мне так всегда бывает смешно, когда какой-нибудь из подобных господ "поет Лазаря", повествуя о том, как любит охоту с гончими, но никогда нельзя охотится: "то лето и время жаркое, то зимние морозы и глубокие снега, а осенью, представьте, такая досада, непременно суки пустуют, кобели передерутся и хромают... Совсем не стоит гончих держать!.. " Дальше бедняки умалчивают, но дома большая часть их не мирится так легко со своим положением, а упражняются а ветеринарии. Профессором является какой-нибудь убеленный сединами старец, который "при старом барине с борзыми ездил", а чаще "собакам суп варил". "Что вы, сударь, на суку глядите? Что ей баловство спущать? Прикажите ей прижечь... как сымет!.."

Как не поверить такому седому авторитету? Операция производится каленым железом и увечит суку. Кобелей, для охлаждения их страсти, предписывается держать в ключевой воде; результатами в точности исполненной предписания являются ревматизм и воспаление.

Сколько лет гончая может служить в стае? Определить с точностью нельзя. Зависит это, во-первых, от породы: так, польские паратые и тяжелые подолгу не выслуживают в стаях, ибо скоро разбиваются ногами и начинают значительно отставать; в особенности это замечается в стаях, которые, залежавшись летом, много работают осенью. Во-вторых, это много зависит от содержания. Я замечал, что крутое и жестокое обращение заставляет гончих скорее старится и сбавлять паратости, а также скорее глохнуть. Сука скорее старится, если несколько раз сряду выкармливает помногу щенят; кобель - если слишком часто и много вяжут его, а также если его употребляют в вязку слишком молодым. Иногда выдаются гончие замечательно долговечные, сохраняющие все свои достоинства, и надо отдать справедливость, что таких больше всего удается из английских и их помесей. Я знал гончих, служивших в стаях до десяти осеней, но это редкость.

О наступлении старости свидетельствует сбавка паратости: гончая уже не может работать в стае и тянется сзади, бессильно напрягая ослабевшие мускулы; постепенно промежуток, отделяющий ее от стаи, увеличивается, голос делается сиповатый, так что тот, кто хорошо знает гончих, издали его узнает: в нем слышно что-то старческое. Такая гончая, сознав свое бессилие, начинает гонять в отбой и не годится в стае; к тому же она скоро непременно глохнет. Чутье у породистой гончей сохраняется до глубокой старости, так что глухие и почти ослепшие гончие, гоняющие не иначе, как труском, бывают замечательно верные одиночные гонцы. Не подолгу служат еще все гончие, в которых есть примесь легавой крови; в молодости они отличаются горячностью, но она скоро выдыхается, заменяясь апатией и ленью, и гончая делается невязкой; чутье у таких собак скоро тупеет и вообще примесь легавой крови ухудшает гончих.

Чтобы без задержки сладить стаю, нужна установившаяся порода гончих; только такие однопородные, с общими признаками и достоинствами гончие - будут годны во вновь формируемую стаю. Странно, но вместе с тем не подвержено сомнению, что только однопородные гончие, если так можно выразиться, вполне понимают друг друга и потому все замечательно свальчивы и дружны, тогда как гончие мешанные и разнотипные, несмотря даже то, что находятся в самом

близком родстве, например, однопометники, редко так свальчивы и дружны, как однопометники установившейся породы. Мне случалось охотиться со сбродом гончих разных пород; не буду говорить, насколько такая охота бывает удачна, но я наблюдал, что, по-видимому, у каждой породы есть свой особый язык, не совсем понятный другим, - костромские гончие валятся охотнее к костромским гончим, совершено им незнакомым, чем к гончим других пород, а английские - к английским. Вероятно, происхождение имеет немало значение при формировании стаи. Может быть, это и дикая фантазия, но мне всегда кажется, что у неустановившейся породы и язык не установился, а потому не может быть и настоящей свальчивости. Впрочем, моя гипотеза подтверждается еще тем, что и охотник хорошо понимает только знакомых гончих и знает по голосу и манере гона, кого ждать - зайца, лисицу или волка, гончих незнакомой породы не поймет сразу.

Мне могут возразить, что, таким образом, и стаю заводить невозможно или очень трудно, т.к. немешанных установившихся гончих найти нелегко, а приобрести еще труднее, в особенности людям небогатым. Хорошую стаю, действительно, сразу завести трудно, разве поможет случай, но установившаяся порода необходима только именно для того, чтобы сразу и без осечки иметь стайных гончих; а если запастись известной долей терпения, то из неустановившейся еще породы можно слаживать весьма порядочные стаи, которые, если находятся в руках дельных охотников, служат не хуже породистых, принадлежащих посредственным охотникам. Беда в том, что такую мешанную стаю ладить очень мешкотно: чуть ли не половина, а иногда и большая часть выращиваемых гончих оказывается разных ног и вовсе негодными в стаю. Отдирчивых, переких, безголосых, неподходящих по паратости приходится браковать то и дело, и при формировании такой стаи охотник должен постоянно держать ухо востро, чтобы при малейшем диссонансе в гону немедленно доискиваться причины и без милосердия сбывать задурившую гончую. Много приходится хлопотать с такими гончими, и нетерпеливый охотник как раз бросит все дело. И в самом деле досадно: растит охотник щенков, хлопочет и возится с ними, но с подозрением уже поглядывает на их различный склад, а все-таки надеется: "вот, думает, будущей осенью молодых будет четыре смычка". Не тут-то было!.. В несколько полей он убеждается, что не могут его гончие гнать дружно. Начинает он браковать и вместо четырех смычков остается с одним - "удавшимся". Надежда и тут не покидает злополучного охотника: выдался смычок дружный и свальчивый, значит, дело в шляпе, стоит вырастить помет от этого смычка. Опять растятся щенки и опять разочарование, - только некоторые оказываются годными, а другие "вспомнили породу" и вышли или слишком параты, или слишком пеши - и опять бракуй, опять мало гончих. Таким образом, завести стаю, без сомнения, можно, но так мешкотно, столько перепортится у охотника крови, что было бы гораздо проще обзавестись породистыми гончими.

Бывает, что гончие различных пород "спеваются" и гонят дружно. Я знаю даже примеры, что гончие нескольких осеней свыкались и гоняли порядочно, конечно, если были одних ног; но это только бывает, и никогда свыкшиеся разнопородные гончие не могут удовлетворить строгим требованиям: непременно в

их службе, при внимательном наблюдении, оказывается какая-нибудь фальшь. Некоторые охотники не могут завести стаи еще и по другой причине: имея породистых гончих, от которых ничего не стоит развести стаю, они постоянно увлекаются другими гончими. То им вдруг захочется иметь более паратых, то более пеших, и они мешают своих гончих то с одними, то с другими, а то так сбывают одних и заводят других, которых в свою очередь меняют на третьих. У таких охотников стаи никогда не бывает; но гончих всегда много, обыкновенно молодых и охотиться не с чем. То же, что я говорил о выводе породы, вполне применимо и к формированию стаи, т.е. что, раз обдумав хорошенько, какие качества желательно видеть в стае, и заведя породистых гончих, от которых по всем данным можно завести такую стаю, надо неуклонно добиваться своей цели.

Конечно, можно и ошибиться, - завести стаю слишком пешую или паратую, не соответствующую в этом отношении местным условиях охоты. В таком случае лучше переменить породу и завести новую стаю, особенно если нужны гончие очень различные по паратости от имеющихся. Если же пешую стаю начать мешать с паратыми гончими или наоборот, то молодые получаются различных достоинств, не годящиеся для совместной службы, и придется устанавливать породу, на что надо больше и времени, и денег, чем на формирование новой стаи с требующими качествами. В том случае, если имеющаяся стая кажется только немного пешей или паратой и когда в этом отношении желательно только небольшое изменение, лучше постепенным подбором производителей и соответственным воспитанием щенков развить требуемые качества. В каждой установившейся породе можно заметить некоторую разницу в складе гончих: иные бывают более сухие, что указывает на большую легкость, и если постоянно употреблять таковых в производители, то можно отвести более паратых гончих, а от более сырых - пеших. Сказанное не противоречит тому, что было говорено о приметах установившихся пород, потому что сырой и сухой склад более зависят от воспитания. Конечно, и то и друг может сделаться наследственным, но легко изменяется под влиянием выкормки и воспитания.

Чтобы щенки выходили сухого склада, их следует кормить более мясной пищей и менее овсянкой, которую заменять хлебом с молоком и бульоном, и давать им более простору для движения, к которому поощрять, заставляя их всевозможными средствами больше играть. Когда придет пора с ними охотиться, то надо избегать заразистых, частых мест, заставляя гонять в редочах и полях, где нет постоянных препятствий, которые поневоле заставляют гнать тише. Не мешает при этом сопутствовать гончим верхом, помогая им и подзадоривая их. Если гончие - красногоны, то следует по преимуществу насаживать стаю на лисиц, которые не петляют, как зайцы, и не путают гончих. В особенности надо избегать и мелкого ельника: ельник сильно задерживает всяких гончих и сильно замедляет паратых. При таком воспитании можно ручаться, что с каждым поколением гончие будут делаться паратее и дед от внука будет отставать весьма заметно.

Что гончие одной породы могут значительно разбиться в паратости, можно наблюдать на каждом шагу; поэтому в старину, на больших съезжих охотах, избегали сваливать две или несколько разных стай в одну, а их чередовали, ибо, в противном случае, выходил кавардак. Без сомнения, и в двух стаях можно

поддерживать одинаковую быстроту, и это достигается, во-первых, однопородностью, во-вторых, одинаковым содержанием и выдержкой как щенков, так и взрослых гончих и, в-третьих, постоянным обменом производителей, кобелей, под условием не брать таковых ниоткуда больше; такие две стаи будут хорошо работать и вместе. Но где же, при настоящей редкости вообще охотников с гончими, найти таких двух соседей-охотников, которые бы стали держаться всех этих правил? А жаль! При таком ведении дела и охота была бы веселая, и породу в стаях легче бы было поддерживать чистой.

***

Заводя гончих, надо иметь в виду, на каких зверей придется охотиться, и выбирать ту породу гончих, которая издавна употребляется на охоте по этим зверям. В некоторых местностях только и охотятся, что по зайцам и козам, и от гончих не требуют злобности, необходимого качества там, где часто приходится переведываться с волками и лисицами. Наконец, и злобность на разных охотах требуется неодинаковая: есть гончие, злобные только на известную породу животных. При этом надо принимать во внимание, что как злобность, так и отсутствие ее, заключаются в крови гончих, и из тех, которые ее не имеют, никакой выкормкой и никакими садками злобачей сделать нельзя. На это требуется много времени, много поколений, так что овчинка выделки не стоит.

Без сомнения, лучшими гончими должны считаться те, которые гонят одинаково хорошо по всякому зверю, но таких универсальных гончих не существует, ибо те, которые в данной местности гонят по всякому зверю, в другой могут встретить совершенно незнакомого, и тогда нельзя ручаться, что они его погонят сразу. Кроме того, каждая порода отдает предпочтение какому-нибудь излюбленному зверю и гонит его всего охотнее, что бросает другой след, чтобы преследовать любимого зверя. Есть гончие до того оспециализировавшиеся, что гонят только по одному какому-то зверю и относятся равнодушно ко всем другим. Таких специальных гончих советовал бы ружейным охотникам избегать. Гораздо удобнее иметь таких гончих, которые вообще приемисты. Где часто встречается красный зверь, там необходимы гончие злобные, которые предпочитали бы дорогого зверя зайцам и бросали бы это ничтожество, как скоро случится им попасть на волчий или лисий след.

Хотя универсальных гончих и не существует, однако есть породы, которые легко принимаются по всякому зверю, и наоборот - другие, которые не обладают этим качеством. Первые всегда отличаются злобностью на красного зверя и из тех, которые злобны на волка и лисицу, можно надеяться сделать хороших гонцов по всякому другому тому зверю, а из таких, которые по нем не гонят, хорошего вообще выходит мало. В особенности надо избегать исключительных зайцегонов: из них по всякому другому зверю что-нибудь путное удается редко. Из капитальных пород по приемистости бесспорно первое место занимают костромские и русские пешие гончие. Между большинством охотников распространено убеждение, что для ружейной охоты хороши только самые пешие гончие; я объясняю это тем, что первые слухи о ружейной охоте с гончими появились у нас, вероятно, из Курляндии и Литвы, где, по условиям местности, охотятся с пешими гончими, а мы видим в этом неизменный закон.

Необходимое условие выносливости, а следовательно, и пригодности гончих к данной местности, заключается в том, чтобы они были привычны к грунту. Гончие, привыкшие к мягкому черноземy, не могут хорошо выстоять в жестком песчаном и каменистом грунте, а привычная - никогда не обезножат и по морозам гоняют, как по талому. Примером могут служить привозные английские гончие, воспитанные на мягком грунте парков, разработанных полей и расчищенных лесов; в такой местности, как, напр., где я охочусь, где все поля сплошь усыпаны камнем, они служить окончательно не могут, т.к. после каждой охоты оказываются с ушибленными или сбитыми ногами, а по мерзлой земле - это самые несчастные собаки, потому что срывают себе подошвы и когти. Т.к. английские гончие давно выращиваются в одинаковых условиях, то и недостаток этот у них в крови, и к твердому каменистому грунту они применяются весьма трудно, через несколько поколений, которым пришлось вырасти и работать на каменистой почве. Те же английские гончие в черноземной и некаменистой полосе работают хорошо. Другой пример применения гончих к грунту представляют курляндские и польские гончие. Бесспорно, что эти породы - лучшие гонцы по белой тропе, и это объясняется тем, что в их отечестве ружейная охота производится всю зиму, которая там обыкновенно малоснежна. Постоянная зимняя охота развила в курляндских и польских гончих способность необыкновенно верно гнать по снегу, и они гораздо ловчее в стечке именно по белотропу. Мало того, в глубокие пороши они легче идут и, к удивлению неопытных охотников, нередко берут переда, сравнительно с более паратыми гончими, но привычными только к гонке по чернотропу.

Привычка к растительности приобретается гончими легко, но все-таки имеет некоторое значение; например привозные английские гончие не могут хорошо гонять в хвойных лесах. Тут некоторую роль, вероятно, играет сильный смолистый запах, отбивающий и без того слабое чутье этих гончих, и препятствия, попадающиеся в таких лесах на каждом шагу, в особенности мешает им еловый валежник, как известно, обыкновенный в наших лесах. В таких местах англичане совершенно путаются и глупеют, а более пылкие сильно зашибаются. Между тем некоторые польские и русские гончие, тоже довольно паратые, но привычные к подобным островам, гонят во все ноги, перескакивая и пролезая под валежником и нисколько им не смущаясь.

Для охоты климат имеет мало значения при выборе гончих, потому что охота с ними всюду производится в такое время, когда температура мало разнится в разных местностях; к тому же, находясь в постоянном сильном движении, всякие гончие переносят на охоте значительные холода сравнительно легко и одинаково страдают от жары, хотя, конечно, те, которые происходят из более теплого климата, могут лучше работать летом, в то время как северные изнемогают. Но летом вообще с гончими не охотятся, а для того, чтобы не дать гончим залежаться, достаточно водить их по зарям и давать гонять часика два.

Если климат не имеет значительного влияния охоте, то он имеет зато громадное значение при содержании гончих, а это очень важно, почему при выборе необходимо обращать внимание на привычку собак к нашим морозам. В то время, как наши русские гончие легко переносят самые лютые морозы, как простые

дворняжки, спят в холодных хлевах с открытыми дверями, английские отмораживают пальцы и пятки, а часто и уши, и гибнут от воспаления и других простудных болезней. Зимой они требуют теплых помещений, в которых стараются зарываться в солому, а выпущенные на двадцатиградусном морозе, поджимают лапы, которые то и дело сводит судорогой. Лучше всего переносят морозы русские пешие гончие; терпкость их поистине изумительна: в самые жестокие холода они преспокойно спят на открытом воздухе, свернувшись клубочком на клочке сена или соломы. Костромские несколько нежнее: им необходима крыша и хорошая густая подстилка. В этом отношении с ними равняются курляндские и некоторые польские (польские маленькие). Польские паратые гораздо нежнее и для них нужны хорошо замшеные хлева, которые надо затворять.

Всяких гончих можно вырастить менее или более чувствительными к холоду, смотря по тому, как их воспитывать. Я знал породистого костромского выжлеца, выращенного в комнате, который был так зябок, что отмораживал пальцы при морозе менее двадцати градусов, но это зависело от тепличного воспитания, а не от породы, что и доказали дети того же выжлеца, которые проводили всю зиму в холодном хлеве, на соломенной подстилке, и не страдали от морозов, как их родоначальник. Понятно, то гончие акклиматизировавшиеся требуют менее ухода и приспособлений для своего содержания, которое и обходится значительно дешевле, что важно для небогатого охотника; кроме того, такие гончие меньше подвержены всяким болезням, что тоже составляет немалое достоинство.

Кроме выбора по грунту, по растительности и по климату, следует выбирать гончих по паратости и манере гона, сообразуясь с условиями местности. В этом отношении выбор представляет гораздо большие затруднения, чем это может показаться с первого взгляда. Дело в том, что, по-настоящему, каждый зверь требует от гончих различной паратости, а потому в местностях, богатых красным зверем, но с виду вполне сходными с местностями, богатыми одними зайцами, гончие нужны неодинаковые. Конечно, заводя гончих, надо знать, на какого придется больше охотиться, и потом не обманываться надеждой, что они будут одинаково безупречны по любому зверю, хотя, как я и говорил, они должны гнать по всякому, могущему встретиться в местности охоты. О том, какой паратости гончие из известных мне пород, на какого зверя лучше - я буду говорить при описании охоты на этих зверей, а теперь скажу, что знаю о выборе гончих по виду местности, предупреждая, что мои наблюдения в этом отношении далеко не полны, на том основании, что мне не приходилось охотиться в очень разнохарактерных местностях.

Места, в которых мне приходилось охотиться, я могу разделить на четыре категории: 1) места полевые, с островками подчищенного леса, преимущественно березняка, осинника и ольхи; 2) места смешанные, т.е. крепкие, эаразистые острова, но отъемные, перемежающие полями и логами; 3) сплошные леса, преимущественно хвойные, еловые, с соняковыми моховыми болотами; 4) места гористые и овражистые, покрытые чащами дубняка, орешника, бересклета, жимолости и можжевельника, лесными оврагами, заросшими папоротником.

Мест первого разряда прибавляется с каждым годом. Многие крестьянские общества, а также землевладельцы, жалея вырубать лес начисто, но ощущая недостаток в топливе и не имея достаточно покосов, расчищает молодые заросли леса, т.е. вырубают кусты и вообще мелкую подсаду, и этим достигают и того и другого: хотя и плохого качества, но имеется топливо, а покосы по таким расчисткам бывают очень хорошие, т.к. оставшийся редкий лесок предохраняет почву от засухи и трава вырастает выше и гуще, чем на обыкновенных высоких или торфяных покосах нашей Тверской губернии. Для охотника такие подчищенные леса представляют вид самый неотрадный: негде там притаиться ни зверю, ни птице; грустно и чопорно торчат пряменькие белые стволы березок с кудрявыми маковками, изредка мешаясь с серым осинником ольхой; даже редко уцелевшие кустики можжевельника выглядывают как-то сиротливо: нет вокруг них той суши и ветоши, которая встречается обыкновенно в зарослях мелкого леса. Эти леса выкашиваются ежегодно и травятся скотом, поэтому земля в них гладкая и ровная, логовая, никакой кустарниковой подсады на ней развиться не может, - все срезается и вытаптывается.

Такие расчищенные мелоча, вперемежку с полями и чистыми логами, тянутся иногда на большие расстояния, характерная особенность всякого зверя, живущего в тех местах, - осторожность и крайняя чуткость; вскакивает он всегда далеко, и т.к. нет частых местечек, а которых он мог бы хитрить и кружиться, стараясь отдалиться от гончих, каждый поднятый зверь сразу идет напрямик, задавая под собаками круги в несколько верст. Тут пешие гончие не годятся. Поднятый зверь лупит во все лопатки и от самых пеших гончих и от паратых; для первых скоро делается удалелым и, пользуясь этим, путает след; волей-неволей лучшие пешие гонят плохо, как будто постоянно добираясь, и правильного круга быть не может, а потому и убить всякого зверя в таких местах из-под пеших гончих несравненно труднее, чем из-под паратых. Последние, преследуя зверя по пятам, не дают ему петлять и заставляют его задавать правильные круги, что дозволяет охотнику выбирать лучше лазы и "перебеги".

Для исключительно полевой охоты, где леса нет вовсе, паратые гончие несравненно удобнее пеших по тем же причинам, как и в расчищенных лесах. Но полевая охота изменяет свой характер, когда есть частые и крепкие бурьяны или высокая трава: в таких местах зверь часто держится так же крепко, как в настоящих частых лесах.

Паратые гончие в открытой местности могут соперничать со всякими пешими в верности гона; тут сторонники пеших гончих могут убедиться, что каждая порода хороша в той местности, для охоты в которой она выведена: пронословая - в частых лесах, где зверь вертится в маленьком пространстве, беспрестанно путая след, паратые - в местах открытых, где единственное спасение зверя - быстрота, где ему некогда и негде петлять, находятся в своей сфере и гонят верно, азартно и жарко без перемолчки, и чем паратее гончие в открытой местности, тем ружейная охота будет удачнее, ибо зверь будет правильнее и легче попадет под выстрел.

Для ружейной охоты в открытых местностях пригодна помесь костромских гончих с английскими, но чтобы первая кровь преобладала. Хороши и польские

паратые, а лучше всего - чистые костромские, выведенные особенно тщательно относительно паратости. Беда в том, что такие собаки встречаются очень редко, и вообще я замечаю, что костромская порода стала вырождаться в пешую и сырую. Виноваты в этом ружейные охотники, в руках которых находятся, как кажется, лучшие экземпляры этой драгоценной породы: они нарочно выводят пеших в ущерб охоте, из-за ложного понимания достоинств ружейных гончих.

Места второго разряда у нас на Руси, кажется, самые обыкновенные; исстари они служили лучшими местами для псовой охоты, это - отъемные острова в полях, с перемычками, пустырьками и внутренними дорожками, чищенные, с натуральной растительностью. То это заросли некрупного чернолесья с густой подсадой молодняка с чащами можжевельника или бредняка, то непролазные чащи пустырного молодого ельника или сосняка, то, наконец, высокоствольные строевые рощи, в которых гон дружной стаи сливается в один нераздельный рев. Кто из настоящих русских охотников в осенний тихий и серенький денек, при виде этих отъемов, не вспомнит псовой охоты? Забудешься и ищешь машинально на лазах всадников, отчетливо выделяющихся на сереньком небосклоне, по привычке чутко прислушиваешься, ожидая жаркого гона и звонкого порсканья.

Эти места были школой, в которой вывелась и питалась костромская порода; наши деды охотились с ней так, как мы, внуки, охотиться не умеем, да не умеем по достоинству ценить дедовских собак... А нет лучше гончих ни для настоящей псовой, ни для ружейной охоты, и именно в только что описанных местах. Старательные, даже несколько пешие в чащах, те же гончие, чуть лес почище, чуть зверь пошел прямее, немного уступают в паратости английским, и нет зверя в наших отъемах, которого они не погнали бы с азартом.

В отъемах ружейная охота самая легкая. Желающие могут в них охотиться с любыми гончими довольно удачно, были бы лишь гончие порядочные да зверя достаточно. Но в таких местах, где зверя мало, где он нагонен частыми охотами с гончими, костромичи ярко выделяются своими достоинствами: нестомчивостью, энергией, полаистостью и вязкостью - именно теми качествами, которыми должен дорожить ружейный охотник.

Смотря по свойству отъемов и величиной полей или лесов, их разделяющих, можно употреблять для охоты и других гончих. Если отъемы заразисты и перемычки нешироки - могут хорошо служить курляндские, русские пешие и польские тяжелые; если острова часты, поля широки, а следовательно, и зверь должен ходить на широких кругах, годятся польские паратые или помесь костромских с тяжелыми польскими, выдержанная паратой. Но и в тех и в других чистые костромские лучше всяких.

Мне часто приходится охотиться в сплошных хвойных юсах, которыми покрыта часть Новоторжского уезда, граничащая с Осташковским и частью Вышневолоцким. Леса там тянутся беспрерывно на десятки и сотни верст. Редкие небольшие распашки и покосы вокруг деревень окружены сплошным лесом. Кое-где около проезжих дорог распахиваются небольшие полянки, обыкновенно не больше десятин, называемые "нивами". Дорог там вообще мало, перемычек нет никаких. Внутри эти леса представляют страшную дичь: то вывалит бурей большое пространство - и лес как нагромоздится, так и остается гнить, зарастает густым

молодняком, образуя непролазные крепи; то пройдет лесной пожар, засушит и поваляет ельник - и место долго остается мертвой "гарью", и только через несколько лет начинает эарастать березняком. Вырубается там лес совершенно своеобразным образом: "лес дешев", а потому рубятся лучшие строевые деревья; сучья, маковки, поломанный лес - все это остается неубранным и "порубка" так же непроходима, как гарь и буреломник. Самые удобные для ходьбы места - это "суходолы", с высокоствольными "поносистыми" ельниками, сравнительно чистыми; но таких сухих "грив" немного, а вообще больше места болостого, заросшего густым, невысоким ельником, с частыми ручейками и "бочагами", с ольхой и березой. Часто лес сменяется моховыми болотами, поросшими редкой, высокой сосной, а нередко болотами - чистыми и жидкими, с частыми озерами, по-местному, "окновищами".

Как видно из моего краткого описания, эти леса неудобны для быстрой ходьбы, а так как нет перемычек, то ходы зверя определять труднее, чем в предыдущих местностях, поэтому лучшие гончие для охоты в таких лесах - пешие курляндские и русские пешие, с которыми в этом отношении не могут равняться другие породы, в особенности хороши эти гончие в завалах буреломника и гарях, где даже и костромские гонят плохо, как будто становясь в тупик от окружающего их хаоса. Польские тяжелые служат на исключительно лесной охоте порядочно, но скоро устают; костромские годны только привычные, да и те частенько ушибаются. Английские совсем негодны: они расшибаются, напарываются и кривеют, что происходит от непривычки, горячности и излишней стремительности. Хорошо служат в таких лесах маленькие польские.

В гористой и овражистой местности, обыкновенно покрытой густой и цепкой растительностью, для ружейной охоты хороши только привычные гончие, применившиеся к таким местам. Всякие "самые лучшие", но употреблявшиеся исключительно на равнинах, в горах и оврагах устают. Какие породы лучше для горной местности - сказать трудно: это зависит от местных условий и условий охоты. Если местность безлесна или небольшие островки отстоят далеко один от другого, то лучше употреблять паратых гончих, которые заставят зверя быстрее задавать круги и охотник выгадает много времени. Когда местность лесиста, острова заразисты, перемычек мало - зверь кружит нешироко, нередко вокруг одной горы, тогда и гончих следует предпочитать средней паратости или пеших. Если желательно иметь для гористой местности паратых гончих, то, по-моему, самые лучшие - это помесь костромских с английскими; говорят, что хороши также польские паратые и их помесь с английскими, но самому мне не удалось испытать в горах ни тех, ни других, и я сомневаюсь, чтобы первые были достаточно выносливы. Чистые костромские гончие в гористой местности нехороши: на крутых спусках и подъемах они идут молчком, к тому же в горах скоро устают. Все это понятно, т.к. они выведены на равнинах, но я не сомневаюсь, что, приучая их постепенно, можно выдержать из них добрых гончих и для подобной местности.

Если же охотник желает пеших гончих, то я рекомендую русских пеших или их помесь с костромскими, а курляндские и тяжелые польские далеко хуже. Мне часто приходится охотиться в очень гористой и овражистой местности (конечно, насколько это возможно в Тверской губернии), известной под названием "Ямских

гор", и я там охотился всего удачнее, когда имел чистокровных русских пеших гончих. Имея помесь русских пеших с костромскими, для гористой местности, следует придерживаться пешего типа.

В заключение я опять повторяю, что не выдаю написанное за правила, которым можно постоянно следовать, это - не больше, как мои личные наблюдения. Может быть, те гончие, которых мне приходилось испытывать, отличались какими-нибудь индивидуальными особенностями, незамеченными мной, и я мог отозваться ошибочно о целой породе относительно ее непригодности в какой-нибудь из описанных местностей. Кроме того, способы охоты с гончими так разнообразны, что общих правил относительно той паратости, которой должны обладать ружейные гончие в известной местности, определить с точностью невозможно. Я писал о таких гончих, с которыми можно охотиться удачнее, т.е. убить больше, но иные охотники любят только восхищаться необыкновенной быстротой своих гончих или их умом, для чего беспрестанно вызывают их из острова и заставляют искать, как легавых. "На вкус и цвет товарищей нет", и, вероятно, эти охотники будут настолько благоразумны, что не последуют моим советам, если не переменят своего "вкуса".

***

Не каждый охотник настолько счастлив, что может завести и держать стаю. Многим не дозволяют этого денежные средства, другим - место жительства или служебные обязанности, заставляющие их часто переезжать места на место, что, конечно, отнимает всякую возможность иметь стаю и содержать ее в должном порядке, и ее содержание по всем правилам требует непременно оседлости и постоянного присмотра, который немыслим при частых переездах.

Однако, все эти неудобства не отнимают возможности охотиться, конечно, в более скромных размерах именно с одиночкой, которую можно и удобно содержат всюду, и перевозить куда угодно, все равно, как содержат везде и перевозят легавых.

Без сомнения, все это возможно только тем охотникам, которые в самом деле любят гончих и знают их, а не тем, которые привыкли видеть в гончей полудикого зверя, с одними зверскими наклонностями, зверя, с которым можно справляться не иначе, как с увесистым арапником в руке. Увы! таких немвродов с первобытными понятиями много...

Гончая так же понятлива, как самая лучшая легавая, конечно, воспитанная как следует, незабитая и породистая. Правда, бывают гончие очень злые, но таковы обыкновенно нечистопородны или английской породы, из которой выдается много злых на людей собак; но те именно породы, из которых выходят лучшие одиночки, отличаются добродушием в отношениях к людям, так что неспособны быть хорошими сторожами. Наконец, ружейные охотники не затрудняются держать сплошь и рядом страшно злобных легавых.

Если взять породистого гончего щенка и воспитать его так, как хорошие охотники воспитывают легавых, из него выходит собака такая же послушная, понятливая и умная, такая же чистоплотная в комнате, как благовоспитанная легавая. Всей собачьей премудрости, именуемой "комнатной дрессировкой", во всех ее видах, гончий выучивается легко. Конечно, настоящий охотник не станет

учить гончего поноске и тому подобным действиям, несвойственным породе и на охоте ничего не приносящем, кроме вреда, но одиночку можно воспитать такой умницей, что охота с ним будет я легка, и добычлива, и приятна. Многому, к чему стаю приучить или очень трудно, или невозможно, одиночка выучивается легко. Так, например, у меня были одиночки, никогда не рвавшие сгоненного зайца и приученные подлаивать над ним или над мертвой лисицей, так что охотник легко находил убитого зверя. На охоте в поле одиночку можно приучить забегать с противоположной стороны кустов и, таким образом, нередко приходится убивать русаков, выскакивающих навстречу к охотнику. Был у меня выжлец одиночка, польской паратой породы, гонявший чрезвычайно вязко, но если он долго не слыхал моего выстрела, то маршем задавал большой круг, чтобы осведомиться, не ушел ли я, а потом опять подхватывал брошенный след, но всегда уже несколько впереди того места, где бросал, вероятно, чтобы наверстать потерянное время. У одного безрукого пастуха (у него не действовала левая рука, что не мешало ему хорошо стрелять) был очень крупный багряный выжлец, который отлично исполнял должность пастушьей собаки, загоняя овец и телят в стадо отличным заливным голосом и никогда их не трогал. Он был приучен хозяином сторожить и пастуший кошель, и я много раз видал, как "Дунай" лежал по нескольку часов сряду один возле берестового кошеля с хлебом. Сам он никогда не уходил в лес, чужой охотник никогда не мог его соблазнить и увести на охоту, но надо было видеть его радость, когда сам безрукий пастух Виссарион брал свою одностволку и говорил ему: "На охоту! Пошел гонять!.." И "Дунай" гонял лисиц и зайцев густым заливным басом так вязко, как давай Бог гонять всякой отличной гончей. После всякого убитого зверя он подходил к охотнику и если тот не послал его снова, то чинно, как легавая, шел сзади. Пастуху я и один мой знакомый несколько раз предлагали очень хорошие деньги за его "Дуная", но он не решался его продать. Каждую осень, кроме зайцев, он из-под "Дуная" убивал штук пять-шесть лисиц, что составляло значительное прибавление к тощему пастушьем жалованью.

Нередко и стаи приучают ходить без смычков; что же касается одиночек, то их можно легко так выдерживать, что ни ошейника, ни своры никогда не понадобится.

Я знаю, что те молодые охотники, которые вздумают прочесть мои записки, будут задаваться вопросом: как надо выдерживать и дрессировать гончую, чтобы получить собаку, подобную описанным?

Лично я держусь того мнения, что написать точное и подробное руководство к дрессировке какой бы то ни было породы собак нельзя; каждая собака имеет непременно индивидуальные черты характера и, если дрессировщик неопытен или горяч, и не поймет, или будет игнорировать эти особенности, будет держаться с каждой собакой какого-нибудь известного рутинного метода, или постоянно будет применять тот, который ему удавался с собаками другого характера, - толку никогда выйти не может.

Берясь за воспитание собаки какой бы то ни было породы, надо быть достаточно подготовленным, т.е. изучить вообще собак и знать их главные характеристичные оттенки. Знаток дрессировщик, которому приходилось иметь дело не с одним десятком разных собак, почти с первого взгляда на молодую

собаку узнает ее характер в главных чертах, знает, как надо будет с ней обращаться - со строгостью или с лаской. Но если берется за воспитание человек неопытный, - толку выходит мало, за редкими исключениями, чему доказательством служит тот факт, что хорошо дрессированных легавых встречается вообще очень мало, тогда как баловниц очень породистых (что указывает на неумелую дрессировку) можно видеть на каждом шагу. Неумелому дрессировщику не помогают никакие самые подробнейшие руководства, мало принесет пользы и старание: он всегда впадает в крайность и обращается или чересчур строго, или так слащаво, что при виде этого сахарного обращения становится тошно.

Дрессируя легавую, пожалуй, можно следовать какому-нибудь подробному руководству, в особенности такому, которое создает не умных и понятливых легавых "товарищей" охотника, а автоматов, не имеющих ничего собачьего, кроме наружного вида да чутья. Но ведь с такими "машинками" настоящий охотник не любит охотиться, а что касается гончей для одиночной охоты, то можно дать лишь общий совет: побольше ею заниматься, не портя ее природных качеств.

ГЛАВА IV

Какие качества требуются от ружейных гончих и разница ружейной стаи от стай при других охотах - Как нахаживать ружейных гончих; смычки, свора, рог - Псарня и содержание гончих

"...Упорно мчась по своему пути, обезумевши от охоты, догоняя в одиночестве волка по утру, не бросая зверя, даже падая, и вот так весь день несясь по запрудам, чащам с черными колючками, не беспокоя своего хозяина. .."

Le conite Couteleuix de Canteleu

"...Дрессировка гончих собак может быть только инстинктивной..."

De la Blanchere

Мне не раз приходилось говорить, как превратны понятия большинства ружейных охотников об охоте с гончими. Теперь, когда приходится говорить о тех качествах, которыми должны обладать настоящие ружейные гончие, необходимо вернуться к тому же. Сам я начал заводить гончих и охотиться с ними совсем не так, как следовало, и много наделал непоправимых ошибок, много перевел по незнанию таких гончих, считая их негодными, с которыми не расстался бы теперь, за которых бы теперь заплатил втридорога.

Если бы молодой охотник, заводя гончих, добивался истины одним личным опытом, собственным охотничьим чутьем, которое у охотников по призванию является очень скоро, то, я думаю, он меньше бы сбивался на ложные пути. Но в том-то и беда, что молодой и, так сказать, безчутый охотник всегда прислушивается ко всему, что касается охоты, следует без разбора всем советам, верует как в оракула во всякого, называющего себя охотником, пока не начнет подозрительно относиться ко всяким "советам" и "поучениям" и ко всякому мужу, именующему себя "охотником" и, что опаснее всего, "старинным".

Ружейная охота с гончими имеет ту выгоду, что он применима во всякой местности; в таких трущобах, где верховому пробраться невозможно, где поэтому

стая с доезжачим работать не может, ружейные гончие должны гонять так же хорошо, как и во всяком другом месте. Поэтому первым и самым необходимым качеством ружейных гончих должна быть вязкость, и вязкость без подзадоривания; они должны работать одни, не слыша и не видя человека, гнать поднятого зверя до тех пор, когда уложит его выстрел охотника или он сдастся и попадет в зубы. Только тогда, когда зверь пошел прямиком, не дает круга, хотя бы и огромного - в несколько верст, гончие должны бросить след и вернуться. Хорошая стая при псовой охоте должна только выставить зверя в поле. Я видал таких гончих, которые сами возвращались в остров, а от ружейных гончих требуется совершенно иное: их ничего не должно задерживать, - ни поле, ни неудачный выстрел охотника, - они должны гнать и гнать. Относительно вязкости ружейные гончие должны скорее сравниваться с парфорсными гончими; поставленный мной эпиграф и относится к французской парфорсной охоте, но как нельзя лучше определяет необходимое качество ружейных гончих.

Однако, в парфорсной охоте, в особенности по английской системе, хотя и требуется вязкость, но не такая, какая нужна ружейным гончим; пикерская езда с настоящей ружейной стаей не должна быть допускаема именно потому, что ружейные гончие нередко бывают принуждены работать в таких обширных трущобах, где всадник не может сделать ни шагу, те собаки, которые привыкли к порсканью и некоторой помощи на сколе, всегда уже хуже работают одни, делаются невязки, плохо разыскивая стерянный след, и нередко повесничают, начиная гнать вразброд. Только та стая, которая постоянно работает самостоятельно, которая нахожена пешим ружейным охотником, обладает самостоятельной вязкостью и тем широким круговым поиском врассыпную, который необходим для скорой стечки в тех местах, где зверь редок и где порсканье пешего охотника мало помогает в этом отношении, служа единственно сигналом для гончих, обозначая им направление, которого держится охотник. Сообразуясь с этим направлением, подвигается, широко рассыпавшись, и вся стая, пока какая-нибудь из гончих поднимет и погонит зверя; на голос поднявшей живо сваливается вся стая, а охотник умолкает; стая работает уже одна, пока зверь будет убит, сгонен или уйдет прямиком за несколько верст. Если стая снесется, гончие рассыпаются на постоянно расширяющихся кругах, быстро находят стерянный след, и гон возобновляется.

В манере ходьбы многих ружейных охотников проглядывает подражание езде доезжачих. Так, некоторые охотники, лишь скололись гончие, подают им голос, ободряя их, но при настоящей ружейной охоте этого не должно допускать: настоящая ружейная стая только сбивается с толку этими возгласами: она настолько самостоятельна, что не требует никаких ободрений.

Крикнуть и поджечь ружейных гончих можно только в том случае, если зверь вскочил на виду у охотника или гонный прошел в виду: тут следует сначала назвать гончих, для чего кричат "Ах тя! ах тя!" или "Ата-та! ата-та!" или "Аля-ля! аля-ля", как кому удобнее произносить и к которому крику приучены гончие, повторяя этот крик возможно горячее и забористее, а когда гончие подвалят, их следует насадить на след и, когда они его прихватят, поджечь сильным забористым криком.

Но и поджигать гончих только можно, а не должно, ибо хороших ружейных гончих достаточно насадить и онb погонят без всякого поджигания так жарко, что лучше не требуется. Вообще всякий лишний шум, а в особенности крик, на охоте с хорошей стаей безусловно вреден, ибо вся охота основывается на том, что зверь задает круги, кружится на известном пространстве, а шум или крик часто так пугают зверя, в особенности волка или лисицу, что он сразу катает напрямик, уводя гончих со слуха охотника. Только при нахаживании молодых гончих ободрить их криком иногда бывает необходимо, и именно по красному зверю, особенно по волку, которого молодые гончие иногда побаиваются и начинают гнать нерешительно и робко; тут следует вовремя поддать жару. То же следует сказать и в том случае, когда смученный красный зверь начинает сдаваться, когда дело скоро дойдет до зубной расправы; если только охотник случится недалеко, о чем он должен стараться, когда в стае есть молодежь, то он должен горячо элулюкать; слыша его голос, молодежь храбрее и горячее гонит смученного зверя и дружно, кучей, наваливается на него. Такие ободряющие уроки необходимы только с молодыми собаками, а потом они также делаются лишними.

Из того, что главным качеством ружейных гончих должна быть вязкость, вытекают и все остальные особенности их нахаживания. Так, позывистость ружейных гончих существенным образом отличается от позывистости гончих при псовой охоте; последних нередко останавливают во время горячего гона и развивают в них послушание настолько, что они бросают сами гон и вытекают при виде доезжачего, что не может не притуплять вязкости. Ружейный охотник уже тем отличается, что по большей части охотится пешком, поставлен в невозможность заставить гончих бросать гон, для чего необходимо их сбивать; но хороший охотник и не требует от своих гончих таких противоестественных фокусов, он их приучает вытекать только тогда, когда они скололись и долго не разыскивают или вообще не гонят, а с гону ружейный охотник, дорожащий качествами своих гончих, вызывать их не будет и предпочтет запоздать и хватить ночки в лесу, чтобы дождаться собак. Чтобы не приходилось запаздывать, настоящий охотник отправляется на охоту всегда с утра и смыкает гончих еще засветло. Можно приучать гончих слушаться слова "стоять!" и, перевидав их, остановить на гону; но, говоря откровенно, я противник и этого, потому что остановка на гону не может не вредить вязкости: ружейные гончие должны быть послушны дома, на переходах, сомкнутые и в напуску, когда не гонят, а подняв зверя, сами должны одичать, только такие гончие будут настоящими ружейными.

Бесспорно, что и ружейных гончих можно сделать очень позывистыми, но, кроме того, что это вредит вязкости, такая позывистость достигается с ружейными гончими большим трудом и нимало не помогает охоте, разве лишь делает ее несколько приятнее для охотников-лентяев, которые не успеют бросить гончих, как скучают и торопятся домой.

Что необходимо в ружейных гончих - это "назывистость". Как бы горячо ни гнали они, но, слыша называнье на горячий, гончие должны бросать гон и во все ноги спешить на голос охотника. Достигается это легко тем, что гончих никогда не обманывают и всегда называют действительно на горячий след, так что, заслышав знакомый азартный крик, они бросаются на это во всякое время. Удобно это в том

отношении, что если, например, гончие гоняют по зайцу, а охотник перевидит шумовую лисицу, то он легко может насадить на нее своих собак. Вольная часть ружейных гончих бывает неназывиста, и именно потому, что охотники злоупотребляют называньем на горячий и, соскучившись дожидаться гончих, начинают их называть, но вместо горячего следа они попадают на смычки. Если так обманывают гончих, то они совсем перестают идти на условный крик.

Некоторые ружейные охотники приучают гончих к выстрелу и хвастаются тем, что их гончие с гону бросаются на выстрел; кажется, не стоит и говорить, что это безусловно вредит охоте. С такими гончими только и можно стрелять гонного зверя, а нечего думать о шумовом или тетеревах, ибо после каждого выстрела гон прекращается и стая является к охотнику; мало того, раздайся где-нибудь выстрел чужого охотника, стая, бросив гон, из-под которого вы должны были сейчас стрелять, уходит на выстрел. Все ружейные гончие "любят" выстрел и, если не гонят, валятся на него; для охоты этого достаточно, - большего не требуется.

Я уже говорил, что часто приходится слышать, что стая не может гонять дружно без доезжачего. Мнение это высказывается не только псовыми охотниками, но нередко я ружейными, которые высказывают не свое мнение, а заимствованное у псовых. Гончие по природе - стайные собаки, как некоторые их дикие сородичи, охотящиеся всегда стаями; поэтому, если человек не мешает им искусственно охотиться дружно, т.е. не ладит стаю из таких, которые не имеют физической возможности гонять вместе, и вообще поступает сообразно правилам, изложенным в предыдущей главе, то и нет никакой причины к тому, чтобы стая без доезжачего не работала так же дружно. Без сомнения, сладить образцовую ружейную стаю труднее, чем стаю для псовой охоты; последняя постоянно работает под надзором доезжачего; над непослушной гончей как раз свистнет арапник выжлятника, наконец, постоянное ободряющее порсканье и поджигающий крик во время гона делают и невязких от природы гончих удовлетворительными. Псовые охотники придают слишком много значения некоторым приемам в выдержке гончих, приписывая стайный гон этим приемам; например, скучивание гончих по команде: "в стаю!", которому, главным образом, и приписывается стайный гон; на самом деле это ничего не значит; скучивание гончих по команде удобно на переходах и при вызове, но, раз гончие разомкнуты, брошены и погнали, наука оказывается мало действительной, гораздо более значит своевременно влепленный арапник. В доказательство приведу то, что я стаях с доезжачими и выжлятниками переких гончих выдается никак не меньше, чем в ружейных; да, наконец, разве нельзя приучить разнопородных гончих собираться в кучу по команде; между тем, те же собаки в острове погонят никак не стаей, а каждая сама по себя и никакие выжлятники не заставят их гнать дружно; вызванные же, они опять скучатся по команде: "в стаи!"

Мнение псовых охотников о том, что стая без доезжачего не может работать дружно, проистекает из того, что стая, приезженная доезжачим, без него в самом деле гоняет обыкновенно плохо: не слыша его голоса, она начинает повесничать, гонять вразброд и часто делается невязкой. Есть много гончих, превосходных для псовой охоты и негодных для ружейной именно потому, что они потеряли ту самостоятельность, которая необходима для последней. Есть целые породы,

которые именно поэтому не годятся для ружейной охоты, - они только вязки, когда за ними есть люди: такова большая часть английских гончих, таково большинство гончих в наших теперешних псовых охотах; я думаю, что необыкновенная способность английских гончих к дрессировке, которая в них легко пересиливает страсть к охоте, и была главной причиной того, что они окончательно вытесняют отовсюду наши русские породы, которые в этом отношении несравненно грубее к требуют при наездке гораздо больше хлопот. Хозяева охот, как принято нами, русскими, увлекаются иностранным и заводят английских гончих, а ленивым псарям это "на руку", - меньше заботы при наездке.

Говоря, что при ружейной стае не должно быть доезжачего, я подразумеваю такого, какой должен быть при псовой или парфорсной стае, и езду, какая при этом требуется. Если местность, в которой производится охота, дозволяет верховую езду, то не только не лишне, но и весьма полезно иметь верхового, но его езда не должна быть совершенно особенной от езды доезжачих: вся его обязанность заключается в том, чтобы во время гона следить за гончими, конечно, совершенно молча. Особенно хорошо иметь верхового в местностях, где много красного зверя, где часто приходится принимать из-под гончих, а если стая не велика, то не мешает всегда быть готовым на случай схватки с волками. Как я буду говорить при описании верховой охоты, всего удобнее быть верхом самому охотнику, но на это не все способны, ибо тут необходима привычка к езде и стрельбе с лошади, на что решится не каждый ружейный охотник; многим приходится нанимать особого человека на эту должность. Я посоветую ружейным охотникам осторожнее нанимать людей из псовых охот, ибо они там привыкают слишком драть глотку, что на охоте ружейной только мешает и портит собак. Кстати о наемных охотниках. "Егерей" par profession найти нелегко, - их слишком мало, а надежных, которым бы можно было поручить собак, еще меньше, и таким приходится платить дорого, что большинству охотников не по средствам. Лучше всего нанимать для этого парнишек лет восемнадцати-двадцати, выбирая тех, которые любят собак и охотники в душе, что не особенная редкость. Если заняться основательно таким молодцом, то в несколько месяцев они выучиваются главным правилам содержания собак, а под толковым руководством дельного охотника делаются хорошими стрелками и охотниками. Главное же преимущество заключается в том, что такой охотник гораздо послушнее настоящего, бывалого "егеря" и во всем, что касается охоты, перенимает своего учителя, - одним словом, он гораздо надежнее и приятнее на охоте, чем егерь по ремеслу.

Гнать зверя по следу голосом есть врожденная и наследственная способность одних только гончих, приучать их к этому не надо: они сами понимают свое дело, и охотник со своей стороны должен только доставить молодым собакам удобный случай проявить свои врожденные способности и качества и способствовать зависящими от него средствами их сильнейшему развитию. Скоро или нескоро примутся молодые гончие, - это зависит от умения охотника или от случая, но то, как они гонят, вязки ли, проносливы или верны, каковы у них голоса и чутье, - зависит от породы и воспитания, но не от приучения, не от нахаживания или наездки; этих качеств не навяжешь тем гончим, которые не имеют их в крови или исковерканы плохим воспитанием. Злоба гончих - тоже врожденное качество и это

качество охотник может только развить, но привить тем собакам, которые его не имеют, не в нашей власти, и те, кто говорит, что гончих, которые гонят только по зайцам и боятся волчьего следа, можно приучить гонять и брать волка, - не понимающие фантазеры.

Нахаживание молодых гончих производится ружейными охотниками не в одно и то же время года; некоторые признают для этого лучшим временем первозимье, с мелкими теплыми порошами, другие - позднюю осень, когда зайцы подцветут, а лист осыплется и гончим часто приходится гонять по зрячему; третьи нахаживают в июле и августе и, наконец, четвертые - ранней весной, когда лес пообсохнет.

Нахаживание по порошам, несмотря на то, что практикуется многими, не выдерживает критики и вредно отзывается на гончих, хотя и не портит их окончательно. Защитники этого способа мотивируют его тем, что молодая гончая скорее начинает понимать след, когда он виден глазами, и охотник, сойдя зайца, насаживает молодежь сразу на взбудный след. И то и другое справедливо, но дело в том, что молодая гончая по порошам привыкает руководиться не столько чутьем, сколько прихватывать "на глазок", и нередко гоняет голосом по жировкам, или старым, вчерашним следам. Бывают и исключения, в особенности между гончими редкоскалыми, вернее - "скупыми на голос", но такие по порошам частенько впадают в другую крайность и гонят совсем молчком, подавая голос только по зрячему. Кроме того, как известно всем охотникам, пороши - вещь очень ненадежная: иногда они хороши, а иной год нет ни одной сносной; бывает, что сразу навалит много снегу, хватит дождь, а потом мороз, сделается корка, по которой не только молодые, но я старые, испытанные и обтерпевшиеся гончие не могут гонять, и охотник, дожидавшийся снегу, остается с носом.

Иногда пороши бывают плохи и по другой причине: снег выпадает хотя и понемногу, но при сильных морозах, а потому мелкий и сухой, что неудобно для неокрепшего еще чутья молодых собак; кроме того, в такие пороши зверь очень сторожек, не допускает близко, не вертится на коротких кругах, а, раз взбуженный, катит напрямик, задавая, обыкновенно полями, громадные круги в несколько верст; так что молодые гончие не выдерживают и одного круга, что не может не отозваться дурно на их вязкости.

Удобной для нахаживания порошей должна считаться теплая, даже с оттепелью, но без капели в лесу, чтобы снег лежал ровно, не более, как на четверть, а лучше вершка на два, и погода была бы тихая. Таких порош вообще выдается немного, а чтобы толком наладить молодых гончих, их требуется несколько, через короткие промежутки времени. Поэтому весьма понятно, что охотники нахаживают гончих по порошам больше на словах, чем на самом деле, или ходят в неудобную погоду и портят собак, приучая их гонять в пяту, тявкать на жирах, или в метель и ветер их теряют и отдают на съедение волкам. Кроме того, белая тропа не способствует стайному гону; многие, дружные по чернотропу стаи, по снегу гонят вразброд, так что и в этом отношении нахаживание по порошам нельзя признать рациональным. Наконец, если даже и удается наладить молодых по снегу, то по черной тропе приходится начинать сызнова, ибо без снега зимние ученики оказываются неучами.

Нахаживание по чернотропу во всяком случае лучше, независимо от того, когда оно производится. Если гончие породисты, то при некоторой сноровке охотника, о чем я скажу в своем месте, нахаживание может производиться безразлично весной, летом и осенью, и нисколько не отзовется на полевых качествах гончих. Однако, нельзя не отдать предпочтение ранней весне, на том основании, что в это время молодые гончие в настоящем возрасте и в хорошем теле после зимней мясной пищи, а у охотника время свободное, - охоты серьезной нет никакой, ибо тяга вальдшнепов и глухариное пение занимает только несколько вечерних и утренних часов. К тому же в конце апреля и в мае погода стоит самая благоприятная, выдаются часто такие серенькие, тихие и свежие деньки, которые, кажется, Богом созданы для нахаживания или наездки гончей молодежи. Весеннее нахаживание имеет еще и ту неоспоримую выгоду, что принявшиеся весной молодые гончие, если им не давать залеживаться летом и часто прохаживать по вечерним холодкам для наганивания, т.е. для практики, к осени вполне готовы для настоящей охоты: ноги их настолько окрепнут, что они мало уступят в выносливости гончим нескольких осеней и будут свальчивы и дружны на гону, так как за лето им достаточно было практики.

Ни летнее, ни осеннее нахаживание не представляют всех этих выгод: летом стоят жары, которые препятствует хорошему гону; по ночам выпадают обильные росы, которые, при высокой и густой траве и многих пахучих цветах, отбивают у гончих чутье. Поэтому летнее нахаживание должно производиться или в чистых строевых рощах, где травы мало, или по высоким пустырям, поросшим мелким парусником или частым пустырным ельником. Кроме этих неудобств, есть еще два, не лишенные важности: у охотника летом время несвободно, так как июль и август лучшие месяцы для охоты с легавой, если же он еще и сельский хозяин, то в эти два месяца ему хлопот достаточно и без гончих, - и покос, и жатва, и пашня, и сев; иной не особенно завзятый охотник, пожалуй, и гончих забудет в это горячее время.

Поздней осенью погода для нахаживания, без сомнения, превосходна: редкий день нельзя быть в поле, разве установятся забойные дожди или крепкие морозы, сковывающие землю и препятствующие хорошему гону еще неокрепшей ногами и чутьем молодежи; но и кроме таких неудобных дней, любая осень доставляет много хороших погод, которые зачастую продолжаются по целым неделям, и нахаживание в этом отношении не встречает препятствий. Но дело в том, что редкий охотник пожертвует этим золотым времечком для такой скучной канители, как нахаживание. Принявшись за это дело, надо непременно добиваться, чтобы молодежь принялась, а это не всегда удается сразу, да и принявшиеся гончие еще не скоро делаются пригодными для настоящей охоты, осень проходит не в серьезных отъездах, а в скучном бродяжничестве около дома, и охотник не столько охотится, сколько должен наблюдать и заботиться о молодых гончих.

Иногда и необходимость заставляет нахаживать осенью. Это бывает, когда молодые гончие - осенние щенки, и им минет год осенью; но и в таком случае можно ограничиться несколькими полями, чтобы собаки принялись, а настоящее нахаживание отложить до весны, россказням о том, будто молодые гончие теряют чутье, если "заложат осень", не следует особенно верить; вполне достаточно, если

они будут всегда на чистом воздухе, а у настоящего охотника ни молодые, ни старые гончие никогда не залеживаются, а когда не употребляются на охоте, то ежедневно выпускаются или на обширный выпускной двор, где им достаточно простору, чтобы размяться, или на совершенную свободу. На чистом воздухе собака никогда не залетит чутья, хотя, положим, без охотничьей практики оно и не улучшится, т.е. не разовьется; "залеживаются" же гончие до потери чутья, голосов и до паршей, прибавлю я от себя, только у тех господ, у которых они содержатся постоянно запертыми в душных хлевах, со спертой атмосферой никогда не вычищаемого навоза и прокислого корма в немытых корытах.

Итак, удобнейшее время для нахаживания гончим - весна, в чем со мной, вероятно, согласятся как ружейные гончатники, так и псовые охотники; впрочем, сказ - не указ, и каждый волен нахаживать своих гончих хоть в весеннее половодье, хоть по мартовским голым настам. До последнего времени есть охотники, которые нарочно дожидаются настов, чтобы вести в лес молодых гончих. Эти оригиналы будут уверять неверующего в рациональность их способа, что их гончие, принявшись по голым настам, когда и опытная гончая гонит плохо, потом, в удобное время, будут особенно хороши; но эти господа начинают с конца: обыкновенно охотники стараются, чтобы гончая прежде всего принялась, т.е. погнала бы, для чего берут ее в первый раз в самое удобное для гона время, и уже потом постоянной практикой стараются развить ее чутье; они же совершение наоборот - сразу требуют от своих собак отличного чутья, совершенно окрепшего.

Нахаживание ружейных гончих следует разделить на две категории: на нахаживание одних молодых, без помощи старых, и на нахаживание со старыми, первое, конечно, труднее и требует от охотника больше уменья, а между тем именно такое нахаживание обыкновенно выпадает на долю еще неопытных охотников, которые, задумав обзавестись гончими и раздобывшись щенками, поставлены в необходимость пускать их в дело одних, т.к. это первые гончие, которых они имеют.

Мне уже пришлось говорить, что раньше годовалого возраста гончих на настоящую охоту употреблять не следует, ибо они еще не сформировались окончательно, но гнать породистые гончие начинают часто гораздо ранее. Я видал, как пятимесячные щенки гнали следом. Увлекаться тем, что щенок гонит, не следует, а этим увлекаются многие и портят собак; как я уже говорил, они приобретают дурные привычки, теряют голоса и чутье, разбиваются ногами и нередко, через силу обазартившись, вовсе перестают гонять, теряют необходимую энергию и в зрелом возрасте становятся апатичными, ни на что не годными тупицами.

Но для того, чтобы не было недоразумения и чтобы меня не обвинили в рутинизме, я должен оговориться: годовалый возраст есть только приблизительное определение возмужалости гончей, т.е. время, когда она вполне сложилась, а т.к. гончих пород много и каждая имеет свои особые качества, то и общего годного безошибочно для всех пород правила относительно времени начала охоты быть не может. Что не подлежит сомнению - это то, что пешие гончие формируются ранее, а паратые позднее, и, сообразно с этим, первые могут нахаживаться месяцами двумя-тремя ранее последних, а промежуточные градации между самыми пешими

и самыми паратыми не могут быть подведены ни под какие положительные правила, и вообще в этом деле надо держаться того, что позднее начало охоты лучше раннего, и, если дорожить гончими, лучше опоздать несколькими месяцами, чем уранить несколькими неделями.

Прежде чем начать говорить собственно о нахаживании, необходимо перечислить те немногие вещи, или принадлежности, которые употребляются при охоте с гончими.

Чтобы легче было справляться с гончими на переходах, чтобы до известной степени препятствовать их произвольным движениям, их "смыкают" попарно. "Смычком" навиваются два ошейника, соединенные короткой цепью, которая обыкновенно делается из трех звеньев; среднее на них - круглое кольцо, а боковые - овальные или свернуты посредине барашком; к этим последним прикрепляются ошейники отдельными, продетыми в овальные звенья колечками. Ошейники делаются двояким образом: растяжные, без пряжек, и простые, застегивающиеся обыкновенными пряжками. В первом случае к обоим краям ремня ошейника пришиваются отдельные колечки, продетые в овальное звено смыкающей цепи, так что, разводя их в разные стороны, по длине овального звена, расширяешь ошейник, и он надевается на гончую с головы и суживается на шее, т.к. колечки соединяются сами от натягивания ошейника гончей. Такие смычки неудобны: в них гончие легко привыкают вывертываться и размыкаются сами при всяком удобном случае. Несравненно удобнее смычки с ошейниками, застегивающимися обыкновенными пряжками; их можно плотно застегнуть на шеях гончих, так что никакая повеса не сможет высвободиться.

Продающиеся в магазинах смычки обыкновенно делаются из жесткой кожи (юфти), а потому непрочны; лучше делать ошейники сыромятные, пропитывая их салом или дегтем, - такие служат дольше. Кроме того, у имеющихся в продаже готовых смычков смыкающие цепи часто слишком коротки и недостаточно прочны, так что на крупных и сильных гончих они негодны. Смыкающая цепь должна делаться по росту гончих: чем они больше, тем и цепь должна быть длиннее. Сомкнутые гончие должны идти близко рядом, почти бок о бок, но не теснить друг друга; если цепь коротка и собаки теснятся, то они скорее устают, а злобные могут начать грызться.

Гончие при псовых охотах приучаются ходить сомкнутыми без своры; сомкнутая стая идет за доезжачим, а отбившийся смычок наказывается выжлятником при возгласе: "в стаю!". Ружейные гончие могут быть нахожены так же, но так как при ружейной стае не всегда есть верховой, то и контроль над поведением сомкнутых гончих не всегда удобен, и нашему охотнику не так легко привести в повиновение сорвавшийся смычок; поэтому гораздо удобнее водить ружейных гончих на своре, тем более, что и стаи эти обыкновенно малочисленное стай при псовых охотах.

Некоторые ружейные охотники употребляют простую длинную свору, на которую нанизывают смычки, продевая ее в их круглые средние кольца. Если смычков мало, один или два, то и такая свора удовлетворительна, но если смычков больше, то она неминуемо путается, а если гончие тянут, то сбиваются в плотную кучу, нажимая друг на друга; к тому же гончие не борзые, их не надо сбрасывать

быстро, - смычки с них снимаются и остаются у охотника. Принимая все это во внимание, придумана особая специальная свора. Делается она и ременная и пеньковая, просаленная или пропитанная чистым дегтем. Вьется эта свора довольно толстой, приблизительно как ружейный калибр N 16, длиной аршина два с половиной или немного длиннее. В оба конца этой своры вшивается или вплетается по железному кольцу, к которым привязываются поводки, тонкие и крепкие, количество которых равно количеству смычков: каждый поводок наглухо привязывается (всего лучше петлей) к круглому кольцу одного смычка, так что снятые с гончих смычки все остается на своре и не могут потеряться, что нередко случается при употреблении обыкновенной своры. Поводки делаются не длиннее аршина. К каждому кольцу толстой своры или "жгута" можно привязать по три поводка, что составит по три смычка на каждый край, и один человек, таким образом, легко ведет шесть смычков, которые при такой своре не путаются и не жмутся. Если гончие крупные и сильные да с лежки, то их бывает довольно трудно сдерживать человеку: когда на переходе им случится зачуять горячий след, несмотря на толщину жгута, он режет руку, которая может онеметь и невольно выпустить гончих. Во избежание таких казусов середину жгута плотно обматывают чем-нибудь мягким или на том же месте привязывают короткую палку, за которую держать ловчее. Как я говорил, свора делается или ременная, или пеньковая; первая, конечно, наряднее, но тяжелее и жестче второй, которая мягка и легка и так же прочна как и первая, и, кроме того, несравненно дешевле ременной.

Подготовительная дрессировка гончих должна производиться еще за несколько месяцев до начала наездки, лучше всего с 6-7-ми месячного возраста. То, что от них требуется, они выучивает скоро, но заблаговременное ученье имеет ту выгоду, что есть достаточно времени для повторения уроков, и к началу охоты молодые гончие бывают достаточно подготовлены, а это избавляет от лишних хлопот на охоте.

Первое, чему надо учить молодых ружейных гончих - это возможно большему послушанию к слову "отрыщь", или "отрышь", как оно обыкновенно произносится. При этом окрике они должны не только не трогать готового корма, но и бросать его, как бы голодны ни были, как бы жадно его ни уписывали. Учат этому гончих совершенно так же, как легавых известному "тубо" и "пиль", т.е. над кормом и непременно голодных. Сначала не дают им приниматься, приговаривая "отрышь", и выдерживают порядочно долгое время, отстраняя непослушных рукой, а если гончие звероваты и огрызаются, то ударом арапника или прута; пуская к корму, приговаривают: "дбруц" или просто "ешь", или давая им это понять условным посвистыванием. Когда гончие достаточно это затвердили и смирно дожидаются сколько угодно времени позволения приняться за корм, позволяют человеку отойти от корыта и не едят без его разрешения, можно начать приучать бросать корм при том же окрике. Дав гончим приняться за корм, им говорят "отрышь" и заставляют оставить корм. Тут редко можно обойтись без арапника, но после нескольких строгих уроков гончие бросают корм по команде. Принявшись за ученье, необходимо повторять его при каждой кормежке до тех пор, пока собаки будут, что называется, шелковые. Следует приказывать бросать корм издали и требовать немедленного исполнения.

Молодых гончих следует заблаговременно приучать к ошейникам и смычкам, в особенности если старых привычных нет и молодых приходится одних нахаживать. Приученье к ошейникам требует особой внимательности и, конечно, уменья; можно с первого раза так застращать молодую гончую, что потом с ней будет постоянное мученье; нет ничего несноснее, как если гончие плохо ходят на смычках, тянутся в стороны, рвутся или упираются; кроме того, бывают гончие, так застращенные смычками, что при виде их прячутся и не даются в руки. Раз я получил в подарок польского выжлеца, который при виде ошейника приходил в бешенство и бросался кусаться; конечно, это происходило от неумелого и жестокого ученья.

Если молодые гончие не запуганы дурным воспитанием, если они любят человека, который за ними ходит, то приучить их к ошейникам нетрудно. Сначала на них надевает легкие ошейники, в которых они ходят дня два или три, чтобы привыкнуть, потом легкий ошейник заменяют широким кожаным и берут гончую на свору, на которой ее и водят, поглаживая и ободряя. Если собака упирается, Боже сохрани, хлыстать ее самому или заставлять гнать арапником другого, - это вернейшее средство испортить гончую. Если ее гонит сзади другой человек, она получает привычку останавливаться и оглядываться назад, если ее стегает тот, кто держит на своре, она или прет постоянно в сторону, или неистово тянется вперед, или упирается, ложится и нейдет окончательно. И при хорошем воспитании выдаются гончие робкие или упрямые, которых ни ласками, ни прикормкой невозможно заставить идти на своре: они или отчаянно рвутся, или ложатся навзничь и вообще безобразничают. Испробовав с таким песиком разные приглашения и угощения прикормкой, от которой эти субъекты чаще отказываются, не следует самому от негодования входить в азарт, - он тут не поможет нисколько, а только повредит, но, без дальнейших рассуждений, заменить свору цепью, на которую и привязать непокорного ученика в какой-нибудь угол, только не там, где он имеет обыкновенно место жительства. Если он рвался на своре, то и на цепи сначала сильно будет безобразить, пока не утомится. На привязи следует выдерживать до тех пор, пока, отвязанный, он не пойдет смирно на цепи, для чего через некоторое время следует пробовать водить буяна; если же он затевает старую историю, то его надо опять привязать и не спускать с цепи, пока он покорится окончательно, что будет непременно. Робкую собаку, ложащуюся на своре, также следует привязать на цепь и оставить в покое. Несколько часов сряду она лежит, не двигаясь, потом начинает скучать, на что нечего обращать внимания; готовность идти на своре можно видеть из того, что она стоя натягивает цепь грудью вперед. Тогда можно ее отвязать и поводить, но не пускать окончательно, пока она совершенно не свыкнется с ходьбой на своре.

Привыкших ходить на своре уже нетрудно заставить ходить сомкнутыми, только надо обращать внимание на то, чтобы смыкать гончих, которые бы не грызлись. Кто растил гончих, тот должен знать и характер каждой из них, а потому, смыкая, должен подбирать в смычки гончих, дружелюбно относящихся друг к другу. Если гончих предполагается водить на своре, то их на ней водят сомкнутыми, заставляя идти по сторонам охотника и впереди его. Когда свору употреблять не желают, то приучают сомкнутых гончих ходить позади охотника,

не отставая и не забегая вперед. Смыкая, а главное, размыкая, надо внятно говорить: "стоять!" - и гончие скоро начинают понимать это слово и останавливаться, слыша его.

Необходимая дрессировка ружейных гончих заканчивается приучением к рогу; как это делается, желающий может прочесть в "Записках псового охотника Симбирской губернии" П.М. Мачеварианова. Кто имеет достаточно свободного времени, может приучить гончих состаиваться, т.е. собираться в кучу по команде: "в стаю!" или "в кучу!" Все это не лишне, хотя и не безусловно необходимо.

До начала полевого нахаживания необходимо молодых гончих приучить к домашнему скоту; впрочем, приучать надо только тех, которые выросли в таких условиях, что сами не могли к нему привыкнуть. Гончие, которые росли в деревне, на свободе, еще щенками привыкают к овцам, свиньям и телятам, а также курам, которых они видят ежедневно; еще щенками их стегали за баловство с курами, а овец такие собаки обыкновенно даже как будто побаиваются, что есть следствие щенячьего страха перед стадом овец. Как бы там ни было, но выросших в деревне, на воле, гончих к овцам приучать бывает незачем. Другое дело с гончими, выросшими не видя домашнего скота, да если они к тому же по породе злобны и смелы, то приучить их заблаговременно, особенно к овцам, необходимо, а то в последствии с ними не будет сладу.

Приучать молодых гончих к домашнему скоту, т.е. к тому, чтобы они относились к нему совершенно равнодушно, есть несколько способов; все они практикуются с одинаковым успехом. Если стая большая, всегда удобнее следовать наставлению П.И. Мачеварианова, изложенному в его "Записках псового охотника Симбирской губернии"; если же гончих два-три смычка, то можно их водить в стадо на своре, сначала поодиночке и приучать так, чтобы гончую можно было среди овец оставлять на свободу; потом водить смычками и, наконец, всех гончих сразу. Бросившуюся за овцами гончую немедленно следует наказать арапником, чтобы сразу внушить ей всю невыгоду такого поступка. Вообще в этом случае следует действовать решительно, ибо если сразу не отучить гонять, то возни с ней потом будет несравненно больше, а удалось ей зарезать овцу или теленка - все дело напорчено: никогда уже гончая не будет надежна и как раз набалует всю стаю. Есть еще способ познакомить гончих с овцами. Он состоит в том, что на том дворе, где держат гончих, делается помещение для овец, отделяющееся от собак решеткой, так что овцы постоянно на виду у собак; но этот способ просто смешон своей непрактичностью: во-первых, он требует особого устройства псарни, а во-вторых, близость овчарни портит гончим чутье, и вообще можно сказать, что приучить гончих к скоту вовсе не так затруднительно, как утверждают некоторые.

***

Воспитание гончих на свободе и для начала с ними охоты имеет большое преимущество перед воспитанием взаперти. Выращенные на воле гончие всегда уже несколько напрактикованы в гоне: то кошка забредет в их соседство и попадется им на глава, не выдержит атаки - и пошла гонка пискливыми щенячьими голосами, пока зверь не "покорится" или не вскочит на дерево. Везде я всегда найдется развеселый легаш или добродушный подворотник, готовый от скуки поиграть с молодежью и, загнувши известным образом, концом вниз, хвост,

носится кругами, и идет гон "по зрячему", пока учитель не умчится из виду или не растянется тут же, ласково воюя с навалившейся молодежью.

Если гончие хорошей породы, т.е. происходят от нескольких поколений хороших полевых собак, и выросли на свободе, то девять раз из десяти они погонят сразу, как попадут на след дикого зверя. Но если гончие воспитывались взаперти, то и хорошие породистые собаки иногда подолгу не принимаются и выводят охотника из терпения своей неразвитостью. Но терять терпение, конечно, не следует, надо доставить случай молодым гончим наткнуться на зверя, дать толчок их неразбуженным способностям, а раз они погнали, раз тявкнули по следу или по зрячему, - дело в шляпе, и что дальше, то будет лучше, а важно начало. Я знаю несколько примеров, что гончие не принимались до двухлетнего возраста, относясь совершенно равнодушно не только к следу, но и к горячему гону своих товарищей, таскались за охотником, - одним словом, ничего как будто не стоили. Случалось, что охотнику надоедало держать такую гончую и он отдавал ее кому-нибудь, конечно, даром, чтобы не вешать, и что же? - браковка принималась, а отдавший ее охотник завидовал новому хозяину.

Без сомнения, перед началом настоящего полевого нахаживания хорошо молодым гончим делать садки, хотя доставать живых зайцев для этой цели большей части ружейных охотников затруднительно. Надо иметь несколько крыл тенет, надо уметь с ними обращаться, нужны загонщики, что в былое время было и удобно и ничего не стоило, теперь же это обходится не дешево, а покупать живых зайцев обыкновенно и негде и дорого. Для садок я иногда употреблял кошек, которых достать гораздо легче, или трусливых дворняжек, выбирая настолько легких, чтобы могли удрать и дело бы не дошло до зубной расправы. Но и кошки и собаки неудобны, потому что гончие привыкают по ним гонять, бывает даже, что предпочитают этого зверя настоящему. Я же лично не люблю каких бы то им было садок, хотя в некоторых случаях и признаю их необходимость; травля какого бы то ни было пойманного зверя - варварство, и устройство садок, ради потехи праздных ротозеев, на что падки некоторые господа, недостойно имени и звания настоящего охотника.

Начало нахаживания молодых гончих состоит в том, что охотник старается навести их на горячий след зайца, а если представляется возможность, то и на самого зайца; как скоро гончие погнали, охотник должен скорее убить зайца и не должен не только брать его, но и подходить к убитому. Гончие, добравшись до зайца, хватают его и рвут; отбивать не следует - пусть съедят, это придаст им более жадности, от этого гон их будет азартнее, а рвать со временем отвыкнут. Бывает, что молодые гончие, добравшись до убитого зайца, не трогает его, а равнодушно отходят. Тут охотник должен подойти, взять зайца за заднюю ногу и начать таскать, подзадоривая гончих, чтобы они принялись за зайца. Если и это не действует, следует разрезать зайца и раздать гончим. Первое поле должно ограничиться одним зайцем. Гончие смыкаются и возвращаются домой. Им дается непременно день, а лучше два или три отдыха, все равно долго или недолго продолжался их первый гон. Кто хорошо стреляет, да ловко придется, то чем убивать первого зайца, еще лучше переломить ему ногу, чтобы молодежь его скоро сгоняла, - в таком случае она еще азартнее примется за следующих.

Если молодые гончие очень жирны, то бывает, что они гонят молчком не только следом, но и по зрячему. Огорчаться этим нечего: надо очистить гончих слабительным, прибавляя в корм постного масла, а лучше сильно разбавляя его сывороткой или простоквашей; гончие сдадут тела и погонят. Приготовляя гончих к нахаживанию, следует за несколько дней перестать им давать мясную пищу, а кормить пустой овсянкой с молоком, прибавляя крошеного печеного ржаного хлеба.

Гончие однопометники, если они породисты, т.е. если и мать и отец их однопородны, сразу гонят кучно и дружно, лишь бы хотя одна из них погнала, а за остальными дело не станет, - они понимают голоса друг друга. На этом основании можно нахаживать молодых гончих несколько иначе, а именно - не всех сразу, а находить сначала одну, а потом подпускать к ней постепенно других. Результат получается один и тот же, но этот способ тем удобен для ружейного охотника, что с малым количеством еще непривычных гончих управляться легче. Первую гончую для нахаживания надо выбирать ту, которая пошустрее и независимее себя держит, т.е. не ходит за охотником, а сразу начинает в лесу бегать туда и сюда, не боится отойти от хозяина. Такая гончая и дома всегда отличается от других: она озарковатее, более склонна к щипанью кур и к воровству и не боится, еще щенком отдаляться от обыкновенного места прогулок своих собратий. Чаще бывает, что такой шустрой оказывается сука; ее и следует начать нахаживать и, как только примется, подпускать другую гончую, а одной долго гонять не давать, ибо одиночный гон может войти в привычку гончей, и потом она будет отдириста.

Начав настоящее нахаживание молодых гончих, следует непременно довести его до конца, т.е. ходить с ними до тех пор, пока они не погонят настоящим образом, но в то же время наблюдать за тем, чтобы их не "затянуть", т.е. слишком их не замучить, не вымотать до изнеможения. Сначала надо ограничиваться в поле одним зайцем и давать отдыхать день или больше; потом брать утреннее или вечернее поле и опять дневать; потом давать гонять целый день, с отдыхом в полдень, потом дневка. Вообще надо втягивать в работу постепенно, наблюдая, чтобы собаки не слишком исхудали. Последующая служба вполне зависит от первоначального нахаживания: большая часть полевых пороков гончие приобретают во время нахаживания и в первую осень настоящей охоты. Хотя бы молодые гончие и были однопометниками и воспитывались вместе, но непременно в них есть некоторые индивидуальные различия; некоторые лучше ели, больше играли и получили поэтому более прочный склад, другие - наоборот. Нахаживая, это надо принимать во внимание: чуть подустала гончая, - ей надо давать отдых, иначе она начнет отставать или ложиться, и как раз из нее может сделаться перечун, пустозвон или ленивая гончая. Захромает ли собака, или занездоровит, - ее надо держать дома, пока совсем не поправится. Хорошее нахаживание и заключается в том, чтобы не только заставить гончих гнать, что с хорошими гончими не хитрая штука, но чтобы выровнять их, так втянуть в гонку, чтобы ни продолжительное преследование на много верст, ни ежедневные продолжительные поля не разъединяли стаю, чтобы в конце осени стая гоняла бы так же дружно и кучно, как только что разомкнутая в начале сентября; только такая стая может по справедливости именоваться образцовой. Все это зависит сколько от породистости,

столько же и от нахаживания или наездки, ибо и породистых гончих можно наездить так плохо, что через час гона стая растянется в линию и собака от собаки будет идти за сотню сажень.

Со старыми гончими нахаживать молодых несравненно легче: молодые, выросшие со старыми, знают их голоса и сразу гонят за ними, сначала бессознательно, потому что гонят старые, но скоро начинают понимать, в чем дело. Одним словом, охотнику нечего особенно заботиться о том, чтобы навести молодых на горячий след, - в этом отношении его сразу лучше заменяют старые гончие.

Старых гончих, с которыми придется нахаживать молодых, надо выбирать особенно тщательно - в гону они должны быть верны, вязки, образцово дружны и свальчивы. Всякий полевой порок какой-нибудь из старых собак может быть перенят молодыми, а потому лучше всего нахаживать их с одной, вполне надежной гончей, лучше сукой, ибо за ней молодые гончие идут гораздо охотнее, и, конечно, всего предпочтительнее матка молодых, но под условием полевой беспорочности. Если надежных и свычных с молодыми гончих несколько, то для первых уроков надо предпочитать ту, которая в одиночку гонит потише, но в стае не отстает: этим всегда отличается осенистые гончие. При такой гончей молодые имеют возможность несколько ее опережать, что позволяет им развивать свое мастерство, и на том же основании - всего хуже нахаживать молодых со стайным вожаком, который привык водить и неохотно дает себя опережать, отчего пойдет не гон, а гонка взапуски; впрочем, последнее относится к горячим паратым гончим, а у пеших вожак более уступчив своим местом.

Старые гончие, предназначаемые для нахаживания молодых, требуют некоторой предварительной подготовки, ибо всякие гончие, взятые в поле после продолжительной лежки, непременно несколько горячатся, гонят паратее и чаще сносятся. Перед тем, как брать молодых, необходимо сначала наладить старых, для чего кормить их пустоваркой и взять с ними одними несколько полей, чтобы они погнали ровно.

Для нахаживания молодых гончих, как одних, так и со старыми, надо выбирать крепкие острова, в которых бы заяц держался крепко и не уводил бы гончих вдаль; на красного зверя, лисицу или волка молодых нахаживать не годится, пока они не поймут, как им следует себя вести, чтобы вернуться к охотнику, если зверь уведет их из слуха. Чтобы не терять гончих, следует их нахаживать в тихую погоду и в хорошо знакомых охотнику местах. Если есть возможность нечаянно наткнуться на лисицу или волка, которые могут увести гончих из слуха, то не мешает охотнику быть верхом самому или иметь готового верхового, который бы не потерял гончих из слуха; сбивать же гончих не следует, пусть гонят, пока сами не бросят, видя, что ушли слишком далеко. Брать их там, где они бросили зверя, не следует; верховой не должен им и показываться, гончие должны вернуться своим следом туда, откуда погнали. Если с молодыми есть старые, то они приведут молодых; если нет, то охотник должен кричать, трубить и, в крайнем случае, стрелять и дать понять гончим, что они должны возвращаться собственным следом; когда же они вернутся, непременно дать прикормки. Давать прикормку надо каждый раз, как смыкаешь гончих по окончании охоты.

Очень зайчистые острова для нахаживания молодых гончих неудобны. Часто натыкаясь на горячие следы и на самых зайцев, молодежь неминуемо станет разбиваться, погонит неровно, каждая своего зайца, и это может сделаться привычкой. Лучше несколько раз сходить с молодыми и не поднять зайца, чем сразу наткнуться на множество. Случается, что молодая гончая шляется, как будто постоянно ищет, даже гонит в одиночку, а на голос стаи не валится. Такую следует взять на свору и стать с ней на лазу; как пройдет зверь и покажется стая, ее следует подпустить, и если привычка одиночного гона в ней не укоренилась, если она не валилась в стаю по непониманию, то, сразу попав в знакомую кучу, она принимается за дело как следует. Когда привычка уже успела укорениться и вышеописанный способ не действует и гончая продолжает отшибаться, можно попробовать обратный способ, которым мне удавалось исправить не одну отдиристую гончую. Для этого выбирают из стаи несколько самых дружных стайных гончих; отдирчивую пускают, а стайных держат на своре; как пущенная погнала, так стайных подпускают на голос и они гонят с озорницей. Охотник же должен стараться скорее убить из-под них зайца, чтобы они дошли до убитого дружно. После нескольких удачных уроков гончая исправляется, но, конечно, это может быть только в том случае, если она молода, т.е. не позднее первой осени.

Некоторые охотники восхищаются тем, что молодые гончие, поняв след, сразу идут впереди всей стаи, даже несколько от нее отделяясь. Они видят в этом особенную паратость и мастерство, но, по моим наблюдениям, те молодые гончие, которые сразу идут передом, впоследствии значительно сбавляют быстроты, а нередко и вовсе разбиваются ногами. Дело в том, что это не настоящая паратость, а излишняя горячность, - гончая гонит быстрее, чем позволяет ее склад, что отзывается на ее здоровье, и начавшая гон впереди всей стаи сплошь и рядом через некоторое время оказывается в ее хвосте, а если охотник злоупотребил ее кажущейся выносливостью, то, пожалуй, и несколько позади ее. Я по опыту предпочитаю тех гончих, которые в первую осень как будто тянутся за стариками, впрочем, никогда не отставая от них; такие втягиваются постепенно и, глядишь, на следующий год или даже к концу первой осени водовозы и начнут порой вырываться вперед, а там и постоянно займут передние места. Настоящие мастера, вожаки, из таких-то обыкновенно и выдаются.

Иногда молодые гончие, если их нахаживают одних, гонят в пяту, т.е. не понимают направления следа; охотник должен направлять их, насколько это в его власти, но и без его помощи гончие сами со временем исправляются, когда им несколько раз придется гонять по зрячему. Нахаживая молодых гончих, не годится стрелять по птицам: тетеревам, куропаткам или воронам, а то они будут по ним гонять и портить охоту, но с нахоженными можно бить что угодно, не рискуя их набаловать. Ни с какими гончими нельзя стрелять белок. Я видал так избалованных по белкам гончих, что охота с ними была наказанием: то и дело гончие ревели на какое-нибудь дерево и их нельзя было иначе отогнать, как убить зверюшку, которая подхватывалась на лету и съедалась.

***

Что сказать о псарнях, как не то, что это - зло, положим, неизбежное, но тем не менее, все-таки зло. Мне возразят, что искони гончие содержатся на псарнях. Но

что же из этого? Какова смертность на псарнях? Не псари ли стали причиной вырождения многих замечательных пород? Не они ли виноваты в поголовном вымирании замечательных охот? Отчего легавые и дворняжки никогда, или почти никогда, не подвергаются некоторым болезням, весьма обыкновенным на псарнях? Отчего стечка, веселуха, болезни желудка, болезни глаз и еще иные напасти, вовсе неизвестные ружейным охотникам с легавой, а обладатели псарен не только знают их не по наслышке, но почти каждый из них испытал их разрушающие действия на собственной стае? Не подвержены же породы гончих по природе всем этим напастям более других собак! Совсем напротив, в этом отношении гончие просто железные собаки. Попробуйте содержать легавых так, как содержат гончих на большей части псарен. Можно поручиться, что не уцелеет ни одной собаки.

Что такое представляет большинство наших псарен? - Несколько десятков квадратных сажен, обнесенных глухим забором, с хлевом в углу. Даже летом, во время дождей, там грязно, а осенью или весной - сплошная лужа навозной воды и грязи. Настает зима, и на том же дворике гончим валят лошадей. Кровь, внутренности, полуобглоданные кости заваливаются снегом, который крепко утаптывается собаками. Весной все это постепенно оттаивает, образуя груду навоза, который гниет до совершенной просухи, ибо, в самом деле, отчистить все эту дрянь ранее - составит чуть не египетскую работу. Наконец, летом, благо сухо, псарня очень редко метется, и испражнения собак, смытая из корыт кислая овсянка копятся по неделям и месяцам, пропитывая гнилью почву и заражая вонью воздух. Хлев или закута сплошь и рядом поставлены так низко, что весной вода подмачивает подстилку, которая поэтому всегда сыра, несмотря на то, что ее наваливают очень высоко. Положим, что я описал самую скверную псарню, но таких ведь очень много: у псовых охотников главное внимание обращается на борзых, а гончие содержатся более "в черном теле", а многие ружейные охотники держат гончих также из подражания. При крепостном праве можно было больше надеяться на псарей, которые хорошо знали, что непорядок на псарне, плохой гон стаи или повальная болезнь могут плохо отозваться на том, от кого это зависело, и по случаю виноватый мог легко "загреметь" в солдаты. Теперь много ли найдется счастливцев, которым удалось обзавестись надежным охотником? Как мне уже пришлось говорить, я предпочитаю нанимать просто молодых малых из крестьян: во многом таковые надежнее, - хоть не напьется, хоть не украдет собаку, но увы! - сколько бед делали они мне по незнанию!

Без сомнения, есть и хорошие псарни, и чем они просторнее, чем чище содержатся, тем и гончие лучше. Но псарня псарней, а главное все-таки заключается в уходе, как на посредственной псарне хорошим уходом можно содержать гончих и улучшать их, так и на превосходной можно не только ухудшать, но и сразу испортить и переморить отличных собак.

Вот какую псарню я назвал бы образцовой: местность должна быть покатая, но никак не на полдень; пространство псарни должно сообразоваться с количеством гончих, но ни в каком случае не должно быть менее четверти десятины (600 кв. саж.), и, конечно, чем больше, тем лучше. Забор или частокол, которым обносится псарня, не надо делать плотным; гораздо лучше, чтобы его продувало, и еще лучше местах в двух заменить его, хоть на один аршин, железной

решеткой. Хлев надо ставить настолько высоко, чтобы сырость в него не могла попасть; он должен быть хорошо замшон, с несколькими маленькими окнами, закрывающимися плотными деревянными ставнями; сквозь потолок и крышу должна быть пропущена деревянная труба для тяги воздуха. Летом труба и окна открыты и посредством их происходит постоянная вентиляция воздуха; в сильные морозы труба и окна закрываются на ночь и открываются на некоторое время днем. Нар, какие делают для борзых, гончим не надо: они любят спать низко, укладываясь в кучку. Несколько десятков квадратных сажен около хлева надо вымостить камнем, как обыкновенную мостовую, а еще лучше разбить камень на крупную щебенку и сделать шоссе. Чем больше около псарни больших деревьев, тем лучше, тем чище будет воздух, тем больше в летние жары тени. Вода на псарне должна быть постоянно свежая, а потому, если есть только возможность, надо выбирать такую местность, где есть ключ или протекает непересыхающий летом ручей. Чистота должна тщательно поддерживаться, а кляч валить на псарню нельзя ни в каком случае.

Если псарня мала и неудобна, если нет свободных рук и времени держать ее в должном порядке, то единственное средство, чтобы гончие были, не скажу в порядке, но в сносном виде, - это возможно меньше держать им взаперти. Пусть при малейшей возможности они бегают на свободе и запираются только на ночь. Хотя при таком содержании подвергаешься риску лишиться гончих, т.к. они легко могут сделаться жертвой четвероногих и двуногих волков, но, по крайней мере, они не изведутся мизерным образом, и если уцелеют, то не лишатся чутья и голосов, не ослепнут и будут очень крепконоги.

***

Служба хороших гончих вполне зависит от их содержания, т.е. ухода и умения их кормить. Неумелым уходом и плохой пищей, плохой не в смысле голода, а в смысле несвоевременности, можно сделать то, что и отличные во всех отношениях собаки будут работать плохо, будут казаться незнающему совсем негодными; мало того, их можно испортить окончательно и довести до повальной заразительной болезни, называемой чумой.

Ни одна другая порода охотничьих собак не требует на этот счет столько уменья и навыка; все они, кроме гончих, обычаем и свойством поставлены в более удобные условия жизни, а, между тем, именно от гончих требуется в совокупности качества нескольких других пород. Что в самом деле требуется от гончих? - железные ноги и сила, следовательно, качество скаковых собак, злоба - качество травильных, тончайшее чутье и вежливость - качество легавых. Отнимите любое их этих качеств - и гончая никуда не годна.

Между тем, все условия, в которых содержатся гончие, самые неудобные для развития любого из этих качеств: лишение свободы сделалось каким-то неопровержимым догматом; грубое обращение и худая, сравнительно с другими собаками, пища завещаны нам стариной, а т.к. держаться этого обычая легче, то и держимся мы его крепко.

Приезжайте к любому псовому охотнику: на дворе, даже в комнатах вы непременно увидите борзых, а где же гончие, эта "душа охоты", как любят выражаться эти господа? В ответ вам доносится вой откуда-то издали, - гончие

заперты. Но у псовых охотников есть хоть люди, специально обязанные заниматься гончими: только у беспутных они залеживаются без проминки по месяцам; но у многих ружейных охотников гончим гораздо хуже. Держат их сплошь и рядом на цепи или запертыми в тесной конурке; ходит за ними кухарка или кучер, которым эта обуза вовсе не по сердцу; рады бы они были, чтоб собаки передохли, да отравить или сбыть иным способом боятся - от барина достанется. А у барина в то же время легавая, а то и несколько, благоденствуют; кормит он их сам или строго выговаривает, если они худо накормлены: "Как можно легавую держать, как гончую, - легавая собака благородная", и т.д.

Но надо приступать к делу, ибо, продолжая на эту тему, зайдешь слишком далеко, а размер моих записок не позволяет мне этого.

"Овсянка - отличное кушанье, но только под условием, чтобы она была хорошо заварена", говорил Тургенев, и это бы следовало помнить многим нашим охотникам; но Тургенев говорит о содержании легавой, а гончим мало овсянки. Некоторое время они могут питаться к пустоваркой, но если их долго на ней держать, то следствия бывают плачевные: гончие перестают есть, страшно худеют и с остервенением едят такое мясо, которого в другое время не стали бы трогать, например, мертвых собак или лисиц. Если в продолжение многих поколения держать гончих на растительной пище, то они теряют злобность и делаются равнодушными к охоте. Содержателям гончих не надо забывать, что от гончей требуются более плотоядные инстинкты, чем от легавой, больше злобы, а это поддерживается мясной пищей.

Всего труднее кормить гончих летом: мяса им достать трудно, а сохранить еще труднее, между тем, от летнего корма зависит осенняя служба. Если к осени забрить гончих, они будут слабы, а с начала охоты их поправить гораздо труднее. С весны, примерно, до конца марта необходимо варить в овсянке хотя немного мяса; когда же оно выйдет, гончих кормят пустоваркой с прибавкой молока. В сильные летние жары мяса варить не годится, и надо, чтобы гончие похудели; они от этого легче переносят жару. К началу охоты их опять надо поправить, чтобы они были сытее, чем в охотничьем теле, но мяса можно и не давать, достаточно прибавлять в овсянку ржаного хлеба (около 1/2 фунта на собаку, смотря по росту) и сала для вкуса (достаточно 1 фунта на 3 смычка.) На такой пище собаки скоро поправляются. В сентябре гончих кормят такой же пищей, но сало и отчасти хлеб можно заменять зайцами, если их избыток (1 передок заячий на собаку.) С наступлением свежего времени и морозов можно начать варить гончим конину в избытке, но не сразу наваливать ее гончим, а приучать их к ней исподволь. Когда охота по чернотропу кончилась, гончих надо кормить сырцом, но не постоянно, а также и варить мясо с небольшим количеством овсянки, особенно в сильные морозы, когда сырец бывает закован, как чугун.

Охотникам, которые живут отдельно, т.е. у которых нет рядом соседей, я могу посоветовать делать для гончих запас конины на все лето. Для этого в отдельном сарае вешаются лошадиные ноги, с которых мясо срезается так, что висит вниз полосами. Вешать ноги надо зимой. Весной эти ноги постепенно высыхают и летом становятся сухими, как дерево, без всякого запаха. Для корма их долго разваривают в котле и только, когда мясо разваривается и делается мягким,

кладут в навар овсянку. Мясо вынимают и, мелко изрубив, всыпают в сваренную овсянку. Конечно, эти запасы возможны только в том случае, когда исключается возможность соседских претензий и полицейских протоколов.

Я обязан предупредить незнающих охотников, что после пустоварки мясом кормить гончих надо начинать очень осторожно, особенно если погода теплая, а гончие тощи. Давать мясо в таком случае надо не иначе, как вареное, и то понемногу, втягивая гончих постепенно, и, только приучив к вареному, можно начать кормить сырцом. Если очень тощих гончих, с пустоварки, сразу навалить сырым мясом, то у них может сделаться воспаление желудка и кишок, - болезнь очень опасная. Говорю я это не голословно, ибо два раза, желая поскорее справить своих исхудалых гончих, я платился жестоко.

Как кормить гончих осенью, зависит и от того, на каких зверей больше производится с ними охота. Если по зайцам, то мяса надо давать меньше и гон будет лучше, хотя гончие и будут тощее; если на красного зверя, то мяса дается больше, - гончие будут сытее, сильнее, злобнее, будут проносливы по зайцам, но отлично выдержат красного, ибо след его прямее, без петель.

Содержание гончих зависит и от породы. Так курляндские и польские гончие могут дольше существовать без мяса, не теряя тела, и служат осень на пустоварке с хлебом, наши костромские, напротив, без мяса служить не могут: без него они худеют до полной непригодности. Вероятно, это различие зависит от способа содержания той и другой породы в продолжении долгого предшествовавшего времени, в продолжении многих поколений, так что то или другое содержание сделалось потребностью их организма.

Когда гончих кормят пустоваркой, овсянку надо заваривать, как жидкую кашицу; если же с мясом, то жиже. Определить количество овсянки, потребное на собаку, нельзя, - это зависит от роста и сложения, а кормить надо досыта: достаточно - один раз в сутки, но лучше два, когда гончие не употребляются на охоте.

Старинный термин "заваривать" овсянку многих вводит в заблуждение. Эти многие просто наливают овсянку кипятком, закрывают крышкой и считают овсянку хорошо приготовленной. В действительности же овсянку следует варить, т.е., засыпав овсянку в котел, ее надо хорошо прокипятить, чтобы она совершенно проварилась. Заваренную или недоваренную овсянку от хорошо сваренной отличить в корытах нетрудно, первая отстаивается, т.е. овсянка садится на дно, а сверху образуется вода, вторая, т.е. хорошо сваренная, никогда не отстаивается, образуя однородную кашицу, хотя бы и очень жидкую.

Уход за гончими состоит, во-первых, в том, чтобы их помещение, а равно и их самих содержать в постоянной чистоте. В летние жары полезно купать гончих и при этом мыть. Купать надо часов в 8 или 9 утра, чтобы в самый жар собаки высохли к вечеру; от этого гончим не так жарко и псовина на них чистая, не пахнет. Во-вторых, гончих чаще надо проминать, водя их в лес. В жары проводка должна производиться по вечерним зорям, а когда пасмурно, то и днем. Проводка необязательно заключается в гоньбе: гончих необходимо просто разминать и если не удалось погонять - не беда. Если летом часто (раз в неделю) проваживать гончих, если во время этих проводок им частенько приходилось гонять, то они

делаются очень крепконоги и осенью не устают, не разбиваются, не хромают и служат шутя. В-третьих, уход заключается в наблюдении за здоровьем гончих. При хорошем содержании гончие болеют редко, но наблюдение состоит собственно в том, чтобы предупредить болезнь и не дать ей развиться; чуть гончая не ест, что есть первоначальный признак нездоровья, ее сейчас же следует выпустить на свободу и дать слабительного, - простокваши, сколько съест, и обыкновенно болезнь этим кончается. Если же гончая не ест простокваши, ей надо дать касторового масла, смотря по росту, от десертной ложки до большой рюмки. Летом переставшая на псарне есть гончая, будучи выпущена, ест длинную траву - пырей и острец, и этим себя излечивает.

Предупредить всякую болезнь гораздо легче, чем вылечить, когда она развилась. В одном можно быть уверенным, что если содержать гончих правильно, то заразительной болезни у них не разовьется самостоятельно, а случаи разных незаразительных болезней, конечно, неизбежны, как у всяких вообще животных, но гончие, как собаки чрезвычайно крепкого сложения, переносят болезни сравнительно легче и меньше им подвергаются.

Но у нас на Руси ни один охотник, как бы хорошо ни содержал он своих собак, не может ручаться, что в один прекрасный лень они не передохнут от чумы или не окажутся в чесотке. Дело в том, что разъезжать в сопровождении нескольких собак не на охоту, а "так", не считается предосудительным. Сознательный приезд в усадьбу охотника, в сопровождении больной собаки, случается редко, но "чумные" и "паршивые" "охотники" делают это бессознательно, - они и сами не знают, здоровы ли их ублюдки. Вот когда издохнет, ну, значит, была больна, а дальше ведения их не простираются. Винить этот народ нельзя: "не ведают, что творят", но езду в сопровождении собак не на охоту, а так, вообще следовало бы преследовать, и или ходатайствовать о ее запрещении, что вряд ли, впрочем, возможно, или действовать увещевательно что ли, разъясняя и внушая обладателям недопесков, что езда по чужим усадьбам, в гости или иным делам, в сопровождении собак, когда на то не было позволения от тех лиц, которые осчастливлены такими посещениями, - по меньшей мере невежливо.

Странно, что собаки не пользуются у нас никакой защитой закона. За занесение заразительной болезни на скот виновный подвергается положенному наказанию, а как жаловаться на занесение болезни на собак? Исход такого дела зависит от взгляда судьи, что очень ненадежно. Положим, что многие не дорожат собакой, но ведь есть люди, которым собаки дороже всякого другого животного, даже не с точки зрения любви к собаке, а в излюбленном смысле нашего времени - в смысле денежном.

ГЛАВА V

Разделение ружейной охоты с гончими на неподвижную и ходовую - Как произошло это разделение - Охота большой компанией - Удобнейшие правила этой охоты - Какие гончие годны для этой охоты - Выгоды этого способа и почему эта охота мало употребительна и редко удается – Что такое охота "правильная" - Облава с гончими

Ружейная охота с гончими не везде и не всеми охотниками производится одинаковым образом; неодинаковость зависит и от местности, и от привычек зверя, на которого охотятся, наконец, от характера охотников и качества употребляемых гончих.

Вообще ружейную охоту, в которой употребляются гончие, можно разделить на две категории: на охоту неподвижную и ходовую, которая в свою очередь бывает пешая и верховая.

Такое делених можно принять только теоретически, ибо на практике очень нередко неподвижная охота по необходимости превращается в ходовую, а эта последняя - в неподвижную; но ведь охота - та же война: предвидеть все случайности как в той, так и в другой невозможно, и как плох тот военноначальник, который не пользуется оплошностью неприятеля, потому что это не входит в заранее составленный план, так плох и охотник, упускающий волка на заячьей охоте. Слава Богу, мы живем не в стране "просвещенных мореплавателей" и не в немецком Vaterland'e, где если пошел за куропатками, так все равно, что в курятнике, - кроме известной дичи, ничего иного не встретишь... У нас убить русака или гуся, отправляясь стрелять бекасов, стрелять по волку или лисице, охотясь по зайцам, - не редкость; всякому мало-мальски бывалому охотнику выпадали такие случаи или он был их свидетелем. Принимая все это во внимание, нельзя не согласиться, что такая педантически-односторонняя охота, какая существует у наших западных соседей, у нас по меньшей мере смешна.

Однако, хотя на практике часто один способ охоты с гончими невольно переходит в другой, деление на охоту неподвижную и ходовую остается вполне правильным, ибо каждая иэ них может самостоятельно практиковаться в чистом виде, и многие педанты считают чуть не за смертный грех нарушить раз установленный порядок производства охоты, а в некоторых случаях нарушать его не позволяет и благоразумная осторожность, в особенности если в охоте участвует многочисленная, разношерстная и не слишком надежная компания. С этой стороны я и буду рассматривать неподвижную охоту с гончими.

До упадка псовых охот ружейная охота с гончими в настоящих русских губерниях почти не существовала. Нельзя сказать, чтобы она в те времена была совсем неизвестна: заезжие курляндцы и поляки, преимущественно офицеры и ссыльные, нередко привозили своих гончих и свой метод ружейной охоты, но у нас эти примеры не находили удобной почвы для развития, и охота с гончими существовала в известной местности, лишь пока жил в ней заезжий охотник, около которого временно группировалась равная охотничья мелкота из приказных, отставных солдат, мещан и дворовых, вообще той неинтересной публики, которой дорога заячья тушка и шкурка, добытая даром из-под чужих собак.

Настоящие русские охотники и в те времена делились на псовых и ружейных, но эти последние охотились исключительно по перу, да очень немногие по недоступному для псовых охотников крупному лесному зверю. Некоторые были в одно время и псовыми и ружейными, но общепринятый в то время взгляд на охоту значительно разнился от существующего теперь. Исключительно ружейный охотник или "егерь", как тогда он назывался, считал ниже своего достоинства охотиться иначе, как с легавой, и не стал бы охотиться и тем больше держать "диких" и "глупых" гончих. Исключительно псовые охотники вообще недолюбливали ружейных, что, вероятно, по силе наследственности, заметно и в современных. Охотники псовые и в то же время ружейные строго держались охот по временам года: летом охотились с ружьем и легавой, а осенью заменяли ружье сворой, которую все-таки предпочитали, как более подходящую к русскому характеру, - они считали грехом бить из ружья то, что можно травить, что доставляет более наслаждения при охоте с борзыми.

Повальное уничтожение псовых окот, имевшее последствием миллионные убытки от волков, не уничтожило охотников, которые с завистью стали поглядывать на огромную массу красного зверя, быстро возраставшую. Завести псовые охоты было большинству не под силу - и начала распространяться ружейная охота с гончими. Не ошибаясь, можно сказать, что большинство существующих в настоящее время охотников с гончими в былые времена непременно были бы страстными псовыми. Сначала ружейная охота производилась наподобие псовой, т.е. охотники занимали лазы из острова и потом бросали гончих. Но ружье - не борзые; травля доставляет удовольствие, сильнейшее возбуждение охотник и чувствует во время травли; это-то, собственно, и дорого, выстрел же оканчивает, прекращает охоту; вот почему бывшим огневым борзятникам и их детям, выросшим в их среде, под влиянием разжигающий русскую кровь рассказов, не по нутру приходился этот первообраз ружейной охоты, - это немецкое терпеливое выжидание на лазу не удалой бывалой травли, стоившей ожидания, а только финала - выстрела.

Кроме того, то, что было удобно с несколькими сворами, которыми можно было беречь если не все, то главные лазы, - для одного ружейного охотника оказалось невозможным: большая часть зверя уходила не занятыми лаэами, а немногие охотники-соседи, по отдаленности усадьб, не могли собираться для совместной охоты; нанимать же охотников-стрелков не было принято, а по старой привычке держали по два, по три человека для езды под стаей. Охота не клеилась и, как я и говорил уже, многие, не особенно рьяные охотники, скоро махнули на охоту рукой. Но другие зато стали настойчиво добиваться удачи, перестали задерживаться лазом из острова, не брезгали забраться в лес, и, конечно, открыли, что в острове можно скорее встретиться с зверем, который в нем кружится. Это был уже значительный шаг вперед: потребовалась особая сметка, чтобы определять лесной ход зверя, чтобы подвигаться своевременно в ту или другую сторону, сообразуясь с гоном и, раз попав на этот путь, охотники начали уже ходовую охоту, которая доступна и одинокому ружейнику, а, главное, более удовлетворяет настоящего охотника. Наконец, высшей формой ружейной охоты с гончими явилась верховая охота, До сих пор еще мало распространенная, но бесспорно

стоящая выше всех других способов и вполне удовлетворяющая настоящего русского охотника, лишенного силой обстоятельств возможности содержать заветную псовую охоту.

***

Неподвижная охота, т.е. такая, в которой охотники заблаговременно занимают лазы и не трогаются с них, пока есть зверь в острове, хотя и представляет собой первообраз ружейной охоты с гончими, но в некоторых случаях все-таки необходима; так, например, это единственный безопасный способ при охотах большой компанией, в которой, за очень редкими исключениями, всегда оказываются безобразно горячие стрелки, способные нечаянно влепить заряд в товарища. Кроме того, на некоторых зверей иначе нельзя охотиться, как заранее занимая по возможности все лазы и стоя на них неподвижно: к таковым относятся все звери, не задающие кругов под гончими, не "обкладывающие", как говорят некоторые охотники. В местах, очень богатых зверем, неподвижная охота с достаточным количеством хороших стрелков бывает также очень весела.

Производится эта охота следующим образом. Когда известно, что в каком-нибудь острове есть зверь или когда вообще он там держится, то собираются охотники. Если много хороших охотников, то несколько человек сверх необходимого не лишне и ими не следует пренебрегать. Впрочем, если лазы хорошо известны, то много стрелков не нужно и занимаются только те места, которыми непременно пойдет эверь. Вообще, по-моему мнению, на какой бы то ни было охоте излишнее многолюдство никогда не бывает полезно, а, напротив, только вредит успешности и удовольствию охоты; лучше пусть некоторое количество зверя, захваченного в острове, уйдет без выстрела, чем попадет охотник, который испортит удовольствие всему обществу.

Если охота предполагается на чуткого красного зверя, то лазы следует занимать, соблюдая тишину. Вдоль опушки ходить в таком случае не годится: зверь, в особенности шумовой, который идет часто очень тихо, может зачуять след и свиться с лаза; гораздо лучше идти на лая подальше от опушки и становиться на место, подходя под прямым углом или вообще так, чтобы собственным следом не отшибить зверя. Без сомнения, лучшими лазами надо считать те, которые находятся по ветру из острова; исключение бывает лишь в тех случаях, если зверь по ветру лезть не может, как, например, если там протекает глубокая река или прилегает вплотную деревня. Попадаются также острова с такими постоянными и неизменными лазами, что ветер не оказывает влияния на ход зверя; в таких местах он или бежит очертя голову - напролом, хотя и чует присутствие человека на своем пути, или упорно держится в острове. В местах знакомых охотник, конечно, знает такие острова и становится на постоянных лазах, а там, где верных лазов или нет, или они неизвестны, лучше становиться так, чтобы ветер дул на охотника из острова.

Становясь на лазу, охотник должен затаиться, т.е. спрятаться за куст, дерево или возвышение. Гонный красный зверь из-под хорошей стаи иногда набегает и на открыто стоячего охотника, особенно если стая гонит его по пятам, но шумовой или удалелый идет всегда осторожно и осмотрительно, беспрестанно

останавливаясь, слушая и осматриваясь; такой непременно еще вне выстрела сметит открыто стоящего охотника, вернется в остров или слезет стороной.

Некоторые охотники, охотясь с гончими, имеют обыкновение становиться вплотную к опушке, так сказать, утыкаясь носом в лес. Следствием бывает то, что они то и дело прозевывают зверя, в особенности резво бегущего, и стреляют уже слишком далеко, а то так и совсем не успевают выстрелить. Да иначе и быть не может: чтобы видеть все пространство, доступное выстрелу, охотник, ставший в опушке, необходимо должен вертеть беспрестанно головой в разные стороны и, пока он глядит в одну сторону, зверь может проскользнуть незамеченным с другой. Если только не препятствует местность, лучше становиться от опушки на ружейный выстрел; на таком расстоянии охотник без затруднения, почти не ворочая головой, обозревает ту часть опушки, которая и составляет доступный его выстрелам лаз, а если зверь покажется в стороне, но пойдет на него, то охотник легче его заметит и успеет приготовиться.

Становиться от опушки дальше ружейного выстрела тоже невыгодно; бывает, что зверь выйдет лазом только на опушку, остановится, подумает минутку, да и вернется в остров. Бывают для испытания терпения охотника случаи и хуже; так раз, когда я был еще очень молодым охотником, мне вздумалось стать на лазу шагах в двухстах от опушки. Остров, где гоняла стая, был большой и заразистый, зверь держался крепко и жался к противоположной от меня стороне. Шумовая лисица шагом вышла против меня и шагах в двадцати от опушки комфортабельно уселась на кочку и слушала гончих; посидев минут пять, она вернулась на лес, и я думал, что тем дело и кончится. Но гон стал подвигаться ближе, и лисица опять вышла прежним следом и уселась на той же кочке спиной ко мне; я не выдержал, попытался к ней подбежать и, конечно, не успел сделать и двух шагов, как ее и след простыл.

Другой раз я был свидетелем того, как на стоявшего на соседнем с моим лазом охотника, также поместившегося далеко от опушки, вышел здоровый волчище и долго был в нерешимости, удариться ли ему в поле, или вернуться. Замолкшая в это время стая заставила волка избрать последнее, а злополучный охотник с досады пустил ему в догонку два безнадежных выстрела.

На охоте с гончими случается, что зверь идет плохим, по-видимому, лазом; это не облава, двигающаяся ровно. Из-под дружной стаи зверь катит сломя голову и лезет ближайшим лазом, особенно с первого гона, когда зверь еще не мог образумиться.

Лазы занимаются всегда предварительно, и только когда все охотники на местах заводят и бросают гончих. Откуда делать напуск, зависит от того, на какого зверя производится охота; если на волчий выводок - всего лучше бросать прямо на гнездо или как можно ближе к нему. На гнездо можно безошибочно бросать гончих только с начала осени, т.е. в августе и сентябре, а в октябре большая часть выводков уже перестает строго держаться своего летнего местопребывания и хотя до самой зимы предпочитает для дневок родной остров, но ложится то в одной, то в другой его части. Знать гнездо и бросать прямо на него в особенности необходимо, если остров велик, ибо в противном случае бывает, что волки, эаслыша подозрительное движение, поднимаются и всей кучей выходят на одного охотника,

которому и приходится стрелять одному, так что большинство волков уходит. Прямо на волков бросать гончих еще важно и потому, что стая не может прихватить вместо волков по зайцу. Позднее, когда волки не держатся гнезда, бросают гончих с опушки. Если охотников достаточно и лазы заняты все, то напуск против ветра должен предпочитаться: хорошие красногоны против ветра чуят волков чрезвычайно далеко, а раз прихватив их, не обращают никакого внимания на зайцев и быстро стекают верхним чутьем. Но если охотников мало и лазы заняты только по ветру из острова, который не велик и не эайчист, то лучше бросать гончих по ветру в остров и стараться, чтобы они скорее натекпи на свежий след, ибо рассчитывать на верхнее чутье в этом случае уже нельзя.

С начала осени, когда волчьи выводки еще почти не выходят из родного острова и когда доставление пищи выводку лежит всецело на стариках, молодые с большим трудом расстаются со своим обыкновенным местопребыванием. Открытых полей они инстинктивно боятся и из-под гончих кружатся в лесу, выбирая для этого самые густые его части. Только с хорошей стаей и с помощью людей их можно бывает выжить в поле, но даже и при таких условиях многие так упорно держатся леса, что бывают сгонены, ни разу не высунувшись в чистое место. Когда позволяет местность, а в острове им приходится слишком трудно, то молодые стараются перевалиться в другой не полями или чистым лугом, а кустами, порубами или гривами леса.

Напротив, матерые или переярки круглый год бегут из всякого острова очень ходко и сразу вырываются в поля. Очень редко случается, чтобы матерок продержался в острове дольше одного круга; обыкновенно он или сразу идет прямиком, или задает неполный круг, чтобы добраться только до удобного лаза. Правда, бывают случаи, что и матерые и переярки довольно долго держатся в острове, но это только тогда, когда гоняет маленькая, пешая и плохая стайка, с долгими перемолчками, а волк - объевшийся, а потому ленивый; но голодный и из-под дрянных гончих не задерживается никогда, если только не примется охотиться сам на плохих и недружных собак.

Многие охотники, охотившиеся только с гончими, наезженными для псовой охоты, т.е. с такими, которых отхлопывают назад в остров, коль скоро зверь выставлен, держатся того мнения, что матерые волки действительно идут напрямик, не задавая круга, но это далеко не всегда справедливо: матерые холостые действительно идут куда глаза глядят, и никогда (или очень редко) не возвращаются под гончими в тот остров, где были подняты; но матерые от выводка всегда задают круг с той разницей от молодых, что последние кружатся в очень ограниченном пространстве, тогда как материки, не разбирая ни леса, ни открытых полей, предпочитая даже последние, задают громадные круги, нередко в двадцать верст, но все-таки непременно возвращаются к гнезду, лишь бы выдержали гончие. Величина круга матерых не всегда одинакова и обуславливается возрастом молодых; также много зависит и от местности: в чистых полях круг всегда больше, в лесной или овражистой местности меньше.

Угадывать лазы волков в незнакомых местах гораздо труднее, чем лисьи или заячьи. Главное, конечно, необходима опытность, но и она не всегда помогает, ибо на выбор лаза волки очень капризны. Если охота приготовляется не наспех, т.е.

если волки предварительно отзываются, то лучше всего заметить, которым местом старики ходят на промысел и которым возвращаются. В местах покойных, где волчий выводок не беспокоят зря и где гнездо не сбито с места, эти пути почти не изменяются, так что летом по нескошеной траве бывают даже заметны очень явственно тропки, иногда пролегающие на значительное расстояние. Находить эти пути при некотором навыке нетрудно: для этого надо выбирать ясные утра, когда ложится обильная роса, по которой можно легко найти волчьи следы; искать же их лучше верхом, т.к. лошадиного следа (сакмы) волк не боится, а если пешком натоптать на пути волка, то он может путь свой изменить. Если найдены те места, которыми матерые выходят и возвращаются в остров, то это верные лазы на матерых, за которыми часто лезут и молодые, особенно если они уже крупны и шатались со стариками. Когда лазы неизвестны, лучше становиться около оврагов или отвершков, а также в редких лесных или кустарниковых перевалах в другие острова. Если остров велик, но изрезан дорожками или полянами, не мешает, если стрелков избыток, занять и внутри острова хорошие перебеги, но в остров при такого рода охоте можно посылать только самых надежных людей, которые стояли бы смирно, а не шлялись бы зря, отчего волки могут побежать из острова не лазами, а как попало.

На лисиц неподвижная охота производится так же, как и на волков, только гончих всегда бросают с опушки. Как на волков, так и на лисиц охотиться таким образом лучше всего около полудня, так как раньше можно не застать зверя в острове. Охота на зайцев не требует никаких предосторожностей и весела бывает только в том случае, когда острова очень зайчисты, а охотники ждут не одного гонного из-под гончих, но и шумовых, которых, конечно, тем больше, чем дружнее и голосистее стая.

Остальные правила этой охоты весьма разнообразны у охотников. Относительно того, как должны вести себя охотники, правила те же, как и на облавах.

Решение, кому принадлежит убитый зверь, если по нем стреляли несколько охотников, зависит от сделанных перед охотой условий, но самые справедливые правила на этот счет, по моему мнению, следующие: 1) Зверь убитый наповал одним охотником, принадлежит ему. 2) Зверь, убитый наповал одновременно стрелявшими двумя или несколькими охотниками, достается по жребию, если не будет заявлено сомнения в верности выстрела; в последнем случае свидетельствуются раны и зверь присуждается тому из стрелявших, чей выстрел был смертелен. 3) Стреляный несколькими охотниками зверь, сгоненный гончими и не продержавшийся под ними полного круга или не уведший стаю из слуха, принадлежит охотнику, сделавшему по этому зверю последний выстрел. 4) Стреляный зверь, выдержавший под гончими полный круг или уведший их из слуха стрелков и потом взятый стаей, принадлежит владельцу стаи. 5) Все споры, не подходящие под вышеприведенные правила, решаются большинством голосов всех участвующих в охоте.

Неподвижная охота производится совершенно на тех же условиях, как псовая, а потому и стая нужна приезженная, как для псовой охоты. Паратые гончие, без сомнения, лучше пеших, ибо они не дадут зверю долго пугаться в

острове, не дадут и охотникам дремать на лазах, но при паратой стае и доезжачий, и выжлятники необходимо должны быть молодцами и являться своевременно, чтобы остановить гончих, если зверь прорвался из острова. Если же люди под гончими - "вороны", то редкая охота не будет испорчена: каждый прорвавшийся гонный зверь неминуемо уведет гончих за тридевять земель, а раз гончие ушли из слуха, между охотниками начинается беспорядок, они начинают сходиться, разговаривать, закуривать, а красный зверь не дремлет: глядишь - там да тут покинутыми лазами нет-нет да и шмыгнет лисица или волчонок... Но вот, наконец, являются псари на взмыленных конях и с сомкнутыми гончими; бросят стаю, пройдут островом, и так и этак, - пусто, и вместо красного достается лишь зайцам.

Если при правильной псовой охоте одно из главных условий удачи и удовольствия охоты заключается в выдержке стаи, что вполне зависит от людей, которые ею заправляют, то и при описываемой ружейной охоте выдержка играет не меньшую, если не большую роль. При небольшом составе псовой охоты, когда свор не хватает на все лазы и зверь может прорваться и увести стаю, молодцы борзятники, лишь бы местность дозволила, переймут зверя и за несколько верст. Пеший ружейник не имеет физической возможности перенять зверя.

Вообще стрельба всякого зверя дробью или картечью легка, а из-под гончих, хоть самых паратых, она тем легче, что охотник имеет время приготовиться; невзначай же приходится стрелять только по шумовому. И из-под гончих случается делать немало блестящих выстрелов, ничем не уступающих пресловутой стрельбе бекасов, но только на ходовой охоте, а не на только что описанной, где охотники становятся на места заранее и, конечно, выбирают такие, где стрелять удобнее; к тому же, став заранее, есть время осмотреться и примениться к местности.

Владельцам стай, охотящимся таким образом, можно дать полезный совет: по возможности избегать приглашать на охоту блестящих стрелков на вскидку, ибо такая стрельба с гончими неудобна, а а особенности, если подобный "болотный герой" еще горяч вдобавок, - как раз "на вскидку" будет убита гончая, чему немало я знаю примеров. Если же такой "бойкенький" как-нибудь попадет на охоту, то для того, чтобы он не подвергался искушению палить по всему мелькающему, его следует помещать подольше от опушки и на открытом месте.

Выгоды неподвижной охоты очевидны: звери, захваченные в острове, могут быть выбраны до единого, лишь бы было достаточно хороших даже не охотников, а только стрелков, лишь бы они были расставлены с толком. Достаточно иметь на такой охоте одного знающего охотника, который бы расставил остальных по лазам и указал, откуда бросить гончих.

Тут все равно, что на облавах: от участвующих не требуется никакого иного знания, кроме умелой, хорошей стрельбы. От гончих требуется сравнительно тоже немного: их дело выставлять зверя, т.е. заменять облаву. Но хотя гончие на неподвижной охоте только заменяют облаву, однако, последняя далеко не может с ними равняться: как бы хорошо и стройно ни двигалась облава, почти всегда много зверя прорывается сквозь цепь загонщиков или затаивается, пропуская их через себя. В особенности часто это случается в начале осени, когда лист еще не осыпался: не только зайцы сознательно бросаются в цепь кричан, но даже матерые лисицы прорываются назад. Молодые волки - те просто затаиваются, да так крепко

и искусно, что их как-будто и не бывало в острове. Два раза мне случалось видеть, как и матерый волк, даже не стрелянный, а только оглядевший на лазу охотника, проходил сквозь очень густую цепь загонщиков, не обращая внимания на их страшный гвалт. Этим объясняется большая часть неудачных облав на красного зверя, устраиваемых без помощи гончих в начале осени.

Охота с гончими - другое дело: ни игра в прятки, ни путанье и петлянье в острове, - ничто зверю не поможет; всюду или след, или собственный запах выдаст его собакам, и если не удастся ему прорваться между застрельщиками, то участь его решена, - он будет убит или попадет в зубы гончим.

Неподвижная ружейная охота с гончими должна считаться одним из действительнейших способов уничтожения волчьих выводков, тем больше, что в августе и сентябре все выводки держатся еще на постоянных местах, найти которые при некоторой опытности нетрудно. В то время, молодые волки еще так "небежки", что даже и не особенно паратые гончие, но верные, скоро их сганивают, и выбрать весь выводок - не хитрость. Кроме того, в этом отношении ружейная охота перед псовой имеет то преимущество, что в местах лесистых или овражистых, где травить нельзя, бить волков из ружей и сганивать прибылых так же возможно, как и в местах напольных.

Но, к сожалению, неподвижная охота редко бывает вполне удачная, не потому, чтобы теория ее была ложна, а потому, что для успешности ее необходимы некоторые условия, которые при общем недостатке настоящих ружейных охотников по зверю и при положительной невозможности для многих найти и держать хороших доезжачих, обыкновенно не выполнимы.

Как читатель уже мог видеть, первое, что необходимо для неподвижной ружейной охоты, - это дружная, вежливая и послушная стая под начальством ловких людей. Все это, если постараться, завести нетрудно, но такая стая только и годится для неподвижной охоты, которая требует участия нескольких охотников, - а много ли найдется местностей, где охотники сгруппированы были бы настолько близко, чтобы могли охотиться постоянно вместе? Возможно это только в некоторых местностях, например, в некоторых городах, а одинокому ружейному охотнику, отделенному десятками верст от собратий, не для чего держать такой стаи, потому что одному или вдвоем с ней охотиться плохо.

Во-вторых, удачна неподвижная охота бывает в том случав, когда охотники, в ней участвующие, хорошие, стреляющие как следует, не горячащиеся зря, не спорящие о местах с распорядителем, не бегающие за подстреленным зверем в остров, что может испортить всю охоту, - одним словом, настоящие, дельные охотники, которые понимают, что порядок и строгое до педантизма соблюдение правил на такой охоте есть главные условия полного успеха.

Та же охота может идти хорошо и в другом случае, а именно, когда охотник охотится со своей охотой, т.е. с наемными егерями, - но где же и много ли найдется настолько обеспеченных материально охотников, которые могли бы содержать подобную ружейную "охоту", стоящую не дешевле комплектной псовой, ибо на остров, который могут уберечь четыре своры, потребно по крайней мере двойное количество ружейников.

Когда своих егерей нет в достаточном количестве, обыкновенно приходится набирать охотников "с борка да с сосенки", ставить на лазы охотников мужиков, с лычком связанными ружьишками. Бог весть когда заряженными. .. Ну, да эти по крайней мере хоть слушаются, а вот с приглашенными охотниками, не мужиками, хлопот и историй обыкновенно не оберешься! Один недоволен назначенным лазом и брюзжит во всеуслышание, другой курит и кашляет, третий переговаривается с соседом, а то так, едва стал на лаз, уже спит. Большинство настоящих охотников даже избегает таких коллективных охот, ибо они оканчиваются по большей части осечками в пяти шагах, промахами в двадцати и тому подобными "оказиями".

И выходит к тому, что всякая охота, в которой требуется участие многих охотников, у нас существовать пока еще не может, т.е. не может производиться правильно.

Но что такое "охота правильная"? Слово это последнее время употребляется часто, но, как мне кажется, не всегда кстати. Правильной охотой должна называться та, в которой практика согласуется с теорией, т.е. та, которая основана на знании характера и привычек зверя, служащего предметом охоты, та, если необходима помощь собак, - то на знании их охотничьих качеств. Вполне правильная охота должна быть всегда удачна, и неудача свидетельствует о несоблюдении каких-либо правил, о том, что охота производилась неправильно. Поэтому совсем несправедливо, когда называют какой-нибудь один или несколько способов охоты правильными, крестя все остальные неправильными. Современные ружейные охотники склонны называть правильной охотой на зверя только облаву, что, конечно, несправедливо. Облавы, независимо от того, неподвижные они, ходовые или по псковскому способу, если производятся со знанием дела, без сомнения, охоты - правильные, но не менее правильны и другие охоты, как-то: с гончими, скрадывание, стрельба иа винтовки и многие другие, если они производятся толково.

Непризнание их охотами правильными кроется в том, что они сопряжены с большими трудностями, чем охоты облавные, где охотник обходится без всяких охотничьих познаний, кроме умения стрелять, а это остальное производится помимо охотника и оплачивается деньгами, а это остальное и составляет самую трудную часть охоты, т.е. обкрадывание, расстановка эагонщиков, стрелков и проч.

Вообще охоты облавой, исключая псковской, можно назвать способом, так сказать, "грубым", а потому для настоящего охотника облавы представляют мало интереса, в противоположность некоторым другим способам, например, ходовым охотам с гончими. Последние тем именно и заманчивы, что требуют постоянного применения всей охотничьей сметки, опытности и знания, которые могут выработаться только лишь у настоящего охотника.

Кроме описанного способа неподвижной охоты, есть еще другой, перешедший к нам из Польши, где он практикуется очень давно. У нас он главным образом распространен в западных губерниях. Употребляется он для охоты на волков, а в Польше и Белоруссии применяется при охотах на лосей и коз, это - облава с гончими.

Состоит эта охота в том, что остров или часть его окружается цепью кричан, так что там, где кончается цепь, начинается цепь стрелков, а где оканчивается

последняя, опять начинается цепь загонщиков, - одним словом, остров окружается непрерывной цепью. Облава должна быть "неподвижной", т.е. цепь кричан не трогается с места. По данному сигналу облава начинает шуметь, а в остров бросают гончих, которые и выставляют зверя на линию стрелков. Облава на такой охоте служит не для того, чтобы выставлять зверя, а чтобы своим шумом не выпускать зверя из острова, для того, чтобы зверь, преследуемый гончими, бежал на охотников, стоящих тихо.

Вот все, что я знаю об облаве с гончими. Самому почти не приходилось охотиться таким образом, знаю только, что эта охота в некоторых местностях в большом ходу и идет удачно. Поэтому и предоставляю описание названного способа охоты охотникам, подробно изучившим его, я же буду писать лишь о тех охотах, которые мне хорошо известны по личному опыту и практике.

ГЛАВА VI

Зверь местовой и набеглый - На чем основана ходовая охота с гончими - Неудобство большой компании на ходовой охоте - Какие гончие нужны для этой охоты - Охота на зайцев - Где искать беляков по состоянию погоды; беляк прибылой и матерый русак - Лазы и другие сведения о зайцах, излишние для охотника - Порядок ходовой охоты, ее добычливость - Добыча, кроме зайцев

Все звери, на которых охотятся с гончими, с охотничьей точки зрения, должны разделяться на зверей "местовых" и "набеглых". Хотя уже и по одним названиям понятно, что подразумевается под этими названиями, но я все-таки определю тот и другой сорт зверей точнее, на том основании, что охота с гончими различна по тем и другим, а пешая "ходовая" охота только и может производиться правильно по зверю местовому, так что тот, кто желает изучить эту охоту, должен узнать и особенности тех зверей, с которыми придется иметь дело. Положим, что всякий дельный и страстный охотник приобретет эти знания собственным опытом, но на это требуется время, а, прочтя мои записки, молодой охотник получит уже некоторое понятие о деле, его интересующем, и его дальнейшие успехи, по всей вероятности, не будут от этого скромнее, а напротив, сразу узнав то, на что я употребил не один год настойчивого труда, он скоро превзойдет скромного автора этих записок своими успешными охотами.

Местовым зверем называется тот, который живет или, по-охотничьи, - держится в известном ограниченном округе; величина такого округа обусловливается удобством, которое представляет местность, т.е., во-первых, обилием пищи и, во-вторых, спокойствием. Потому величина округов для различных зверей не может быть одинакова: заяц довольствуется очень небольшим, находя пищу на каждом шагу и скоро привыкая ко всякому шуму. Так мне приходилось видеть, как зайцы, не пугаясь, пропускали мимо себя поезда железных дорог, а близ почтовых дорог - тройки с колокольчиком.

Величина округа, в котором держится местовая лисица, очень изменчива: осенью, а в особенности летом, величина эта обыкновенно незначительна, ограничиваясь несколькими квадратными верстами, что обуславливается изобилием дичи или мышей, которые составляют главную ее пищу летом; зимой величина округа всегда значительно увеличивается. Из наших обыкновенных

зверей местовой волк занимает самый обширный округ. Большая сила и нестомчивость и та добыча, которой он питается, т.е. крупные животные, к тому же чрезвычайная осторожность - все это заставляет волка занимать большой округ. Даже весной, когда волчата еще так малы, что не выходят из гнезда, старики отправляются на добычу за шесть, а нередко десять или двенадцать верст, холостые же, т.е. не имеющие детей, и взрослые выводки в конце осени или зимой разбойничают на протяжении нескольких десятков верст.

Между нашими русскими охотниками распространено мнение, что волки бывают местовыми только в то время, когда волчата еще малы и не могут следовать всюду за родителями; поздней же осенью, а в особенности зимой, их представляют себе странствующими чуть не по всей России, а в народе даже существует сказание о "волчьем паспорте", понятие о котором соединяет бесприютность с вечным и бесконечным странствованием. На самом же деле волк, как и всякий другой зверь, держится в известном округе и не покидает его без особенных исключительных причин, причин общих для всех животных.

Различие между местовым волком и, например, лисицей заключается только в величине округа того или другой; тогда как лисица довольствуется таким сравнительно небольшим, что ее всегда можно легко найти и эимой ежедневно видеть мышкующей, волк, напротив, занимает всегда настолько большой, что не только видеть, но и найти его в этом округе бывает трудно. Я подразумеваю волков холостых, а также выводки поздней осенью, потому что летом и в начале осени найти и застать волчий выводок в известной местности нетрудно. Поэтому, с точки зрения ружейного охотника с гончими, местовыми волками должны считаться только выводки, потому что холостые хотя и имеют привычки местового зверя, но их округ так велик, что исключает возможность правильной пешей охоты, а если иногда и убивают холостых волков на пешей ходовой охоте, то это не больше как счастливая случайность.

Характерная черта всякого местового зверя - это привязанность или привычка к своему округу. Только беспрерывным и горячим преследованием можно заставить местового зверя перейти границу своего округа, но и в этом случае, если преследование прекращается, зверь через некоторое время непременно возвращается, и только постоянным повторяющимся выгонянием или раной можно добиться того, что он вовсе покинет свой округ. В большинстве же случаев местовой зверь под гончими и не переходит границ своего округа, а кружится в нем. В этом отношении заяц и красный зверь представляют существенную разницу: заяц под гончими задает лишь круг, редко превосходящий три или четыре версты, и ведет собак непременно к старому месту, а выбившись из сил, только хитрым путанием следа старается избавиться от преследования: поэтому почти каждый заяц, в особенности беляк, осиливается и сганивается гончими недалеко от того места, где он был поднят, хотя бы ранее и уводил гончих сравнительно далеко. Лисица, напротив, держится в своем округе крепко сначала, до тех пор, пока у нее хватает сил держаться от гончих на безопасном расстоянии, или увертываться на угонках; но лисица не имеет способности путать свой след, как то делает эаяц и, когда силы начинают ей изменять, она вырывается из округа и идет напрямик. О волке в этом отношении нельзя сказать ничего положительного, - величина его

округа настолько велика, что не допускает точных наблюдений. Как было сказано в предыдущей главе, матерый волк иэ острова идет всегда ходко, что же касается прибылых, то они ведут себя в этом случав совершенно так же, как лисицы, т.е. сначала кружат в острове, а как начинают терять силы, так бегут напрямик, чем и объясняется мнение парфорсных охотников о том, что раз вырвавшийся в поля волк бывает скоро сгонен.

Все, что я сказал здесь о том, как ведет себя местовой зверь под гончими, относится к чернотропу или, вернее, лету и осени, зимой же, по белой тропе, все это сильно изменяется.

Истинное мучение доставляет пешему ружейному охотнику зверь набеглый, в особенности, если гончие хороши; в таком случае не один день пропадает у охотника даром, не один раз за осень придется ему вернутся без гончих, предварительно до боли в губах натрубившись где-нибудь на опушке, а потом долгое время дожидается он гончих дома, с замиранием сердца боясь эа их участь. И в самом деле, не одна добрая гончая пропадает ежегодно бесследно по милости того же набеглого зверя.

Набеглым зверем называется тот, который по каким-нибудь причинам покинул свой постоянный округ и в данное время кочует, т.е. не избрал еще постоянного нового места жительства или не вернулся в старый округ. Такой зверь под гончими не кружится, а уводит их прямо, всегда по тому направлению, откуда пришел. Расстояние, на которое набеглый зверь может увести гончих, не одинаково и зависит от вида зверя и от того, какие причины заставили его покинуть постоянный округ. Если он покинут вследствие испуга, то зверь редко уходит далеко - беляк не уйдет и двух верст, русак иногда несколько дальше, лисица может уйти верст за шесть. Если же причиной перекочевки был недостаток пищи, то дело изменяется относительно лисицы, которая я этом случае, в поисках эа новым привольным местом, может уйти и за пятнадцать или двадцать верст. Заяц, вследствие недостатка пищи, никогда не переходит сразу слишком далеко, можно даже сказать, что он редко меняет сразу свой округ по этой причине, а как бы передвигает его, расширяя в какую-нибудь сторону. Конечно, это объясняется обилием заячьей пищи повсюду.

Но такой набеглый зверь еще не беда; он хотя и попадается всегда, т.е. каждую осень, но не особенно портит пешую охоту, т.к. уводит гончих не далее как до покинутого им округа, где и начинает вести себя как обыкновенный местовой зверь. Случаи, чтобы лисица уводила гончих за десять или двадцать верст, все-таки редки, - обыкновенно дело ограничивается пространством в три-четыре версты, т.е. расстоянием, на котором в тихую погоду отчетливо слышен гон хорошей гончей, даже одной, не говоря о стае, а в погоду ветреную или глухую только новичок, да и то несметливый, не сумеет разыскать своих собак на таком, вполне доступном пешему охотнику расстоянии, и вся беда ограничивается потерей некоторого времени да уклонением от направления, которого хотел держаться охотник.

Совершенно другое дело при валовом эмиграционном движении какого-нибудь зверя - береги и береги, пеший ружейный охотник, своих гончих в такое время, конечно, если гончие не принадлежат к современным ублюдкам; эти не зарвутся, не уведут сумашедшую кочующую лисицу эа тридевять земель, они

благоразумно вернутся к хозяину после двух-трехверстного преследования; но беда в это время с хорошими гончими. Если гончие не молодые, хорошо нахожены и слушаются рога, который не употребляется охотником зря, каждую минуту, то еще есть надежда вернуть гончих вовремя; но если они молоды и вязки, да еще пеши вдобавок, - как раз их придется разыскивать верст за тридцать. С паратыми гончими дело другое, если подняли лисицу близко, то верстах на десяти-пятнадцати непременно ее осилят, но опять же вернутся к окотнику нескоро, ибо некоторое время проведут около задавленной лисицы.

К счастью, общее переселение лисиц случается не часто, а главное, редко в то время года, когда охотятся с гончими, - осенью; такие переселения бывают обыкновенно ранней весной, по настам, когда гончие вообще не могут гнать вязко.

Общее переселение зайцев случается гораздо чаще переселения лисиц, а недальние переходы из одного рода угодий в другие бывают по несколько раз ежегодно, но попасть с гончими на миграционных эайцев - не более, как скучно; каждый поднятый заяц сводит гончих на некоторое расстояние прямо, по большей части до какого-нибудь заразистого острова, где и начинает кружиться, и сколько бы зайцев ни подняли гончие, - все лезут по одному направлению и обыкновенно сводят гончих на одинаковое расстояние.

Причиной, почему переселяющиеся зайцы не уводят гончих далеко, надо считать их характер и манеру и все их переселения, которые они совершают малыми переходами и скоро свыкаются с каждым новым местом; к тому же по инстинкту они предпочитают отделываться от преследования своим характерным петлянием, что и заставляет их задавать круги в каждом подходящем месте. Впрочем, что здесь сказано о переселяющихся зайцах, всегда справедливо лишь относительно беляков, а русаки, случается, хотя и нечасто, уводят гончих не хуже лисиц.

Успешность ходовой ружейной охоты с гончими зависит от того, насколько охотящийся этим способом знаком с нравом и привычками зверей, на которых он охотится; это одна из тех охот, которая дается только настоящим сметливым охотникам и на которой никакие проводники и наставники не приносят никакой пользы.

Быстрая сметливость, умение пользоваться всяким местоположением, умение понимать с первого гона дальнейший ход зверя и здоровые ноги, - вот условия, необходимые для настоящего ружейного охотника с гончими и все эти качества могут развиться в достаточной степени только в человеке, которого гонит на охоту не неволя и не мода, а могучая сила, именуемая страстью.

Хотя местовой зверь под гончими кружится, тем не менее встретить его на этих кругах и встретить на ружейный выстрел, в чем и заключается задача ружейного охотника, не так легко, как это может казаться с первого взгляда. По той простой причине, что округ любого зверя - не клетка, а местность в несколько верст в поперечнике; зверь же чует, слышит и видит и пользуется этими чувствами, чтобы не нарваться на опасность.

Ходовая охота состоит в том, что охотник не задерживается одним каким-нибудь лазом, не стоит неподвижно во время гона, а, сообразуясь с его направлением и руководствуясь характером местности, а также известными ему

привычками гонного зверя, старается встретиться с ним. Начинающий охотник ошибается, если поймет эти мои слова в том смысле, что ходовая охота заключается в перехватывании зверя только в лесу. На охоте с гончими, если она производится в отъемах, так сказать, весь и шик заключается в том, чтобы убить зверя в чистом месте, для чего необходимо угадать лаз, которым зверь слезет из острова. Конечно, это возможно лишь в небольших отъемах, а в больших островах или сплошных лесах охотник должен поневоле становиться и перехватывать в лесу; но и тут настоящий охотник не полезет в чащу, а выбирает или дорожки, если таковые имеются, или более чистые части леса.

Здесь мы опять встречаемся с ложным взглядом, не скажу даже некоторых, а чуть ли не большинства ружейных охотников на ходовую охоту с гончими, а именно - ее считают чрезвычайно утомительной, по случаю, видите ли, того, что надо будто бы бегать, бегать и бегать, чтобы перехватить гонного зверя, чтобы попасть вовремя на лаз. Бегают, высунув язык, на охоте с гончими или новички "загорающиеся" и не владеющие собой, или кто не понимает толку вообще в охоте, ибо бегание до изнеможения не составляет принадлежности ни одной правильной пешей охоты. Я не говорю, что на ходовой охоте совсем не приходится бегать, а случается, но не больше - и случается тем чаще, чем охотник плоше, потому что бегом приходится наверстывать то, что не сообразил заранее. Если охотник знаком с привычками зверя, на которого охотится, и умеет понимать и принимать во внимание особенности местности, то он почти всегда успеет еще задолго вперед зверя занять удобное место на его пути, т.к. зверь задает круги, а перегнать и гончих и зверя пешком нельзя. Но если на ходовой охоте и случается иногда пробежать, зато и стоять подолгу на одном месте приходится часто.

Чем меньше участвует охотников на ходовой охоте, тем лучше; если охотников много, то весьма легко может быть ранен нечаянно кто-нибудь из участвующих, т.к. они переходят с места на место и часто, находясь очень близко один от другого, не замечают друг друга, тем более что переходят или перебегают, соблюдая тишину и затаиваясь. В местах открытых, т.е. в отъемах или полях, где передвижение охотников и стрельба происходит исключительно на открытых местах, участие нескольких охотников не так опасно, но здесь надо непременно соблюдать известное правило; во-первых, становиться друг от друга на такую дистанцию, чтобы бегущий между зверь мог бы быть убит дальним ружейным выстрелом, но чтобы заряд, достигнув другого охотника, потерял бы силу и не был опасен; во-вторых, охотники должны становиться на таком расстоянии от опушки, чтобы успеть выцелить и выстрелить по зверю ранее, чем он поравняется с соседним охотником. Последнее правило особенно необходимо соблюдать при быстрой расстановке цепи на узких перемычках, дорожках или просеках, где все охотники должны становиться в противоположную опушку от той, из которой ожидается зверь, тем больше, что соблюдение помянутой дистанции между охотниками в узких местах неудобно, и если охотники станут зря, т.е. посредине дорожки, то или им приходится пропустить зверя без выстрела, или тем же зарядом угостить соседа. В сплошных лесах, кустах или бурьянах, где охотники по необходимости перехватывают зверя в закрытой местности, не видя друг друга, участие многих охотников безусловно опасно и должно быть избегаемо всеми

благоразумными охотниками. Правда, что у некоторых любителей принято за правило, что переместившийся охотник, заняв новое место, подает голос, но, во-первых, это не устраняет совершенно возможности быть подстреленным, ибо точно определить место по голосу трудно, а во-вторых, тем же криком охотник предупреждает и зверя, что при заячьей охоте хотя и не имеет значительного влияния, но не может быть и полезно, а на красного зверя охотникам с подобными правилами не приходится и взглянуть.

Кроме того, что ходовая охота большой компанией опасна, многолюдство на ней и неприятно: никто из участвующих на ней не может быть уверен, что ему придется стрелять, какое бы отличное место он ни занял на пути гонного зверя, ибо другой охотник, может быть, уже перенял путь зверя впереди его. Непременно начинает играть первостепенную роль быстрота ног, каждому хочется перехватить зверя, так сказать, в "обрез", т.е. на таком коротком расстоянии, чтобы никто из товарищей не мог поспеть вперед, и результатом бывает беготня, а следовательно, отпугивание зверя от товарищей и отсюда неприятности. На таких бестолковых охотах попами обыкновенно остаются настоящие охотники, привыкшие охотиться правильно, а не носиться, как сорвавшийся баловник, молодой сеттер. Впрочем, и жадные бегуны выезжают только на зайчишках, а лиса или волк выпадают на их долю в виде редкого исключения.

Сторонники многолюдных компаний на ходовых охотах с гончими обыкновенно оправдываются тем, что многими охотниками зверь легче и скорее бывает перехвачен, а гончие в день поднимут больше и больше будет убито. Что эверь перехватывается скорее, если охотников много, справедливо только в том случае, если на охоте нет дельных охотников, а знаток перехватит и в одиночку скорее, чем то сделает целая ватага. Что убивается на таких охотах больше, это - вещь условная: на заячьей охоте, при многих ружьях общее количество добычи бывает больше, но каждый охотник убивает всегда меньше, чем если бы охотился в одиночку. Я вовсе не хочу сказать, что охотиться исключительно в одиночку лучше; вдвоем или втроем заячья охота несравненно веселее, но для этого необходимо, чтобы охотники были настоящие и соблюдались дисциплина и принятые правила. На какого бы зверя ни производилась ходовая охота, гончие необходимы настоящие ружейные, нахоженное исключительно для ружейной ходовой охоты, и охота будет тем удачнее и веселее, чем гончие будут ближе подходить качествами к тем, которых я описал под названием "ружейных гончих"; здесь же я только повторю, что, кроме хорошего чутья, необходимое качество таких гончих должна быть вязкость, т.е. чтобы они гоняли вязко и дружно без доезжачего; только с такими гончими на ходовой охоте зверю нет уходу, - охотник на нескольких кругах может и не перехватить зверя, но он все-таки в конце концов будет или перехвачен охотником, или сдастся и попадет в зубы гончим.

Самая обыкновенная охота с гончими ходовым способом - это охота по зайцам. Она самая веселая для тех, кто любит пострелять, т.к. она самая легкая, не требующая особой сноровки, необходимой на охоте по умному красному зверю, а главное, легкая потому, что зайцев сравнительно так много, что перехватывать гонного не особенно и важно, - многие выезжают исключительно на шумовых.

Но, - увы! - бедным присяжным зайчатникам приходят плохие времена - зайцев становится меньше и меньше. Уничтожение псовых охот гибельно отозвалось и на бедном, недавно столь многочисленном заячьем народце - чрезмерное размножение лисиц бесспорно было главной причиной страшной убыли зайцев, но, кроме того, на заячий род обрушилась новая беда, пожалуй, гибельнее первой, это - повальная болезнь, болезнь легкого и печени, в связи с какими-то подкожными водянистыми пузырями или нарывами. Эти две напасти, вместе взятые, имели следствием то, что в местностях, где убить двадцать беляков в день на одно ружье или затравить штук двенадцать по пороше в короткий ноябрьский денек на одну свору было делом самым обыкновенным, теперь с отличными гончими считаешь охоту удачной, если убьешь штук шесть, а случается - за день и тройки не поднимешь.

Зато и часто же теперь приходится слышать, что совсем и гончих держать не стоит: нет-то и нет ничего! Преимущественно в таком огорченном настроении обретаются те, кто привык пробавляться шумовыми, кому Бог не дал разумения, чтобы перехватывать гонных и бить лисиц, которых теперь хоть отбавляй. Не последнюю роль играет и неумение находить зайцев по состоянию погоды. Прежде, когда зайцев, как говорится, был "бурун", когда от гона доброй стаи они сыпали иэ каждого отъема, так что глаза разбегались, перемены погоды и соответственное переселение зайцев иэ одного рода угодий в другой, не имело для охотника большого значения: всегда и везде были запоздалые, которые сводили гончих на переселившуюся массу, да и без нее одних запоздалых и отсталых хватало; только замечали охотники, что что-то странно, - матерых нет.

Дело в том, что матерые беляки чувствительнее к переменам погоды и их переселения гораздо определеннее, т.е. даже короткая или внезапная перемена погоды не застает их врасплох и их переселение начинается даже несколько заранее, так что, по всей вероятности, они предчувствуют перемены погоды, хотя, по-видимому, незадолго. Прибылые, напротив, лишены этой способности и только совершившаяся перемена заставляет их начать переселение, которое они совершают не вдруг, как матерые, а постепенно и не сразу находят подходящие угодья. К тому же прибылые беляки в этом отношении делятся по возрастам: чем старше прибылой, тем скорее после перемены погоды он переселяется, и наоборот: чем он меньше и моложе, тем крепче держится старых угодий. Поэтому-то и случаются нередко охоты, преимущественно в августе, на которых целый день гончие не поднимают ни одного не только матерого, то и раннего настовика, и целый день гон идет по мелочи в кулак ростом, а охотники диву даются - куда же делись родители? Впрочем, бывают исключения и между матерыми: из них запаздывают больные и подстреленные, которых легко узнать поздней осенью по невылинявшей летней шерсти, а также запаздывают или совсем не переселяются щенные зайчихи, которые, хотя и редко, но попадаются в сентябре и даже начале октября.

Переселения беляков сообразно переменам погоды, вероятно, совершаются везде, но в какие угодья они переходят в различных местностях от одних и тех же перемен, вероятно, не всюду одинаково, а потому я буду говорить в этом

отношении только о той местности и тех угодьях, в которых производил наблюдения.

Главную причину переселения беляков и переселения поголовного составляют засухи. Близость воды есть насущная потребность беляка, и в этом отношении он составляет противоположность русаку, который часто встречается а местностях, на далекое расстояние лишенных воды. Причиной этому я считаю розницу характеров, а отсюда и округов того и другого. Беляк - это домосед и лентяй, старающийся избрать себе такое местопребывание, чтобы и жировка, и водопой были бы под носом, и если чего-нибудь у него не хватает, то он совсем покидает старое место и отправляется на поиски удобнейшего. Бодрый и подвижный русак, напротив, не ставит себе в труд сбегать к водопою и за несколько верст, если местность в других отношениях представляет ему удобства. Как бы там ни было, но не подлежит сомнению, что в очень сухое время в местах, где воды нет, беляков искать нечего: все они переселяется к речкам, ключам или невысохшим болотинам, и если засуха сильна, а вода осталась в немногих редких местах, то около них можно найти скопившихся беляков иногда в огромном количестве. Во время ровной погоды, не сухой, но и не мокрой, беляки распределяются равномерно, а некоторых местам предпочитают в начале осени лиственные леса, а к концу - ельники и можжевеловые заросли.

Исстари у охотников существует примета, что забойные дожди или сильные ветра во время листопада выгоняют зайцев в поля и леса. Примета эта справедлива только для тех местностей, где леса или чисто лиственные или смешанные. В таких местностях причина выселения зайцев из леса во время мокроты очевидна, - им нет спасения от капели, которой они не любят, а шум падающего листа в сухой и сильный листопад их пугает, в особенности при возвращении с ночной жировки, и это заставляет их ложится в открытых полях и лесах, в кочках или можжевеловых кустах, а за неимением таковых просто в полевых межах, безразлично, в жнивах или зеленях, где охотник и должен искать их в такую погоду. Но там, где преобладает хвойный лес, в особенности еловый, беляки в дождливую погоду его не покидают, а листопада там нет, монотонного же шуму ельника во время ветра зайцы, по-видимому, не боятся. Только во время продолжительных ненастий зайцы в таких лесах сдаются по опушкам или вообще туда, где отдельные низкорослые ели опускают сучья до земли, образуя природные шалаши, под которые косые и ложатся, укрываясь от дождя и капели; в то же время многие из них перебираются в густые заросли папоротников, которые, вероятно, также доставляют им надежную защиту. В местностях, где хвойные леса чередуются с лиственными, во время сильных дождей или сильного сухого листопада беляки держатся преимущественно лесов хвойных; в особенности это замевукнетримии тиртно в местностях очень лесистых, где вообще полей и чистых лесов мало и эти небольшие открытые места слишком чисты, чтобы доставить удобные лежки зайцам.

Кроме вышепоименованных причин переселения беляков, случаются переселения, также зависящие от погоды, но от какой именно, сказать положительно не могу по недостаточности наблюдений, результат которых до сих пор, по-видимому, сводится к тому, что иногда причиной переселения бывает

известное направление или известная сила ветра, а что из двух, пока сказать не могу и выдаю сказанное лишь за гипотезу, для разрешения которой не мешало бы людям, интересующимся жизнь. животных, произвести наблюдения.

Независимо от переселения по состоянию погоды, зайцы периодически переходят из одного места в другое, сообразуясь с тем, где они находят подходящую по времени года пищу. Но эти переселения и их время так хорошо известны не только всем охотникам, но и просто всем деревенским жителям, что о них не стоит и говорить подробно. Всякий разумный мужик расскажет желающему, что летом и до жатвы зайцы держатся в яровых полях, преимущественно около овсов, а осенью и по первозимью - в озимых (зеленях). Я только прибавлю, что в местностях, покрытых сплошными хвойными лесами, беляки обходятся без соседства полей и даже мало их посещают, если они и есть поблизости; в таких местностях они жируют на расчищенных лесных порубах и покосах, или на чистых закрайках болот, в осоках: около таких осок все лето, осень и первоэимье беляков всегда достаточно.

О переселениях русаков по чермотропу я сказать положительного ничего не могу, потому что в нашей местности их сравнительно немного, но переселения эти существуют.

Бывает (было в 1879 году), что с лета прибылых зайцев очень много, но в начале осени они как-то быстро исчезают; большая часть охотников в таком случае говорит, что прибылые куда-нибудь отшатнулись. Прежде и я думал так же, но теперь полагаю, что такое исчезновение причиняется какой-нибудь повальной болезнью. Думью я это потому, что прибылые после исчезновения больше не появляются не только осенью, но и зимой, а поэтому, зная, что матерые всегда перекочевывают прежде прибылых, а также и то, что, охотясь по разного рода угодьям и на больших расстояниях в продолжении всей осени, только изредка встречаешь уцелевших прибылых, я и полагаю, что вернее приписать исчезновение заячьей молодежи какой-нибудь болезни; но это не более, как мое предположение.

Начиная готовить в печать эту главу моих записок, я намеревался подробно говорить о заячьих лазах, но или у меня не хватает умения, или в самом деле это не поддается подробному описанию, но оно у меня выходит таким растянутым и, по моему разумению, скучным, что я отказываюсь от этой задачи. К тому же предусмотреть все случайности, все виды местностей и каждое могущее быть уклонение окончательно нет возможности и невозможно письменно советовать занимать такие или другие лазы или перелазы. Об этой материи можно написать хоть целое большое сочинение, с кучей необходимых при этом планов, но начинающий охотник мало выиграет, если и изучит подробное руководство. Гораздо лучше учиться этому в поле с доброй стаей гончих, где молодой и сметливый охотник живо приобретает то охотничье чутье и сноровку, которые удивляют людей, мало знакомых с этого рода охотой.

Впрочем, есть, не скажу некоторые правила, а некоторые приметы, которых в незнакомой местности не мешает придерживаться. Например, вернейший перелаз беляков из одного отъема в другой, по большей части, находится там, где отъемы ближе сходятся; также более шансов, что беляк слезет низиной или вдоль ее, или,

наконец из какого-нибудь выдающегося угла леса, но опять-таки повторю, что никакого положительного правила относительно лазов вывести невозможно.

Многие охотники, охотясь постоянно в одних и тех же местах, заучивают лазы в этих местах наизусть и постороннему наблюдателю кажутся необыкновенными знатоками, но некоторые из этих знатоков, завезенные в незнакомую местность, теряются в ней. Говорю я это для того, чтобы молодежь, желающая сделаться хорошими охотниками, избегала охотиться постоянно в одной местности, ибо в ней охота уже не требует сообразительности и идет как бы автоматически, по-моему, теряя всякий интерес.

Но да не подумает молодой охотник, что перехватывание зверя из-под гончих - какая-нибудь особая хитрость, - все тут основано на знании характера и привычек зверя, т.е. на способности охотника делать наблюдения и применять их на практике в свою пользу. Как бы опытен ни был охотник, он, однако, никогда не может ручаться за то, что скоро (на первом кругу) перехватит каждого гонного зайца - индивидуальная особенность играет и здесь не малую роль и редко два зайца ведут себя под гончими совершено одинаковым образом. Конечно, большинство зайцев, в общих чертах, ведут себя сходно, но и между ними попадается особенные мастера, с особенными привычками, одурачивающие как охотников, так и отличных гончих.

Но вот мой совет новичку, как он должен себя вести, чтобы и с первых полей ходовой охоты не возвращаться попом, чего, конечно, никому не хочется. Если гончие хороши, т.е. верны в гону и вязки, а только с такими и можно учиться этой охоте, то новичок должен заметить на первом кругу место, которым пролез заяц, и спокойно на нем поместиться; обыкновенно на втором или через несколько кругов заяц идет тем же местом, и от охотника требуется в этом случае только терпение. Нередко заяц проходит по нескольку раз одним и тем же местом из одного отъема в другой, и вообще вернее человеку, еще мало знакомому с этого рода охотой, становиться там, где заяц уже разом прошел, и главное, не пороть горячку, не бросаться перехватывать зайца "в свежем месте", - придет время, когда охотник научится и этому, но если новичок, глядя на опытных охотников, вздумает им подражать, то для него это вернейший способ вернуться попом.

На охоте с гончими большое значение имеет то, насколько крепко держится заяц в лесу; обыкновенно говорят, что чем позднее время осени, тем ходчее беляк бежит из острова, и опять же это справедливо только относительно лиственных лесов. Пока такие леса одеты, они густы и эаяц покидает их неохотно, но коль скоро лист осыпался, тот же лес делается с виду редким и эаяц не находит в нем достаточной защиты; к тому же опавший лист шумит под ногами и пугает труса. И то, и другое делает то, что беляки в это время идут очень ходко, нередко не задав и одного круга лесом. В мелких хвойных лесах или крепких зарослях можжевельника беляк держится одинаково всю осень, и выжить его оттуда во всякое время несравненно труднее, чем из лиственного леса. В таких лесах или зарослях он легче обманывает гончих, чему способствует то обстоятельство, что всякие гончие в них гоняют менее парато и беляк имеет время петлять и делать скидки или, даже прижатый к опушке, он проскальзывает назад мимо гончих, или между ними, т.к. в

еловых и можжевеловых чащах всякая стая идет несколько врассыпную, не свертываясь в плотную кучу.

Русак, как зверь полевой или степной, редко и под гончими кружит в лесу, он сразу вырывается в поля, которыми и задает большие круги, но круги в высшей степени правильные, так что убить его из-под хороших вязких и непременно паратых гончих нетрудно. Беляки, хотя по природе жители лесов, даже иногда кружатся полями, но обыкновенно круги их менее русачьих; всего чаще это бывает поздней осенью, в туманные или морозные дни, но и во всякое время случается натыкаться но беляков со всеми привычками русаков. Чем объяснить это - я не знаю, но совсем несправедливо мнение некоторых охотников, утверждающих, что беляков у нас два вида - полевой, со светлой желтоватой летней шерстью, и лесной, с темной. Разница в цвете есть, но разница эта только в оттенке, а если, основываясь на оттенках, начать различать виды, то им не будет конца и края, придется делить и волков, и лисиц, и медведей, наконец, простых полевых тетеревей на множество видов. Наконец, если бы и в самом деле существовало два вида беляков, то нет никакого основания один иэ них называть полевым, а другой - лесным, ибо и в полях и в лесу попадаются беляки светлые и темные совершенно безразлично.

Всем охотникам хорошо известно, что заяц - животное ночное; ночью он ест (жирует), ходит на водопой, наконец, резвится и играет; рано утром, всегда до восхода солнца, он путает след, двоит, троит, делает большие скачки в сторону (сметки или петли) и, наконец, ложится в куст, густую траву, межу или водомоину, где и проводит, притаившись, весь день, опять до заката солнца. Но лежит заяц днем неодинаково крепко: в морозную или сухую и ясную погоду он вскакивает от незначительного шума, человека или собаку не допускает на расстояние ружейного выстрела, а от гона стаи в такую погоду шумовые так и сыпят иэ острова, - ни один косой не выдержит характера и непременно вскочит. Совсем другое дело в теплую, сырую или пасмурную погоду: тут зайцы лежат так крепко, что подпускают вплотную и вскакивают только из-под ног человека или из-под носа гончей; в такие дни шумовых всегда меньше, а гонные при всяком удобном случае затаиваются и лежат опять очень крепко. Но относительно охоты с гончими ни та, ни другая погода не считается особенно удобной; для нее всего лучше среднее состояние погоды, т.е. чтобы было и свежо, и не сухо, и не мокро, а я даже замечал, что в совершенно тихие дни гончие работают несколько тупее, чем при легком ветре, но опять-таки сильный ветер совершенно портит гон.

Порядок ходовой охоты зависит от местности, в которой она проводится: если острова не маленькие, а главное - зайцев много, то, бросив гончих в остров, не приходится целый день переходить в другой, ибо работы и гончим и охотникам хватает. Но теперь таких благодатных уголков, где не приходится за день ни разу и крикнуть, подбадривая гончих на розыск, т.к. они лишь только разомкнуты, уж и подхватили, а стрельба гон не прерывает, он идет себе чередом по свежим и свежим зайцам, - где невольно дивишься количеству зайцев, которые так и снуют по всем направлениям, - таким уголков, повторяю, осталось немного. Приходится теперь обыкновенно, разомкнув гончих, идти "ходом", идти иногда долгое время, покуда удастся выжлятам найти косого. В таких бедных, неэайчистых местах, если

охотников двое или трое, они должны равняться и один иэ них должен порскать, с чем сообразуясь, двигаются и остальные охотники и рассыпавшиеся гончие. Если на красного зверя не рассчитывают, то и все охотники могут покрикивать, и тогда больше шансов скорее взбудить эайца; но охотники никогда не должны орать без перерыва и без толку, а манера есть у многих, которые так увлекаются, что даже не слышат помычки гончих. Каждый охотник, равняясь, должен кричать изредка и сейчас же прислушиваться; если гончая отозвалась вдали и другие охотники не слышат, продолжая покрикивать, то заслушавший должен громко крикнуть "слушай!". Конечно, охотники должны условливаться между собой о направлении, которого будут держаться.

Относительно добычливости охота ходовым способом должна занимать в ряду других охот, не только с помощью гончих, но и всякими иными способами, одно из первых мест. Без сомнения, в местностях, где заяц сделался редкостью, никакие способы не могут быть добычливы, но достаточно сказать, что почти все зайцы, поднятые за день хорошими гончими, не только могут, но должны быть убиты настоящим охотником.

Но главный интерес ходовой охоты заключается в ее разнообразии. Почти все другие способы охоты по зверю слишком односторонни, т.е. уже если охотиться по какому-нибудь зверю, то на другую добычу рассчитывать нельзя, или она достается как-нибудь не совсем обыкновенным образом. На охоте же с гончими никакой зверь и даже птица не застрахованы от выстрела охотника - все зависит только от его умения управлять гончими и, так сказать, собой и от приемистости гончих. О тетеревах и говорить нечего: в жаркие дни в начале осени ловко направленные гончие, сами того не сознавая, нагоняют их на ловкого ходового охотника, и в то же время охота с легавой редко доставляет столько убитых тетеревей, - но и красный зверь частенько делается нежданной добычей. Не раз мне приходилось, отправившись на охоту с скромным намерением пострелять зайцев, убивать волков, барсуков и хорьков, а лисицы попадаются сплошь и рядом, когда на них совсем и не рассчитываешь.

ГЛАВА VII

Охота на лисиц - Как ведет себя лисица под гончими - О красногонах и сколько их надо для лисьей охоты - Нечто о новом учении о красногонах - Логова - Охота и как должен вести себя охотник - Норы - Верховая ружейная охота с гончими - Лошадь и седловка - Гончие - Зимняя охота на лисиц, на русаков - Охога с предварительным обкладыванием –
Неудобства зимней охоты с гончими в нашей местности

Большинство уверено, что убить лисицу из-под гончих хотя и можно, но это не больше, как счастливая случайность, и что правильной охоты с гончими существовать не может. Если этих неверующих спросить, на чем основано их неверие, то всегда начинается нескладная, режущая слух настоящему охотнику песня о необыкновенной хитрости лисицы, как всегда уводить гончих в недосягаемую даль.

Настоящая причина неверия в возможность ружейной охоты с гончими по лисицам кроется в тупом рутинизме, с которым обыкновенно производится охота с

гончими, и в недостатке в самих охотниках наблюдательности, необходимого качества, без которого не могут выработаться правила для новой, малоизвестной работы. Немало также между неверующими оказывается и обладателей тех драгоценных гончих, которые относятся с полным равнодушием ко всякому иному зверю, кроме зайца, - и недостатком хороших красногонов объясняется, главным образом, то, что из всего количества ружейных охотников с гончими только очень небольшая часть охотится по лисицам правильной охотой. Охотясь с хорошим красногоном, надо быть слишком наблюдательным, чтобы не понять, как надо себя вести, чтоб удачно стрелять кумушек.

Как и большинство современных ружейных охотников с гончими, я получил охотничье воспитание в школе старых псовых охотников, которые о ружейной охоте не имели ни малейшего понятия. Гончих я имел с самого начала своих охотничьих дебютов, но охотился только с грехом пополам, исключительно по зайцам, а лисица попадалась иногда случайно и уходила обыкновенно невредимой, т.к. при виде ее руки и ноги тряслись неудержимо. Самозванные "старые охотники", как и водится, поддерживали во мне уверенность, что для ружейного охотника, да еще с вольной ружейной стаей, лисица - зверь недосягаемый. Гончие были у меня тогда самые заурядные: набирал я их из псовых охот; все это были английские ублюдки, невязкие, нечутьистые, злые, но незлобные, гнавшие всегда вразброд, не выдерживавшие и одного круга, а я был убежден на основании глупых россказней, что без доезжачего так и быть подобает.

Но вот однажды мне привели продавать смычок совершенно волкообраэных гончих, совершенно не похожих на моих. Немедленно был собран совет из имевшихся налицо авторитетов по части псовой охоты, который и решил, что это "самые настоящие костромские гончие", но вряд ли они будут мне годиться, ибо это гончие "страшные неслухи" и потому-то их почти всюду в охотах перевели.

С точки зрения псовых охотников, смычок купленных волкообраэных гончих, действительно, оказался "неслухами", но в первые же охоты с ними мой взгляд на ружейную охоту изменился. Верно и вязко гоняли они всякого зверя, нередко на время уводя лисиц из слуха, - а я обучался, как надо перехватывать. В первую же осень охоты со смычком я обучился уже настолько, что убил девять лисиц, не считая промахов, да пару сгоняли гончие.

Лисица, как и заяц, по природе местовой зверь. Округ местовой лисицы всегда доступен для охоты с гончими пешего ружейного охотника; приблизительно самый большой округ лисицы бывает настолько обширен, что, задавая под гончими круг, она уводит их из слуха охотника, но на самый короткий промежуток времени. Такие большие округи встречаются только или в совершенно чистых местах, или в сплошных лесах, но в обыкновенных отъемах и островах, кроме того, что и округ лисицы всегда меньше, она и ведет себя под гончими так же, как заяц, т.е. не любит покидать тот отъем или остров, в которых ее подняли гончие. Если отъем заразист и достаточно велик, а гончие гоняют ровно, то в обыкновенное время осени лисица способна держаться в одном острове замечательно долго, так что в этом отношении она может перещеголять даже прибылого беляка.

Однако кружится лисица на маленьких или больших, но правильных кругах под гончими только при следующих условиях: если гончие гоняют хотя и азартно,

но ровно, без порывистости; паратость имеет влияние только на величину и правильность круге. Под пешими гончими лисица способна кружиться в каких-нибудь пяти десятинах заразистого места чуть не целый день, и т.к. преследование пеших гончих ей неопасно, то круги ее бывают самые неправильные, - одним словом, под пешими гончими лисица путается. Чем паратее гончие, тем лисица задает большие круги, но в то же время они делаются правильнее, и хотя она чаще вырывается из отъемов, но также чаще, пробежав известный круг, уже уходит старым следом, задавая, таким образом, по нескольку раз один и тот же круг, как лошадь в манеже. Второе и самое главное условие, чтобы лисица кружилась под гончими на маленьких или правильных кругах, это чтобы во время гона она не была бы испугана. К преследованию гончих лисица скоро, так сказать, привыкает и часто идет впереди их на большом расстоянии, шагов на сто - двести. Бывает, что с первого гона, быстро задав небольшой круг, она нагоняет гончих сзади и ходит потом за ними, а гончие, чуя постоянный свежий след, гонят по зверю, который держится позади их. Странно, что эту проделку выкидывают обыкновенно молодые лисицы. Но насколько лисица мало боится правильного гона одной или нескольких гончих, настолько же она пугается всякого другого подозрительного звука или встретившегося предмета. Несмотря на быстрый аллюр и на то, что, по-видимому, все ее внимание бывает обращено на преследующих ее собак, лисица не пропускает без внимания ничего, что может ей показаться подозрительным. Достаточно, чтобы в стае был один перечун, чтобы сбить лисицу с правильных кругов, достаточно ей услыхать неосторожную походку человека или его голос, не говоря о выстреле. Мало того, если лисица зачует хоть издали присутствие человека или попадет на его свежий след, - правильные или маленькие круги как рукой снимет; начинаются громадные и "неаккуратные", постоянно расширяющиеся круги, а если испуг был силен, например, неудачный по ней выстрел или близкий крик, нередко круги сразу прекращаются и лисица дует напрямик.

Величина кругов лисицы под гончими зависит не только от местности и быстроты, с которой идет преследование, но также и от некоторых других причин. Так, лисицы нагоненные, т.е. часто подвергавшиеся преследованию гончих или уже стрелянные из-под них, всегда сразу идут на больших кругах, а то так с первого же гона бросаются прямо, уводя гончих более или менее далеко, и только по миновении опасности возвращаются в свой округ. Но и такая лисица боится кружить под гончими лишь в месте, где она была прежде испугана, а уводя гончих за несколько верст и попав в удобное место, она в нем все-таки начинает вертеться, так что и такие лисицы не застрахованы от ловкого и сообразительного охотника, конечно, при настоящих красногонах, которые не боятся нескольких верст прямого гона.

В сильный мороз, заковавший землю, и в сильный густой туман лисица всегда задает большие круги, чем при другой погоде, а самые маленькие бывают в сильный ветер или поздней осенью, в "глухие" дни. Последние названы, может быть, не совсем понятно; "глухими" днями называются те серые, но не туманные дни, когда густые и низкие облака цепляют верхушки леса; несмотря на полное отсутствие ветра, при такой погоде звук слышен плохо, даже выстрел замирает, не

давая в лесу отголосков. На многих людей такие дни наводят уныние, но охотникам в эту погоду унывать некогда; даже те, у которых нет гончих, целый день охотятся за беляками "на уэерку", ибо в такие дни беляки подпускают очень близко. "Глухие дни" в нашей местности бывают только в конце октября и в ноябре, если он стоит бесснежный.

Что лисица в сильный ветер и в глухие дни ходит под гончими на меньших кругах, - объясняется тем, что при том и другом состоянии погоды голос гончих плохо слышно, и гонная лисица беспрестанно останавливается, чтобы прислушаться, а по общему правилу, после каждой остановки непременно уже изменяет направление бега.

В ясные, тихие, морозные дни, напротив, звук слышен отчетливо чрезвычайно далеко, поэтому гонная лисица не теряет гончих из слуха и идет ходчее на больших кругах. В туман сравнительно большую величину кругов я объясняю тем, что лисица не боится покидать лес, сознавая, что и на открытом месте она надежно скрыта туманом. Кроме того, после многих наблюдений я пришел к убеждению, что и в очень сильный туман всякий зверь плутает, т.е., не имея возможности ориентироваться посредством зрения, он иногда бродит совсем на удачу и, видимо, попадает часто не туда, куда хотел. Заметно это бывает даже на непреследуемом звере, а гонный, и в особенности под паратыми гончими, которые не дают ему подвигаться осторожно, он, случается, забегает "с размаху" в совершенно неподходящие места. Несколько раз случалось, что в сильный туман лисицы под гончими забегали в деревни, а в ясную погоду этого не бывает. В сильный туман в ровной и однообразной местности даже нельзя сказать, что лисица кружит, - она "шляется" без всякого порядка, чаще полями, и сказать, что при таких условиях она не уведет гончих далеко, нельзя: лисица и сама бежит на удачу.

Как я уже сказал, местность имеет влиянив на ход лисицы. В открытой, т.е. полевой или в подчищенных лесах, а ровно в сплошных лесах лисица всегда ходит на широких кругах, даже и под пешими гончими, почему с таковыми и охота в вышеозначенных местностях неудобна, т.к. лисица для них часто делается удалелой. Всего удобнее для охоты ходит лисица в ровной местности, в хороших, средней величины и заразистых отъемах, тут круги ее самые правильные, в особенности под паратыми гончими, но и под пешими она ведет себя настолько смирно, т.е. не уходит от гончих далеко, что держат и пешие хорошо, только круги лисицы под пешими гончими неправильны и надо несравненно больше навыка, чтобы охотиться удачно с пешими гончими.

Всего неаккуратнее ходит лисица в гористой и овражистой местности. Тот охотник, который привык охотиться в ровных местах и удачно бьет в них лисиц, попав первый раз в горы, становится в тупик, ибо здесь ход лисицы особый, имеющий мало общего с тем, с которым охотник привык иметь дело на равнинах. Но неаккуратность этого хода только относительная, и сметливым охотником он скоро постигается. Дело в том, что в горах сильные отголоски, которых пугается лисица; она в одно и то же время уходит от преследующих ее гончих и пугается отголосков. Как известно, в горах часто не слышно самих гончих, но слышно эхо их гона, и ему повинуется гонная лисица, которая поэтому нередко бросается

навстречу гончим или внезапно круто изменяет направление, повинуясь испугу, причиненному вдруг раскатившимися впереди или сбоку отголосками. Но сами по себе круги лисицы в горах невелики, обыкновенно они ограничиваются одной лесистой горой, вокруг которой лисица и водит гончих, или, если на изввстном пункте горы отголоски особенно сильно слышатся впереди лисицы, она переходит на другую гору и с нее, задав круг, обыкновенно старым следом возвращается обратно. Но это бывает реже; чаще от раздавшихся встреч сильных отголосков лисица бросается прямо в гору и переваливается на другую ее сторону и там поворачивает опять вокруг той же горы, смотря по тому, откуда слышны голоса гончих и, конечно, в противоположную сторону от них.

***

Каких и сколько надо гончих для правильной ружейной охоты по лисицам?

В этом вопросе не соглашаются даже дельные охотники, одинаково удачно бьющие лисиц.

Главные же споры обыкновенно бывают о том, паратые или пешие гончие предпочтительнее для этой охоты.

Если бы такие споры происходили между охотниками различных местностей, например, между степными и лесными, то это бы было весьма понятно; большая часть из нас склонна громко высказывать такие абсурды, как, например, что всюду следует держать псовых борзых, а все остальные ни к черту не годны, или наоборот. Господ, всегда имеющих претензию на авторитетность в деле охоты, убедить в том, что каждая порода охотничьих собак хороша в своем месте, бывает не только трудно, но и невозможно.

Но споры о пеших и паратых гончих для лисьей охоты зачастую происходят между соседями, охотящимися не только в одинаковых, но и в одних и тех же местах.

Дело в том, что в большей части местностей можно одинаково удачно охотиться и с пешими и с паратыми гончими, - все зависит от привычки охотника к лисьему ходу под теми или другими собаками. Но нельзя не заметить того факта, что охотник с пешими гончими больше бьет прибылых лисиц, ибо они вообще смирнее и не так отдаляются от гончих с первого гона, как матерые, которые в местах полевых пешим гончим почти недоступны.

Охотясь с пешими гончими, надо быть более осмотрительными, более обращать внимания на направление ветра, бойчее поглядывать по сторонам и лучше затаиваться, ибо лисица под такими гончими бежит и тише и осторожнее, делает частые повороты и является нередко совсем не с той стороны, откуда ее ждет охотник; поэтому, охотясь с пешими собаками, надо хорошо изучить привычки лисицы, чтобы замечать ее прежде, чем она заметит засаду, и нельзя не отдать справедливости тем, кто удачно охотится с пешими гончими, что они обыкновенно лучше знают ход лисицы, чем тем, кто охотится с паратыми.

С паратыми гончими охота вернее и проще, хотя от охотника и здесь требуется все то же, что и при охоте с пешими; но часто оплошность с его стороны, которая при охоте с последними непременно повела бы к неудаче, с паратыми сходит благополучно: лисица, преследуемая быстро, не может быть так настороже, как при вольном аллюре: гончие "висят у нее на хвосте", и ей нет времени

разглядывать, разнюхивать и вилять по сторонам, а потому она сравнительно легко появляется в виду охотника не настоящим лазом. Паратые гончие верно указывают ее ход, и охотник верно ждет зверя из-под них, зная, что он не мог значительно взять переда, в особенности на втором или третьем кругу, когда первый испуг лисицы миновал. Кроме того, в случае неудачного выстрела, если легко раненая лисица, а то так просто испуганная пуделем, сильно наддаст, паратые гончие тут как тут, и гон не прерывается. С пешими дело другое: испуганная или легко царапнутая лисица успеет удрать за версту, а то так и гораздо дальше, прежде чем они доберутся до места выстрела: след к тому времени уже значительно простывает и бедной пехоте приходится "добираться", а частенько и вовсе терять при неудобных условиях почвы или погоды.

Но независимо от того, паратые или пешие гончие предпочтительнее для этой охоты, что, после местных условий, вполне зависит от личного вкуса охотника, остальные качества гончих, необходимые для правильной охоты, остаются всегда и везде неизменными. Как я уже сказал, недостатком и хороших красногонов отчасти объясняется тот факт, что из всей массы ружейных охотников с гончиии только малая часть, даже скорее единицы, охотятся по лисицам правильной охотой. Между тем, таким гончих, которые гонят по лисицам: совсем немало. Большинство ружейных охотников на вопрос об их гончих обыкновенно отвечают, что они по лисицам гонят, и в доказательство справедливости приводят одну или несколько охот, на которых из-под гончих были убиты лисицы; но доказательством, что в этих гончих чего-то недостает, и чего-то очень существенного, служит уже то, что их хозяева несколько лет помнят те выдающиеся, особенно счастливые охоты, когда им пришлось влепить заряд в красивую лисицу. Даже две-три счастливые охоты при современном обилии лисиц еще не доказывают полной пригодности гончих для правильной лисьей охоты, - это все-таки для охотника достопамятные происшествия, которые он помнит долгое время.

Дело в том, что для настоящей лисьей охоты мало того, если гончие только гонят по лисице, - необходимо, чтобы они ее предпочитали зайцу, а вот этого-то качества и не хватает у большинства современных гончих. Слова нет, большая часть из них гонит по красному, но гонит только если нет зайца; большая часть злобна, положим, но страсть к погоне за куском мяса, в виде зайца, пересиливает благородную, бескорыстную злобность. т.е. врожденную ненависть к красному. И теперь уже предчувствую, что большая часть ружейных охотников скажет: "Нет, у меня поэтому настоящие красногоны: мои гончие по красному гонят лучше, чем по зайцу". Нет, господа, всякие гончие, если они только гонят по красному, то гонят по нем непременно стройнее, чем по зайцу, ведь ни лисица, ни волк не путают следа, не скидываются, как заяц, а след их духовитее, - одним словом, гнать по ним легче. Этим-то и объясняется ложная репутация многих гончих, основанная на ничего не значащем стройном гоне по красному. Если измерять достоинство гончих узким мерилом, что они стройнее гончт по красному, то впадешь в большие ошибки: многие гонят по красному и почти не гонят по зайцу, что же это за настоящие красногоны! - Ничуть не бывало! Это бесчутые гончие, которые для настоящей охоты, ружейной или псовой, ни черта не стоят. На этом ложном

положении основана слава foxhound'ов, которые не могут гнать зайца по бесчутости.

Настоящий красногон гонит по зайцу отлично; только этим он может доказать достоинство своего чутья и хорошее мастерство; с ним охота по зайцам так же успешна, как и со всякй другой гончей. Но вот, во время азартного гона по куску мяса, красногон наткнулся на след красного: короткая перемолчка, красногон задает быстро круг, и заяц эабыт; он уже гонит дорогого зверя, глаза его налились кровью, голос изменился; заяц может перебежать ему дорогу - и самая большая честь, которой он его удостоит, это то, что, может быть, проводит веселым заливом по зрячему и снова вернется к серьезной работе.

Увы! - в погоне за гончими, которые лучше или даже исключительно гонят по красному, т.е. в погоне за жалкой пародией гончих, именуемой foxhound'ами, мы почти уже утратили таких красногонов. Больше всего бывало их из чистых костромских, из которых красногоны такого сорта велись стаями, родами, неизменно передавая из поколения в поколение это качество, и вместе с исчезновением "диких неслухов" костромских исчезли и роды наших запрвских красногонов. Теперь это редкие выродки, удающиеся в благородных предков.

Лисогоны часто выдаются из курляндских, но не красногоны: волков они побаиваются. Русские пешие почти все красногоны; в гону они превосходны, но неудобны на розыске, ибо преждевременно спугивают зверя, стекая его нижним чутьем, голосом, а это бывает причиной, что он иногда делается для них удалелым.

Многие охотники но вопрос о том, как гонят их гончие по красному, отвечают: "с подлаем". Я убедился, что "подлаем" разные охотники называют не одно и то же; некоторые так зовут простой залив, другие - то, что голоса троятся, наконец, и особенный отрывистый гон по красному, как у курляндских и некоторых польских. Но немало есть гончих, которые действительно гонят по красному с подлаем, т.е. не гонят известным изменившимся голосом, а просто лают, как на человека, или гон часто сменяется лаем. Такие гончие не могут считаться настоящими красногонами: своим подлаем они доказывают, что просто побаиваются зверя и, хотя при верховом доезжачем могут служить удовлетворительно, даже, ободряемые его криком, могут зло брать зверя, но для ружейной охоты по лисице и волку это - ненадежные гончие: они всегда предпочтут зайца такому зверю, который здорово кусается.

Правильная охота по лисицам может быть тогда, когда охотник вполне уверен в своих гончих, когда он знает, что поднятая лисица не будет ими променена на подвернувшегося зайца, что она не будет брошена, пока кружится хоть на огромных кругах. Только при таких гончих охотник имеет время спокойно выбрать засаду, без беготни и суеты, которые неизбежны с ненадежными гончими; жаль охотнику упустить дорогую добычу и боится он, что гончие не поддержат, - поневоле и бежит он сломя голову на ближайший лаз, и девять раз из десяти или опоздает, или оттопчет лисицу от лаза. Не то с одним или стаей хороших красногонов. Ровно и настойчиво идет их гон, даже по голосам слышно какое-то упорство, нет азартных порывов, гон все время азартен и тем жарче, чем дольше продолжается. Охотник слушает направление гона и чаще идет совсем не в его сторону, а туда, где лисица должна идти, возвращаясь после заданного круга; там

он выбирает удобную засаду и ждет, слушая удаляющийся гон. Вот он едва уже слышен и стал заворачивать полем, вот стая ввалилась в дальнюю рощу, а из нее - в овраг, и голосов не стало слышно. Но вот гон ярко вырвался из оврагов в недалеких мелочах и направился быстро на охотника, и он приготовился. Не дальше ста шагов что-то мелькнуло: человек непривычный подумал бы, что это сорвавшийся лист или птичка, но охотник приготовил ружье, - это лисица приостановилась и слушает гончих; еще минута - и она галопом с опущенной трубой бежит охотнику чуть не в ноги; дальше понятно -"бац!".

Без сомнения, и хорошие охотники частенько ошибаются; два-три круга задаст лисица - не тут-то было, не дается. Вот, кажется, совсем нажали в опушку, да и скользнули по ней в сторону гончие, - значит, сметила, не вовремя шевельнулся или ветерок с охотника на нее пахнул, - тут надо менять засаду: этим местом лисица не пойдет. Вообще охотнику труднее справляться с лисицами прибылыми: они ходят не так правильно, как матерые, хотя и кружат на меньших кругах. Но зато прибылая гораздо глупее и иногда так бывает занята гончими, что набегает на открыто стоящего охотника, чего с матерыми почти никогда не бывает. Прибылые выкидывают иногда и такие штуки, на которые матерая лисица не решится. Бывает, что прижатая гончими в опушку и оглядев впереди охотника, прибылая бросается на несколько шагов в сторону и плотно затаивается; гончие, особенно паратые, проносятся мимо, а лисица старым следом удирает назад. Если гончие пеши и долго гоняют прибылую лисицу, она иногда так к ним привыкает, что вертится у гончих почти под носом, а чуть они скололись и смолкли, она залегает, как прибылой белячишка, и вскакивает только от наткнувшейся в упор гончей. Конечно, при верных в гоньбе и не слишком пеших собаках такие художества редко кончаются для лисицы благополучно, и она со своими хитростями чуть не сама вскакивает в зубы гончим. Матерая пускается на такие же проделки только подстреленная, но так как по крови гончие чуят лучше, то ее скоро славливают.

Вообще гончих с низкими басовыми голосами лисица боится меньше, чем гончих с голосами высокими, и от первых уходит сразу не так далеко. Это не мешает принимать во внимание при выборе красногонов для ружейной охоты. Если гончие параты, то разница голосов ничего не значит; как бы быстро и далеко не хватила лисица с первого гона, паратые от нее не отстанут, но если гончие пеши, то лучше, чтобы они были с низкими голосами, иначе лисицы будут уходить от них слишком далеко, и им придется их терять.

Сколько надо гончих для лисьей охоты, зависит от достоинства красногонов, но общее правило - чем меньше, тем лучше. Самая добычливая охота бывает с одним красногоном, но гончих, которые были бы годны для такой одиночной охоты, очень мало. Из множества пребывавших у меня гончих различных пород я могу насчитать не больше пяти таких собак; три были костромские и две - помесь костромских с русскими пешими. Красногон, с которым возможна одиночная охота, должен быть в высшей степени чутьист, обладать звучным, но невысоким голосом, лучше не частым, а мерно-редким; он должен быть умен и привычен к ходьбе охотника так, чтобы ему не надо было подавать голоса: он сам должен сообразовать свой поиск с направлением охотника, которое он узнает, перебегая по

временам его след. Все хорошие ружейные гончие обладает широким круговым поиском, но одиночный красногон должен искать на особенно больших кругах, примерно около версты. Это последнее качество не уважается большей частью охотников-эайчатников, - дескать, что за собака, поднимет еле слышно, - иди невесть куда! Но иное дело - бить зайцев, а другое - охотиться по лисицам. Вот на зайцев, например, можно ходить целой оравой, можно орать и курить, стоя на лазах, а охотясь по лисицам, нелишне вести себя поскромнее, не говоря о том, что орава, которая только небезопасна и неприятна на заячьей охоте, на лисьей исключает всякую возможность удачи.

Красногонов, которые были бы хороши в одиночку, вообще мало; редко кто так счастлив, что их постоянно имеет, и больше приходится охотиться с несколькими, но ни в каком случае их не надо более пяти-шести смычков. В такой стайке состав должен быть безукоризненным. Если хоть одна гончая даже слегка перечит, т.е. просто идет не в куче, а немного стороной, если гончие валятся к гону с голосом или не безукоризненно дружны, - удача сомнительна. Спору нет, случаются охоты, на которых убивают даже по нескольку лисиц из-под собак, которые, не говоря уже о стайном гоне, и сами-то не имеют никакого подобия гончих, но ведь это только "случается" и обладатель таких импровизированных красногонов никогда не может верно рассчитывать на удачную охоту.

В стае гончим работать, относительно стройности гона, легче на том основании, что недостаток или промах одной пополняется и исправляется другой; гон идет ровнее, меньше бывает сколов и перемолчек, наконец, несколько гончих, идущих на широких кругах, живее натекают на свежий нарыск или по ветру на залегшую лисицу; к тому же стаей все гончие гонят паратее и задорнее, что веселит охотника. Многие гончие достаточно вязки и энергичны на розыске исключительно в стае, а взятые в одиночку, таскаются сзади охотника, бросают поднятого зверя и вообще ведут себя отвратительным образом, исключая всякую возможность охотиться с одной из них.

Хотя это не касается прямо того, о чем я теперь пишу, но ввиду справедливости и прекращения распространения ложных учений я не могу умолчать о следующем: не раз и не два мне пришлось уже слышать, что красногоны неминуемо и "овцерезцы". Как видите, и термин изобретен подходящий. Собственно говоря, это такая чепуха, о которой и говорить бы не стоило, но наш ли это национальный недостаток или мне приходилось постоянно натыкаться на особенно легковерный народ, только уж слишком у нас скоро верят всякой галиматье, в особенности касающейся охоты; по большей части не дают себе труда, чтобы уразуметь всю неосновательность хотя бы и того, что проповедывается некоторыми о красногонах. Впрочем, распространители учения и основывают-то его на доказательствах вроде того, что у такого-то гончие по волкам гоняют хорошо, а по овцам и свиньям и того лучше, стало быть, и все гончие, которые гонят по волкам, гонят по овцам и телятам. Вывод, как видите, самый логичный.

Мне уже пришлось упоминать, что по лисице всякие гончие, если только гонят, то гонят непременно стройнее, чем по зайцу; поэтому для гончих на лисьей охоте погода имеет меньшее значение, чем на заячьей. В удобную для чутья и гона

погоду и по лисице гончие гонят, конечно, лучше, но и в такую, в которую гон по зайцам совершенно не клеится, по лисице гонят настолько удовлетворительно, что охота бывает возможна. В очень сырую и даже мокрую погоду или в сильный и сухой мороз одни и те же гончие не держат зайца и гонят хорошо по лисице; то же самое и в "пестрое поле", т.е. когда снег местами стаял, только отличные гончие гонят хорошо по зайцам, а лисицу держат - и посредственные.

Но если погода для гончих и не имеет большого значения, то для охотника она значит много. Туман - самая неудобная для охоты погода, ибо охотник не может рассчитывать на сколько-нибудь правильный ход лисицы, и убить ее в такую погоду - дело счастливого случая. Неудобен в высшей степени и сильный ветер, который относит голоса гончих, так что охотник или вовсе их не слышит, или часто теряет из слуха направление гона, а при таких условиях нельзя верно выбрать засаду. В сильный мороз охотиться тоже плохо, в особенности с пешими гончими, ибо лисица ходит на слишком больших кругах.

***

Охота с гончими по лисицам в общих чертах совершенно сходна с ходовой охотой по зайцам, но здесь всякий лишний человек, а особенно если он не из толковых охотников, безусловно мешает. Каждый лишний шаг, сделанный охотником, может сразу испортить все дело, а поэтому горячие бегуны, которые на заячьей охоте только смешны, на лисьей охоте окончательно не годятся. Заяц не смущается даже встречи с охотником и выстрелом, и если остался жив, продолжает кружиться в том же месте, нередко и тем же лазом; не говоря о встрече с человеком, лисица, даже наткнувшись на его след, непременно сейчас же изменяет свой ход и ни за что не пойдет там, где раз зачуяла опасность.

Ввиду этого охотник во время гона по лисице должен вести себя крайне осторожно и осмотрительно; раз занятую засаду, если по изменившемуся ходу лисицы сделается очевидным, что она выбрана неудачно, оставлять следует, когда гон значительно отдалился; переходить надо не производя шума и лучше всего шагом, а не бегом и по возможности стараться не пересекать хода лисицы, а подвигаться вдоль него, на некотором расстоянии. Но если засада выбрана удачно, а лисица только долго на нее не бежит, то не следует горячиться и менять место, надеясь скорее убить. Следует запастить терепением и выжидать, что в конце концов оказывается почти всегда выгоднее. Занимая засаду, необходимо принимать во внимание направление ветра и становиться так, чтобы он не наносил запаха охотника на предполагаемый лаз или встречный путь лисицы. Ветер большею частью забывается охотниками, и только после того, как, по-видимому, без всякой причины совершенно прижатая лисица не скользнет в сторону и изменит ход, охотник вспоминает свое упущение, но, конечно, поздно - и волей-неволей приходится менять засаду. Нечего и говорить, что стрелять по шумовым зайцам или тетеревам не годится, - выстрелом испортишь дело, в особенности если гонят матерую. Не одну охоту испортили мне жадные случайные товарищи, которые не могли воздержаться от стрельбы по разной дряни, которая, как на грех, постоянно подвертывается в это время на выстрел. Становясь на место, надо непременно прятаться эа куст, дерево или камень; главное, необходимо скрываться по грудь, ибо лисица, как и волк, смотрят по низу и только на время остановок

поднимают глаза. Много значит на охоте по красному сторожкому зверю умение охотника рассчитать свои движения так, чтобы зверь их не заметил. Приобретается это умение, конечно, только практически: надо знать, когда внимание зверя обращено не в ту сторону, где находится охотник, а узнается это по его движениям, ибо на значительном расстоянии, еще вне выстрела, глаз его незаметно. Тот, кто приобрел этот навык, шевелится, повертывается, даже в крайних случаях перебегает на небольшие расстояния, по-видимому, в виду зверя и не бывает им замечен, а новичок, сидя неподвижно, все-таки бросается в глаза и отпугивает чуткого зверя каким-нибудь еле заметным, непроизвольным движением от отсиженной, неловко положенной ноги. Всего труднее бывает становиться в чистых полях, и таких лазов лучше всего избегать, а помечаться или в опушку, из которой ожидается лисица, или за полем, куда она должна перелезть, но последнее место бывает не легко угадать, в особенности если поле широко, а опушка ровна и длинна. В кустах или лесных прогалинах становиться легко, только следует по возможности выбирать такие места, с которых хорошо видно доступное выстрелу пространство, в лесу или зарослях выбрать место нетрудно, в особенности когда лисица ходит на маленьких кругах, но поглядывать там надо очень зорко, а то как раз прозеваешь лисицу в пяти-шести шагах; если у охотника хорошо развит слух, то в лесу он ему очень помогает, потому что, прежде чем увидишь лисицу, бывает слышен ее бег, в особенности поздней осенью по опавшему листу. Одеваться охотник должен сообразно общему цвету окружающей местности, лучше всего в серый или вообще в темный цвет. Если на охотнике есть хоть небольшая часть костюма или вещей, бросающаяся в глаза резким цветом или блеском, то охота становится несравненно труднее, а, например, в белой шапке, штанах или кителе на лисью охоту лучше не ходить.

Сама охота производится следующим образом: утром, спустя час или два по восходе солнца, когда роса пообсохнет или сойдет иней, охотник с гончими на своре идет к острову или отъему, в котором держатся лисицы; на опушке он размыкает собак и тихо, без порсканья, двигается вдоль опушки. Гончие, если это привычные лисогоны, сразу не уходят в лес, а бегут опушками и полянками, на которых обыкновенно мышкуют лисицы. Лисица в это время утра только возвращается на день в лес, а иногда мышкует гораздо позднее, и гончие скоро причуивают ее свежий след или натыкается по зрячему.

Первый круг лисица задает обыкновенно опушкой, как бы для того, чтобы осмотреть мвстоположение, а потому с первого гона охотник становится в опушку и нередко сейчас же стреляет, вслед за кругом опушкой лисица начинает кружить или в острове, или задавать круги островом и полем, выбирая открытым местом ложбинки или редкие кусты; часто она ходит под гончими из одного отъема в другой, и этот последний ход обыкновенно бывает самый правильный, т.к. чистиной лисица ходит одним и тем же местом.

Нередко случается, что разомкнутые гончие натыкаются на зайца и гонят его, но это не беда, лисица мало боится гона, если гончие преследуют не ее, упорно держится своего округа, а нередко и отъема, только сторонясь от гончих, и если красчогоны хороши, то они все-таки бросают зайца, наткнувшись на лисий след. Характерная особенность лисицы, что она боится гончих, охотника и даже крика

или выстрела только тогда, когда знает, что добираются именно до ее шкуры, позволяет охотнику убивать по нескольку лисиц в одном и том же острове. Не говоря о выводках, которые держатся вместе весьма крепко, даже у холостых матерых лисиц осенью бывает между собой какая-то солидарность. Случается часто, что одну лисицу гончие гонят, а другие, тоже матерые, ходят стороной, сообразусь с ходом гонной и не уходя прочь.

То же, что я говорил относительно эаячьих лазов, применимо и к лисьим, т.е. что описать все случаи, в которых лисица пролезет тем или другим местом, нет возможности, но, как и на заячьей охоте, новичку лучше становиться там, где лисица уже раз пролезла, конечно, соблюдая правила относительно занятия засады.

Но не все лисицы кружатся под гончими одним местом; попадаются такие, которые постепенно удаляются, задавая все новые и новые круги; с этими сладить бывает нелегко, - надо хорошо знать местность и обладать достаточной быстротой ног, чтобы перехватить новый круг вовремя, и даже привычный охотник частенько ничего не может поделать. Однако такие лисицы, все равно что набеглые, попадаются сравнительно редко, это просто нагоненные шатуньи, которым округ везде: они несколько дней живут в одном месте, а при малейшем испуге переходят в другое; попадаются они чаще в местностях, где часто охотятся с кричанами или с гончими плохие стрелки, обстреливающие лисиц безвредными выстрелами.

Если не желают, чтобы гончие могли попасть на зайца раньше лисицы или чтобы они не погнали далеко от охотника, и иногда не размыкают, а высматривают лисицу и насаживают сразу на гонный след. Такого рода охота удобна в сильный ветер или в очень гористой местности, ибо в ветер или в горах можно не услышать гона вовремя и потерять гончих на несколько часов. Чтобы застать лисицу в поле и увидать ее, выходят на охоту со светом: один охотник тихо подвигается вдоль опушек и осторожно высматривает, а другой ведет гончих, отставая от первого на сто шагов; конечно, такие поиски "на глаз" возможны только там, где лисиц очень много.

Я люблю еще один способ отыскивания лисиц, который мне всегда хорошо удавался, пока лисицы не были мною выбиты в моем околотке. К вечеру я отправлялся верхом и ездил шагом опушками и лесными полянками, высматривая, где мышкует лисица. Местовую лисицу легко отличить от набеглой: первая выходит на добычу крадучись, припадая к земле, и, внезапно испуганная, или припадает и затаивается, или бросается прямо в опушку; даже если на резвой лошади отрезать ее от леса, она только повернет полем и все-таки проскользнет в опушку. Движения набеглой отличаются каким то беспокойством: она редко ходит шагом, а все трусит и суется в разные стороны, редко и неохотно приближаясь к опушкам, а, испуганная, бросается по преимуществу чистым местом; если же ее эаскакать и заставить бежать в лес, она из него старается сейчас же выбраться в поле.

Отыскивая таким образом лисиц с вечера верхом, надо принять за правило пугать каждую; следует делать это потому, что набеглую, таким образом, непременно угонишь, а местовую нет, и на другой день верно идешь с гончими на местовую. Пугать надо не криком, а толкнуть лошадь и погнаться за лисицей до опушки: местовая этого мало пугается и утром мышкует на том же месте, а

набеглая от такой погони удирает без оглядки, чего только и надо. Высмотрев таким образом с вечера, на другой день берем одну или пару гончих и идем на знакомое место: обыкновенно не проходит и двух часов, как вчерашняя знакомка бывает убита.

Верным признаком выводка лисиц в данном месте, если неизвестны норы, служит отсутствие какой-либо молодой дичи, как зайцев, так и пернатой, - все переедено еще летом; тут же обыкновенно бывает изобилие сорок, неизменных спутниц лисицы. Сороки своим стрекотанием даже указывают то место, где лисицы находятся в данное время. Теми же признаками отличаются места, избранные компаниями холостых лисиц, но для охотника это безразлично, и убить в одном отъеме пару или тройку матерых даже приятнее, чем прибылых.

Кстати, о норах. Если таковые известны, то это хорошее место для засады на молодых лисиц; всего чаще, кружась под гончими, они ходят через норы и, смученные долгим гоном, нередко норятся, т.е. уходят в норы, что больше случается в сентябре месяце, когда выводок держится еще по соседству нор. Матерые лисицы в моей охотничьей местности не норились никогда, но в некоторых других местах это - весьма обыкновенное происшествие, так что у некоторых охотников принято за правило, прежде чем бросать гончих, забивать норы камнями, сучьями или хворостом. Впрочем, из нор, собственно лисьих, достать или выгнать поноривщуюся лисицу нетрудно. Они никогда не бывают особенно глубоки, и с помощью которой-нибудь из гончих, не боящейся лазать в нору, и длинного прута лисица выгоняется вон или ловится гончими тут же, в норе. Но совсем другое дело, если лисица понорится в нору барсучью, которая нередко в легком песчаном грунте имеет до двух сажен глубины и пролегает горизонтально на значительное расстояние; тут даже и лопаты ничего не могут поделать; в таком случае лучше просто сомкнуть гончих и идти искать другую лисицу.

Слыхал я, что в некоторых местностях сами лисицы роют очень глубокие и длинные норы, но, признаюсь, этому не верю, ибо лисица сама рыть норы очень ленива, а большею частью живет в норах барсучьих (в нашей местности), покинутых настоящим хозяином, да и то редко занимает всю нору, а только небольшую ее часть. Когда таких готовых нор нет, лисица нередко их вовсе и не роет, а расцарапывает углубление между корнями старой ели или под пнем, где щенится и выкармливает выводок, а два раза мне пришлось видеть лисьи гнезда с молодыми просто во мху, под низко спущенными, густыми еловыми сучьями.

***

В местах не слишком болотистых, не покрытых сплошь лесами, не заваленных валежником, и главное, там, где местные условия дозволяли или дозволяют держать псовые охоты, ружейная охота с гончими удобнее и добычливее, если производить ее не пешком, а верхом. Без сомнения, верховая охота обходится дороже пешей: на ней трудно обойтись в одиночку, почти необходим другой охотник, но если рассматривать охоту со стороны убытков, то лучше покупать убитую дичь, что успешно выполняется поваром, а самому сидеть дома. Впрочем, убыточна верховая, да и почти и всякая охота бывает только тогда, когда она ведется без достаточного знания, а в противном случае, если охотник желает окупить охоту, то почти всегда он может выручить с нее достаточно, чтобы

она ему почти ничего не стоила, а охота с гончими окупается и слишком. Смешно бывает слышать, что "промышленнику можно жить охотой, - вон он к утке на животе по тине ползает!" Точно именно выгоду и извлекают из ползания по тине. Нет, промышленник берет тем, что, во-первых, знает отлично привычки и нравы тех животных, на которых охотится, во-вторых, терпелив, в-третьих, бережет заряд, т.е. в обширном смысле сообразует свои расходы на охоту с тем, что она может ему принести.

Охотнику-любителю никто не мешает знать лучше промышленника привычки и образ жизни каждого животного: он грамотен, у него, следовательно, в руках книги и он достаточно развит, чтобы не приписывать разных случаев, которые он наблюдает в жизни животных, сверхъестественным причинам и подводить их под известные правила, которыми он и может пользоваться разумно и сознательно, а не потому, что так всегда делалось, т.е. автоматически, как большая часть промышленников. Терпение тоже на свете никому не заказано, каждый может в себе развить это качество в достаточной степени, да и терпение для охоты требуется не Бог весть какое; оно в значительной степени заменяется опять-таки научно-охотничьей подготовкой, которая и помогает охотнику не терять времени даром и поспевать куда следует вовремя. Вообще чрезмерная утомительность или несоразмерная с результатом большая трата времени, а следовательно, и огромное терпение не есть принадлежность какой-либо правильной охоты, а следовательно, и удачной; всякий охотник замечал, надеюсь, что самые удачные охоты бывают всегда менее утомительны, чем неудачные, а неудача есть следствие неправильной постановки какого-либо дела. Наконец, относительно "сбережения заряда", сравнение может быть только в более широком смысле, хотя, впрочем, и в буквальном, т.е. "беречь заряд" и не тратить его по пустому разумно и нисколько не мешает любительской охоте. Промышленник прежде всего живет охотой, а если и не существует ею исключительно, то требует от нее дохода: поэтому понятно, что он во всем жмется, начиная от покупки грошового ружьишка и кончая собакой, которую он почти не кормит. Наше дело другое: нам жить охотой не требуется, на доход с нее мы также не рассчитываем, но большинству из нас не то что приятно, а необходимо, чтобы охота обходилась дешевле, т.е. окупала бы себя. Поэтому заведение охоты никто из нас не имеет намерения окупать, - эамашки у нас на этот счет не такие; глупо бы было в высшей степени, покупая ружье рублей в 400-500, надеяться выручить эти деньги охотой с легавой, или, платя за пару гончих полтораста руб., нельзя рассчитывать, что они окупятся охотой, но и ружье и собака есть одновременная затрата, так сказать, обзаведение, которое и само по себе составляет ценность. Дальнейшая стоимость охоты, как-то: содержание собак, нанятый охотник, наконец расходы на охоту и отъезды - все это окупается даже с излишком, конечно, если все ведется толково, ибо не может окупиться охота по лисицам там, где их нет, или если охотник, имея охоту, с ней не охотится.

Обзаведение для верховой охоты стоит несколько дороже, чем для пешей, но она и добычливее пешей, и покойнее, и веселее. Если охотник пользуется тем, что он верхом только для того, чтобы торочить, а не таскать на собственных плечах убитого зверя, то даже и этим много выгадывается - охотник не утомляется,

следовательно, и стреляет лучше. Но если иметь хорошо приезженную лошадь, к тому же достаточно резвую, да и уметь ею пользоваться, то в удобной местности никакому зверю положительно нет уходу; тут различие местового и набеглого зверя теряет для охотника всякое значение. Катай лисица или матерый волк с места напрямик, лишь бы местность была подходящая да знакомая, - ему не миновать тороков; за десять, много за пятнадцать верст, еще заранее успеет заскакать ловкий охотник, затаит в опушке, кусту или ложбине лошадь, наждет зверя и угостит свинцовым горохом. Зверь местовой, кружащийся под гончими, перехватывается верховым охотником гораздо скорее, и если охотятся вместе двое - один верхом, другой пеший, - то более чем где-либо оправдывается пословица: "пеший конному не товарищ".

Верховая охота бесспорно самая лучшая из всех ружейных охот с гончими, не говоря о ее добычливости. Это такая же удалая и бесшабашная охота, как и псовая, а этого дорогого русскому сердцу качества не хватает почти во всех ружейных охотах. Сильно распространиться она никогда не может: привычка к лошади и стрельба с нее не дается так легко каждому, как несложное шалопайничанье с ружьем и легавой собакой.

Лошадь для ружейной охоты должна быть непременно хорошо выезжена, но, конечно, не на мундштуке. В общих чертах от нее требуется все то же, что и от лошади для псовой охоты, т.е. чтобы охотник управлял ею так же свободно, как собственными ногами: она должна быть смирна, по возможности резвее и поводливее на быстром аллюре, не должна бить собак; кроме того, лошадь для ружейной охоты должна относиться к выстрелам совершенно равнодушно и должна смирно стоять в лесу одна, привяэанная чумбуром.

Только на такой лошади возможна настоящая верховая охоты, но приобрести таковую нелегко, главное потому, что многие лошади не боятся выстрела, но относятся к нему неравнодушно: видя поднятый ствол, лошадь начинает переступать ногами или мотать головой, и надо привычку к этому движению, чтобы не упасть, и второго выстрела с такой лошади, конечно, сделать никогда не удастся. Привычная хорошая лошадь должна выдерживать выстреоы как вкопанная, а некоторые, видя поднятый ствол, опускают голову и, не поднимая ее, выдерживают выстрелы. Такая лошадь, да если она еще резва и вынослива на скачке, не имеет цены, но и крайне редко удается. Казалось бы, чего лучше для этой охоты лошадей казачьих, но на самом деле из них немногие бывают годны; большая часть из них приучена к выстрелам на скаку, что они и исполняот досросоввстно, т. е. бросаются в карьер вслед за выстрелом; к тому все они выезжены на очень крепких поводах и заносят. Лучшие лошади выходят, без сомнения, из тех, которых выезжает сам охотник и заблаговременно приучает к выстрелам, но не всякий способен к выездке, а потому пр покупке надо быть очень осторожным и брать лошадь только после основательной пробы. Не говоря о том, что на дурной лошади охота не может быть удачна, некоторые пороки ее, например, если она пуглива, неверна ногами или тугоузда, подвергают и охотника значительной опасности.

О седловке охотничьей лошади и говорить нечего, - какая седловка удобнее, зависит от привычки охотника; многие предпочитают кургузое английское седло,

другие казачье, или, что то же, русское охотничье, а стрельба с лошади зависит от того, насколько охотник привычен к верховой езде и может быть хороша тогда, когда он чувствует себя на лошади "как дома", что возможно на хорошей лошади и в привычном седле. Должен я также заметить, что не следует никогда привязывать чумбура к поясу, как бы смирна и благонравна ни была лошадь, - кончается это всегда более или менее сильным ушибом. И за самую привычную лошадь нельзя ручаться, что при известных условиях она не испугается выстрела: например, вечером, когда выстрел ярко сверкнет, или бывает, что лошадь задумывается и пугается внезапно выстрела; последнее советую принять во внимание и никогда не давать лошади спать, когда готовишься стрелять.

Лучше всего охотиться вместе двум верховым охотникам, что особенно хорошо, когда стая подхватит по набеглому зверю, уводящему ее напрямик. Верховые в таком случае держатся с разных сторон, один с правой, другой с левой, и скорее имеют возможность перехватить зверя. Они должны держаться наравне с гончими, что стороной нетрудно, и раньше времени не мучить лошадей напрасной скачкой. Редкий зверь, разве матерый холостой волк, идет под гончими лесом совсем прямо; обыкновенно в каждом заразистом месте он описывает дугу, иногда почти равную полному кругу, поэтому стороной следить и равняться с гоном можно бывает крупной рысью или галопом и только на объездах или крутых поворотах гона приходится скакать. Наконец, когда ход зверя определился и впереди есть верный лаз, охотник быстро заскакивает и занимает лаз, притаиваясь с лошадью. Лучше не слезать с лошади, разве только на самом верном лазу; если же зверь пройдет стороной, а охотник отошел от лошади, то теряется время и приходится догонять гончих. Заскакивать следует неблизко от опушки, чтобы топотом лошади не отпугнуть эверя от предполагаемого лаза.

Охота верхом по местовому зверю ничем не отличается от пешей: здесь охотник может стрелять больше, спешившись и привязав лошадь, которая нередко может быть употреблена вместо пугала, чтобы отшибить зверя со стороны и направить его на охотника.

Если охотник - хороший наездник и стрелок, то при верховой охоте возможно делать блестящие и красивые выстрелы, которым могут позавидовать "болотные герои", - это перехватить зверя в виду. Возможно это только на хорошо выезженной лошади, конечно, не тупой и только "наперекосых". В поле, лесу или редких кустах зверь в виду заскакивается стороной и потом быстро поперек: на скаку бегущего эверя убить очень трудно, мне таких мастеров видеть не приходилось, а потому надо угадать расстояние, остановить коня и моментально убить зверя метким выстрелом. По-моему, такой выстрел несколько потруднее дублета по бекасам, но все хорошо в своем роде...

От эаскакивания "на глаз" достается больше зайцам; лисицу таким образом убить труднее, и мне редко это удавалось; зато, желая заскакать лисицу, нередко мне приходилось вогнать ее в зубы гончим.

***

Зимой ружейная охота с гончими в нашей местности производится удачно только по первозимью, до глубоких снегов и в конце зимы по настам, которые, впрочем, бывают далеко не ежегодно.

Пока снег не глубок, охота ничем не отличается от осенней. Беляков бьют совершенно так же, как и осенью, но для охоты по лисицам надо выбирать теплые и неветренные дни, в которые лисицы ведут себя так же, как и осенью, т.е. кружатся и часто даже на меньших кругах, а в глубокие и мягкие пороши гончие их скоро сганивают. Но в морозные дни или в метель охота по лисицам невозможна: они уводят гончих прямо полями, так что и верхом ничего не поделаешь: разве, оставя ружье дома, сганивать лисиц гончими, но парфорсная охота уже не ружейная.

Некоторый интерес представляет зимняя охота с гончими за русаками. Гончую надо только одну и самую пешую, степенную. От такого пса русак кружит полями на небольших сравнительно кругах, но надо не мало умения, чтобы его перехватить. Охота эта интересна тем, что и гон и перехватывание происходят в поле, и заяц бежит и гончая гонит часто все время в виду охотника; весела она может быть только там, где русаков достаточно да есть хорошие товарищи, но убить много на этой охоте приходится редко. Впрочем, в хорошую порошу охотник может и сходить зайцев, а гончую держать в запасе на своре и пускать по подстреленным.

Есть еще способ зимней охоты с гончими, преимущественно по красному зверю, это - охота с предварительным обкладыванием. Обложив предварительно зверя, занимают вокруг лазы и бросают гончих. Но с тех пор, как стала известна охота нагоном или, как некоторые называют, по псковскому способу, охота с гончими с обкладыванием потеряла всякое практическое значение, ибо гораздо проще и вернее употребить двух-трех загонщиков, которые легко выставят зверя на двух-трех стрелков, из такого места, на которое, для верной охоты с гончими, надо множество стрелков.

Вообще зимняя охота в наших местах с гончими неудобна: мягких порош бывает у нас вообще мало, снег скоро покрывается коркой, которая портит гончим лапы, или сразу выпадают большие снега и ходьба делается возможной только на лыжах, а гончие вязнут по уши. Наконец, крестьянами ставится много капканов (желез), так что рискуешь испортить или совсем потерять гончую; с маленькой стайкой можно нарваться и на волков, которые зимой не всегда трусливы и бывает иногда, что идут на голоса гончих.

Да и что за неволя охотиться с гончими в неудобное время, когда возможна охота по красному зверю нагоном, - всякая охота хороша в свое время, и зимой ограничиваешься редкими охотами с гончими, не охоты ради, а чтоб собаки не залеживались.